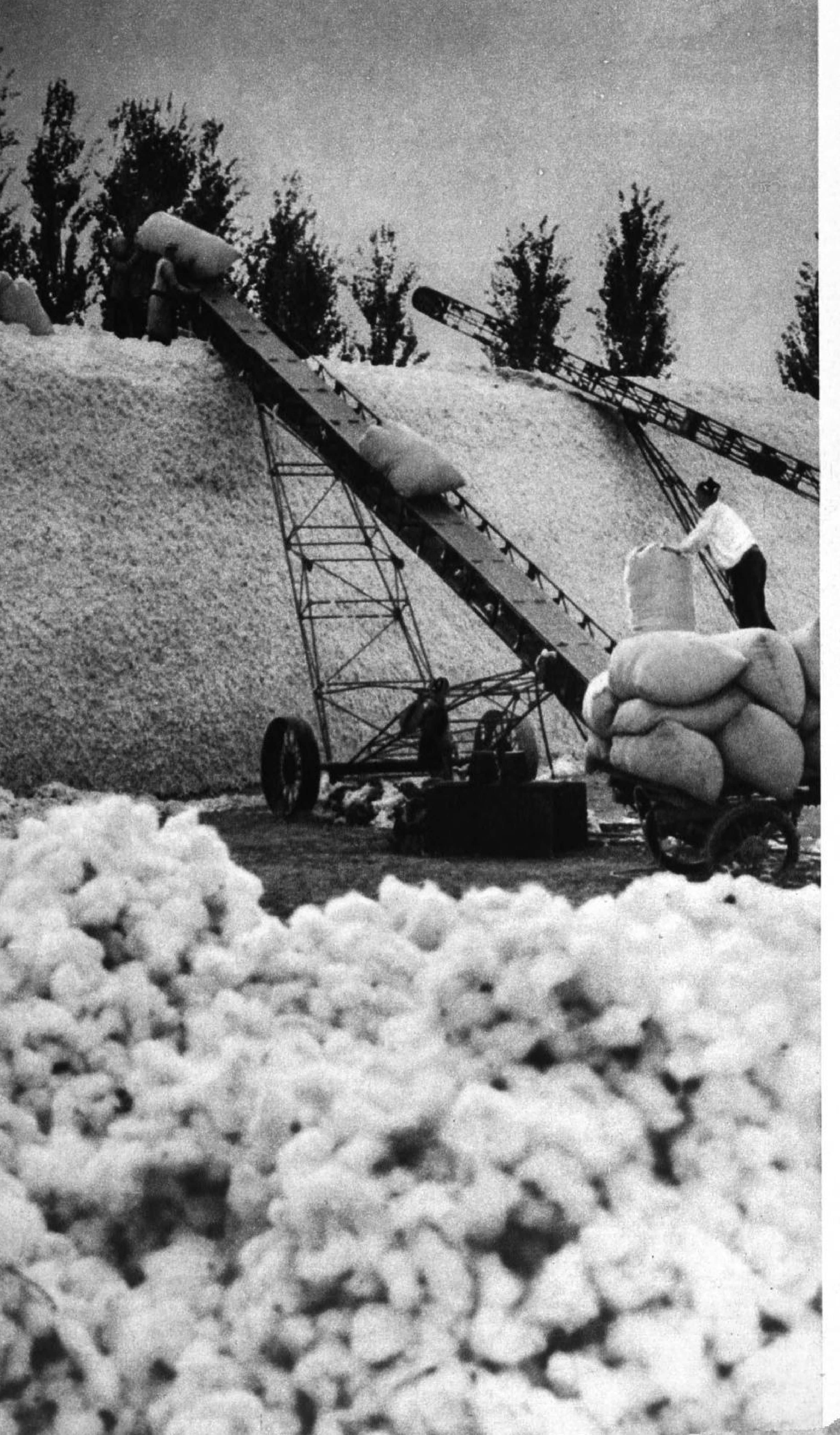

ОГОНЁК
№ 46 НОЯБРЬ 1956
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

В Таджикистане идет массовый сбор и сдача хлопка-сырца. На заготовительный пункт при Пролетарском хлопкоочистительном заводе (Ленинабадская область) непрерывным потоком поступает хлопок нового урожая. На снимке: механизированная укладка хлопка в бунты.

Фото И. Кургана (ТАСС).

На первой странице обложки: Чилхажав Дагва, первая в Монгольской Народной Республике женщина — председатель сельскохозяйственного объединения. Управлять мотоциклом ее обучает студент Улан-Баторского сельскохозяйственного техникума Жамьян (см. в номере очерк «Приезжайте через год»).

Фото Б. Кузьмина.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

34-й год издания

ОГОНЁК

№ 46 (1535) 11 НОЯБРЯ 1956

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

7 НОЯБРЯ 1956 ГОДА. МОСКВА. КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

ОКТЯБРЬСКИЙ ПРАЗДНИК В МОСКВЕ

Фото Дм. Бальтерманца, А. Бочинина, А. Новикова, Я. Рюмкина, И. Тункеля, С. Фридлянда.

На трибунах — зарубежные гости из Китая, Индии, Германии.

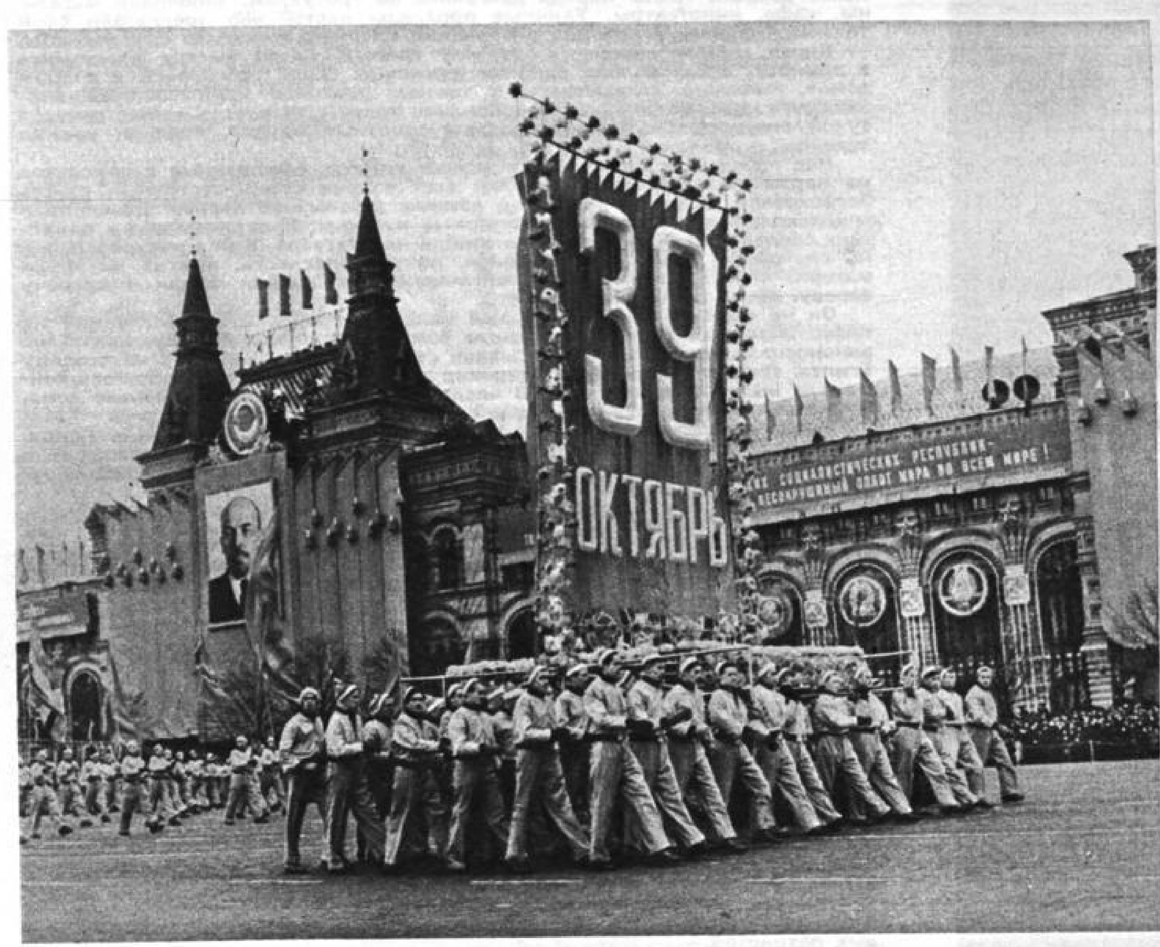
Идет артиллерия.

Торжественное заседание Московского Совета депутатов трудящихся совместно с представителями партийных, общественных организаций и Советской Армии, посвященное празднованию 39-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Заседание проходило вечером 6 ноября в здании только что отстроенного Дворца спорта на Центральном стадионе имени В. И. Ленина в Лужниках.

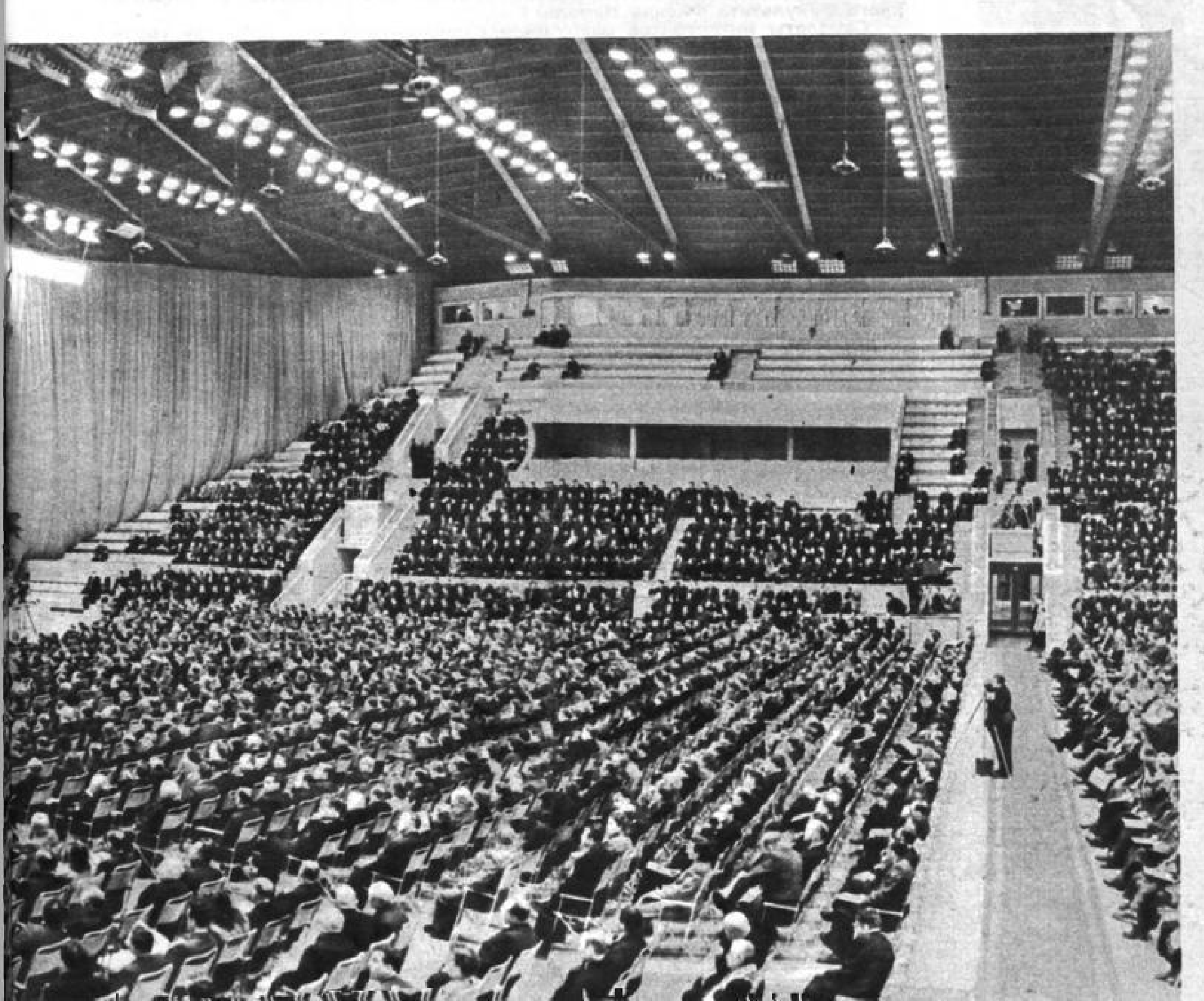
На трибуне Мавзолея 7 ноября 1956 года. Руководители партии и правительства приветствуют участников демонстрации.

Колонна физкультурников на Красной площади.

Пока не начался парад...

Всюду на улицах много детей.

РУКИ ПРОЧЬ ОТ

Прогрессивные люди всех стран протестуют против военной авантюры империалистов в Египте. Вместе с египетским народом — миллионы арабов. Против политики своих правительств выступают простые люди Англии и Франции. Вместе с народом Египта наш миролюбивый советский народ, всегда выступающий против национального угнетения. Советские люди горячо одобряют Заявление Советского правительства, осудившего агрессию Англии, Франции и Израиля против Египта. Они гневно протестуют против варварских действий колонизаторов. В поддержку египетского народа выступали общественные организации нашей страны.

Руки прочь от Египта!

КАИР, 6 НОЯБРЯ...

Н. ДРАЧИНСКИЙ,
специальный корреспондент «Огонька»

Когда писались эти строки, в небе над Каиром еще рвались снаряды зенитных орудий. Несколько реактивных самолетов, оставляя после себя длинные белые хвосты, вились над городом, как злые коршуны. Носители смерти и разрушений выискивали очередную жертву. Вот раздались тяжелые раскаты: сброшены бомбы. Я видел, как поднялась туча черного дыма. У открытых окон, на балконах высоких зданий, не боясь, стояли люди. Среди них много женщин и детей. С лютой ненавистью смотрели они на очередное злодеяние англо-французской авиации, методично разрушавшей плоды многовековых трудов египетского народа. Можно ли найти слова, чтобы передать всю силу жгучей ненависти к колонизаторам, которая переполнила души египтян!

...Вечером 31 октября я проходил по Площади Оперы, в самом центре Каира. Сгустились сумерки, и город сверкал роем электрических огней. Три миллиона жителей столицы были заняты своими обычными, будничными делами. Толпы народа двигались по тротуарам, заполняли магазины, кафе, кинотеатры. Уличные продавцы настойчиво предлагали свои товары. Пожилая египтянка с малышом на руках покупала ему леденцы.

Вдруг завыли сирены воздушной тревоги. Город быстро погрузился в темноту, остановилось уличное движение. Люди прижались к стенам домов, тревожно вглядываясь в темное, усеянное крупными южными звездами небо. Вот в вышине появились яркие вспышки, и тотчас донесся сухой оглушительный треск — залпы зенитных орудий. Ребенок уронил леденцы и заплакал.

Над городом повисли осветительные ракеты, сброшенные с самолетов на парашютах. Их яркий желтый свет озарил северо-восточный район. Загрохотали разрывы бомб, над домами заполыхало зарево. Позванивая в колокол, туда помчались санитарные машины. Я не заметил ни малейших следов паники. Люди молча стояли на тротуаре. У них посуровевшие, но спокойные лица. Даже ребенок, почуяв опасность, притих на груди матери. Кто-то сказал: «Это англичане» — и поднял кулак навстречу зареву.

Он не ошибся. Это был первый налет англо-французской авиации на Каир. В тот же вечер реактивные бомбардировщики, базирующиеся на авианосцах, еще дважды сбрасывали свой смертоносный груз на столицу Египта. Ожесточенной бомбардировке подвергся пригород Шубра-эль-Хейма, где живет трудовой люд. В числе первых разрушений — жилые дома, госпиталь, мечеть, международный аэродром.

С тех пор самолеты агрессоров то и дело появлялись в небе Каира. Они прилетали небольшими группами, стремясь держать население в постоянной тревоге. Но жители с каким-то особо подчеркнутым пренебрежением относились к опасности.

...Три часа дня. Мы стоим на одной из оживленных и красивых магистралей столицы, улице 23 июля. Полно народу, поток автомашин. Люди спокойно занимаются своими делами. Женщина в черном продает каштаны. Чистильщик наводит глянец на башмаки какого-то мужчины. А прямо над головой с визгом несутся самолеты. Небо покрыто дымками рвущихся снарядов. Вот на бреющем полете прямо над улицей прошло звено реактивных бомбардировщиков. Один из них вдруг задымил, завалился на крыло и упал за соседними домами. Буря восторга охватила толпу. Радостные крики, аплодисменты. Сотни людей кинулись к проходящему по улице грузовику с солдатами. Жители обнимали и целовали своих воинов-защитников.

Возвращаясь домой, я встречаю юношу в еще новенькой форме. За плечом — винтовка с примкнутым штыком. Он обнял седую женщину. Из соседней мастерской выбегают люди в промасленных галабеях, кидаются ему на шею. Это бывший слесарь, ныне солдат, Ибрагим Хусейн зашел попрощаться с товарищами. Все встречные поднимают руки, приветствуя юношу, идущего на святую борьбу за свой дом, свою землю, свою родину.

— Каждый из нас скорее умрет, чем снова станет рабом,— говорит юноша.

Навстречу попадается много девушек. Они тоже учатся владеть оружием, оказывать помощь раненым. Отряд патриоток принял имя Умм Сабер — так звали отважную девушку, погибшую во время партизанской борьбы за канал шесть лет назад. Сейчас ее имя на устах у всех молодых патриоток.

— Ненавистным захватчикам не владеть нашей землей, пока жив хоть один египтянин или египтянка! Скорее Нил потечет назад, чем мы согласимся снова влачить жизнь рабов,— сказала мне студентка агрономического факультета Фавкия Камаль.

Самолеты интервентов разрушили радиоцентр Каира, забросав территорию станции бомбами замедленного действия. Несколько дней не было передач. В это время самая популярная в стране певица Умм Кальсум выступала на улицах и площадях с песнями о своей родине, о своем народе. Второго ноября в старейшем университете Востока, Аль-Асгар, здания и мечети которого построены тысячу лет назад, выступил президент Насер.

— Египет,— заявил он,— станет могилой агрессоров!

Из университета президент ехал стоя в открытой машине. Машина пробиралась сквозь тысячные толпы жителей, запрудивших улицы и площади. С безграничным энтузиазмом народ приветствовал своего президента.

Напряженной боевой жизнью жила в эти дни столица Египта. Отряды национальной гвардии патрулировали улицы. На столах многих служащих, на прилавках у продавцов лежали стальные шлемы. По сигналу тревоги люди надевали каски и быстро занимали свои посты. Самолеты империалистов подвергали разрушительным бомбардировкам все новые и новые объекты в городе. Бомбы упали вблизи древних пирамид и в центре города, около информационного центра ООН.

Два дня назад я видел, как большая толпа людей ожидала утром трамвая на улице Альрода. Неожиданно появившиеся самолеты на бреющем полете расстреляли из скорострельных пушек мирных людей. Залитые кровью, упали женщины, дети...

Свое варварское нападение на мирные города и села англо-французские империалисты объясняли стремлением обеспечить движение судов по Суэцкому каналу. За несколько дней до нападения я побывал на канале. Суда сорока национальностей бесперебойно двигались по этой голубой дороге. В центральной администрации мне сообщили, что за три месяца после национализации по каналу прошло больше судов, чем за тот же период прошлого года.

На испанском пароходе «Альмиранте Виерна» я проплыл по каналу. Мир и спокойный труд царствовали там повсюду. Капитан корабля Серафим Аберстури рассказал мне, что он проходит Суэцкий канал девятый раз, в том числе второй раз после национализации.

— Я не вижу никакой разницы,— сказал капитан,— суда проводятся быстро и четко. Раньше приходилось даже больше ожидать, пока войдешь в канал.

Сегодня из Исмаилии прибыл знакомый моряк. Он рассказал, что первыми бомбардировками были разрушены сооружения канала.

— Помните главную диспетчерскую, где мы стояли с вами, любуясь четким движением каравана? Ее уже нет, туда попала бомба,— рассказал он.— В канале, вблизи его входа в озеро Тимсах, затоплен пароход. Канал блокирован.

Сейчас канал блокирован уже в семи местах. Нужны месяцы упорного труда, чтобы восстановить нормальное движение.

Когда я писал эти строки, еще шли ожесточенные уличные бои в Порт-Саиде. Город подвергался массированной бомбардировке. Тысячи жителей — женщин и детей — гибли под пиратскими бомбами. Сообщения, поступавшие оттуда, говорили, что войска и жители города проявили чудеса геройства и отваги...

Египтяне, вступившие в армию.

ЕГИПТА!

Захватчикам—отпор

...Они глядят, ища добычи,
Седого коршуна глаза;
Рука сухая хваткой птичьей
Времен сжимает тормоза.

Горит закат в окне стрельчатом,
Сгорает ржавая заря,
Земля подожжена закатом,
Кровавы небо и моря.

Вновь занесен кулак над миром,
Звериной злобы не тая.
И бомбовозы над Каиром
Кружат, как стая воронья.

Но существует взгляд на вещи
С иных позиций и высот;
Навстречу нечисти зловещей
Встает египетский народ.

И вместе с ним в лучах рассвета,
С огнем войны вступая в спор,
Все люди мира, вся планета
Дают захватчикам отпор.

А. КОВАЛЕНКОВ

Каир. Арабы-добровольцы.

Студентка Каирского университета проходит военную подготовку.

Трудящиеся Пекина около резиденции временного поверенного в делах Англии в Китае гневно протестуют против действий англо-французских колонизаторов.

Фото агентства Синьхуа.

Мы с вами, египтяне!

1 ноября в Москве состоялось заседание Советского комитета солидарности стран Азии. В заседании приняли участие представители советской общественности из различных союзных республик. Комитет единогласно принял заявление, осуждающее преступные действия Англии, Франции и Израиля по отношению к Египту.

На снимке: заседание Советского комитета солидарности стран Азии. Выступает председатель Комитета Мирзо Турсун-заде.

Фото Н. Рясина.

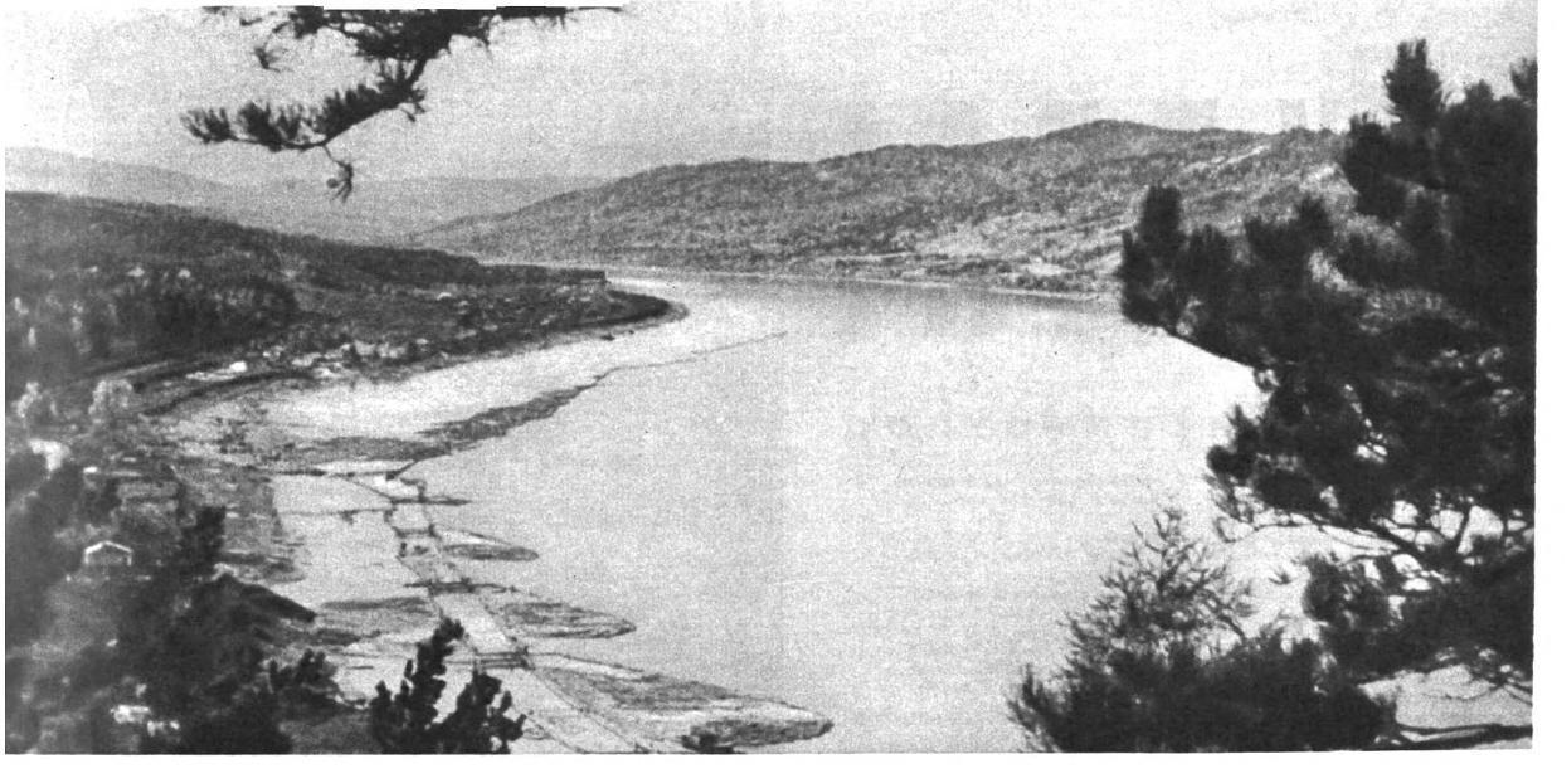

Манифестация трудящихся Москвы у здания Английского посольства. Выступает студент МГУ Спиро Фахури (Ливан).

Фото Я. Рюмкина.

В Манчестере студенты университета устроили демонстрацию протеста против действий английского правительства в Египте.

Енисей вблизи Скита...

ЮНОСТЬ ПРИШЛА НА ЕНИСЕЙ

5 ноября опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи орденом Ленина. Комсомольцы и советская молодежь всегда горячо откликались на призывы Коммунистической партии и Советского правительства, всегда были на передовых рубежах в битвах за свободу нашей Родины и в строительстве народного счастья. Комсомольцы и молодежь были в первых рядах покорителей целины; по зову партии и правительства они первыми отправились покорять могучие реки Сибири, осваивать богатейшие края Дальнего Востока.

Теперь на знамени Ленинского Комсомола пять орденов.

Казимир ЛИСОВСКИЙ

Фото автора.

Хорошо помечтать на просторе Енисея! Слева направо: комсомолки Тася Шебеко, Галя Дергачева, Галя Корулина.

Появились в Скиту не только новые дома, — появились первые улицы.

...Поезд шел на восток. Волнуясь, тайком друг от друга вздыхая, вглядывались девушки в пробегающие за окнами поля, степи, перелески. Вот они едут в Сибирь. А что это за Сибирь? Одни говорили: «Край глухой, не зря туда раньше людей ссылали. Зимой птицы на лету замерзают. Солнце светит, да не греет. Цветов много, да не пахнут». Другие — наоборот: «Лучшего края не найти. Какие просторы, какие реки, горы, леса!.. Вот где можно развернуться человеку, вот где для работы край непочатый!»

Как же разобраться? Надо бы почитать, но книг о Сибири в Иванове (да и в Москве) почти не нашли. Купили две, да и то о прошлом: о золотоискателях, о гражданской войне...

И невольно щемило сердце у Эльвиры Комловатовой, у Альбины Головой. Загрустили Люда Коробова и Лида Силантьева. Тревожились и другие девушки. Работали они в Кохме, в Обедове, в Колобове. Были ткачихами. Трудились старательно, зарабатывали неплохо. А что их ждет сейчас? Какую работу по своим силам они найдут? Говорят, «там» (там — это была Сибирь, Красноярск) для них будут открыты курсы. Овладеют они профессиями штукатуров, кровельщиков, экскаваторщиков...

Пареньки, те чувствовали себя лучше. Во всяком случае, внешне. Они держались молодцами, ободряли приунывших девчат. Это и понятно! Ведь почти у каждого из них был за плечами хотя бы небольшой опыт работы — плотницкой, штукатурной. Многие юноши даже захватили с собой из дому инструмент: топоры, пилы. Некоторые ребята поехали в Сибирь, только что демобилизовавшись из армии, вроде Николая Афанасьева, высокого, широкоплечего паренька.

А поезд шел все дальше и дальше. Вот уже промелькнула Барабинская степь, показался Новосибирск.

А потом началась тайга, высокие горы, хребты, поросшие зеленой щетиной сосен, пихт, елей. Как зачарованные, ни на минуту не отрываясь от окон, смотрели ивановские девушки на эту щедро залитую солнцем, благодатную землю Сибири. В короткие минуты остановок выбегали на перрон, покупали творог, сибирские шаньги, вкусный варенец...

Не отрывалась от окна и Галя Корулина — стройная, румяная девушка. Всего лишь какую-то неделю назад она работала сменным мастером на колобовской текстильной фабрике. Бригада ее считалась одной из лучших. Хорошо, что девчата не захотели расставаться со своим мастером, тоже поехали сюда. Пусть не все, но тут и Тася Шебеко, и Галя Дергачева, и Аня Евстафьева.

Радостно встречал Красноярск ивановских комсомольцев. Казалось, что вся Сибирь вышла на перрон вокзала. Вышла с букетами ярких таежных цветов — лиловых и красных саранок, огненных жарков, желтых лилий. Какие они были яркие, красивые!

Из города пассажирский теплоход повез их по Енисею в Скит — поселок стройучастка № 3 Красноярской ГЭС.

Так они впервые увидели Енисей.

Вначале река показалась им суровой. Но чем дальше плыли ивановцы, тем все величественнее, все красочнее она раскрывалась перед ними.

Вскоре показались почерневшие от времени избушки деревни Скит, потом двухэтажные дома нового поселка, а чуть подальше сквозь густую хвойную чащу сверкнули белизной палатки. Тайга подступила к самому поселку. С ней, видимо, основательно придется повоевать ивановцам.

И впервые услышали эти берега, эти дремотные скалы, эти заповедные чащи задорный говорок новоселов, окающий «ивановский» говорок...

Девушек разместили в дощатых палатках, юношей — в брезентовых. Появились вывески: «Камера хранения», «Комната отдыха». Прямо к столбу электрической линии прикрепили почтовый ящик. Появилась своя «почта». Тася Шебеко сразу же украсила седьмую палатку. Она развесила по стенам свои работы — отлично вышитые по канве портреты В. И. Ленина, Тараса Шевченко, Владимира Маяковского,— вместе с подругами расставила по тумбочкам букеты цветов. В палатке сразу стало как-то по-домашнему уютно.

Разбились на бригады. Избрали комсомольский комитет.

Начались трудовые будни.

Нелегко в первые дни пришлось новоселам, особенно девушкам. Ведь там, в Ивановской области, они были уже настоящими мастерами своего дела — ткачихами, прядильщицами. Здесь же все приходилось начинать сызнова, осваивать новую профессию, привыкать к тяжелой физической работе.

К причалам поселка то и дело подходили баржи, груженные тесом, кирпичом. Надо было их срочно разгружать. Баржи простаивать не могли. И мелькали сильные руки пареньков, слышались звонкие голоса девушек. Быстро росли на берегу штабеля досок, шпал, кирпичей.

Чем только не пришлось заниматься девушкам! Возили кирпич, глину, разгружали шифер, тес. Работали на строительстве дороги: копали кюветы, носили камни. Загорели под жгучим сибирским солнцем лица, огрубели руки. И хоть порой и тяжело было, не падали духом.

Закалялась воля большого коллектива, большой семьи молодых ивановцев. Закалялась в трудностях, в испытаниях, и чем больше их было, тем сильнее привязывались комсомольцы к своему новому месту.

А трудностей встретилось немало.

Как ни странно, но руководство Красноярской ГЭС, тепло встретив новоселов, вскоре... забыло о них. Ребят не загрузили работой. Иногда по нескольку часов приходилось ожидать нарядов (да и сейчас, положим, приходится!). Расценки менялись, никто точно их не знал. Юношей плохо обеспечили инструментами. Хорошо, что почти каждый из них захватил с собой топор, пилу, а то пришлось бы сидеть сложа руки.

...Мы приехали в Скит утром, когда осеннее солнце ярко освещало тайгу, высокие скалы. Енисей был спокойным и тихим. Тихо было и на берегах. Ведь не случайно это место назвали «Скитом». Тут в давние годы стоял мужской монастырь, стоял поистине «над вечным покоем». Но поселок встретил нас рокотом тракторов и бульдозеров, звоном пил.

Сквозь густые заросли пожухлых папоротников поднимаемся на взгорье, туда, откуда слышатся звонкие девичьи голоса. Меж стройных стволов сосен виднеется небольшой просвет. Там, на расчищенной площадке, вокруг которой лежат выкорчеванные, поваленные стволы старых сосен, чернеют выкопанные под фундамент ямы. Из ям торчат макушки девичьих голов. Услышав наши шаги, девчата вытягивают головы, и тогда видны их загоревшие на сибирском солнце лица. А на пеньке сидит маленькая светловолосая девушка в лыжном костюме, в голубой с розовыми крапинками косынке, накинутой на голову. Увидев приближающихся людей, она поднимается и, протягивая руку, говорит:

— Аня Евстафьева, из седьмой комсомольской палатки.

А потом, немного смущаясь (не ожидала гостей!), она своим окающим говорком рассказывает о подругах.

— В бригаде у нас одиннадцать девчат. Все мы приехали из поселка Колобово, из Шуйского района. Работали там на текстильной фабрике. Вот уже скоро два месяца, как здесь живем. Работали на разгрузке барж. А сейчас вот копаем ямы под фундамент...

— Нравится вам здесь?

— Еще бы! — отвечают несколько голосов. И тут же, торопясь, начинают восторженно рассказывать о красоте Енисея, тайги...

— Куда там Волге до Енисея! — восклицает, увлекшись, Тася Шебеко.

— А какие тут берега, какие скалы! — подхватывает Аня Евстафьева, указывая на противоположный берег.— Во-он, аж на самый верх мы взбирались. Два часа карабкались. Зато какой оттуда замечательный вид открывается!

Окончен трудовой день. Взвалив на плечи лопаты, девушки направляются в свой поселок. По пути они рассказывают о Гале Корулиной.

— Это она не случайно о спортинвентаре беспокоилась: Галя у нас лыжница первого разряда.

— Чемпион мимо! — хохочут девушки, гордясь подружкой.

Войдя в поселок, девчата направляются в свою седьмую палатку. Некоторые, захватив полотенце и мыло, бегут умываться на Енисей, другие умываются в нескольких шагах от палатки, в прозрачном горном ключе.

Наклонившись над обеденным столиком, маленькая, смуглая Галя Семенова, окруженная подругами, пишет письмо своему брату Юрию. Только вчера она получила весточку от родных. Они ей писали: «Ждем и надеемся, что новый город, построенный вами, будет! А мы приедем к тебе в гости...»

И вот сейчас Галя спешит ответить брату:

«...Юра, ты правильно говоришь, что мне необходимо окончить техникум или институт. Видишь ли, я тоже об этом мечтаю. Вот в нынешнем году прослушаю еще раз десятый класс, а в следующем буду поступать в энергоинститут или техникум, если удастся. А не туда — так в строительный институт».

ПЕРВЫЙ НА СОВЕТСКОМ ВОСТОКЕ

Даже на подробной географической карте не обозначены два маленьких поселка — Троицкое и Первомайское, которые лежат по дороге из Ташкента в Чирчик. Между поселками на всхолмленной буграми земле безмятежно колышется золотистый пшеничный разлив. Вдали темнеют пирамидальные тополя, лежат виноградники, а у самого горизонта простираются подернутые фиолетовой дымкой отроги горных хребтов.

Ныне суждено неузнаваемо преобразиться этому тихому живописному уголку Узбекистана. Через несколько лет среди полей и виноградников подымутся железобетонные корпуса, возможно, очень похожие на те гигантские, поражающие воображение монолиты, которые высятся сегодня в небольшом приволжском городке Дубне. Вокруг них расположатся здания лабораторий и мастерских и обрамленные акациями и айлантами по-азиатски приземистые жилые дома. Здесь, недалеко от безбрежных просторов Голодной степи, за тысячи километров от Москвы, вырастет целый научный городок. Своим рождением, так же как и его старший собрат, Дубна на Волге, он будет обязан бурному развитию переднего края современной науки — атомной физики. Здесь будет находиться Институт ядерной физики Академии наук Узбекской ССР — первое научно-исследовательское учреждение такого типа не только в Средней Азии, но и на всем советском Востоке.

Институт ядерной физики в Узбекистане, в том самом Узбекистане, на территории которого до революции не было ни одного высшего учебного заведения! А сейчас в нем 34 вуза и около 100 научно-исследовательских институтов, опытных станций и опорных пунктов во главе с Академией наук. Убай Арифович Арифов, директор Института ядерной физики,— один из представителей национальной интеллигенции. Воспитанник Самаркандского университета, ныне он сам преподает студентам, имеет степень доктора физико-математических наук, недавно избран действительным членом Академии наук республики.

Пока построят научный городок, узбекские атомники заняли большое многоэтажное здание, что на одной из центральных тенистых улиц Ташкента. Новый институт еще только создается, а перспективы его уже строго очерчены.

— В институте будет вестись исследование фундаментальных вопросов ядерной физики,— говорит профессор У. А. Арифов.— Для этого в наше распоряжение поступит мощный исследовательский реактор, в котором будет происходить цепная реакция деления ядер атомного горючего. Мы получим также ускорительные нейтронные трубки.

В реакторе, как известно, происходит превращение элементов и образуется большое количество радиоизотопов. За толстыми стенами камер «горячих лабораторий» с помощью стальных рук — манипуляторов — сотрудники смогут изучать радиоактивные вещества. Институт станет своеобразной «фабрикой» изотопов в Средней Азии. Отсюда посылки с драгоценными веществами пойдут в Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Туркмению, а может быть, и дальше — за рубежи нашей Родины, в дружественные страны Азии и Востока. В стенах института обращению с изотопами будут обучаться научные сотрудники и инженеры из разных городов.

— Кстати,— замечает профессор,— метод «меченых» атомов и радиоактивные излучения уже широко используются в промышленности, строительстве, биологии, геологии, медицине и в сельском хозяйстве нашей республики. Радиоактивные изотопы помогают, например, биологам и почвоведам определить, каким образом и когда лучше всего вносить удобрения при посевах хлопчатника, как влияет на его рост и развитие внекорневая подкормка фосфором. В Институте вакцин и сывороток «меченые» атомы позволяют выяснить, как быстро распространяется инфекция в организме заболевшего животного. Радиоактивные изотопы играют большую роль в гражданском строительстве и особенно в гидротехнике. Сейчас в Узбекистане осуществляется немало гидротехнических сооружений. Земляные плотины насыпаются из лёсса — желтовато-бурой распыленной горной породы, которой так много в Голодной степи, в пустынных и полупустынных районах. Раньше, чтобы проверить прочность такой плотины, надо было брать образцы и подвергать их анализу в лаборатории. Теперь плотность и влажность лёсса быстро и просто определяет сноп радиоактивного излучения...

Институт ядерной физики в Ташкенте будет способствовать дальнейшему прогрессу науки и народного хозяйства равноправных братских республик Средней Азии.

Г. КУЛИКОВСКАЯ

Директор Института ядерной физики в Ташкенте У. А. Арифов в своей лаборатории.

Фото Г. Графкина.

ПУСТЬ РАСЦВЕТАЕТ СОВЕТСКО-СИРИЙСКАЯ ДРУЖБА!

В Кремле состоялись советско-сирийские переговоры, во время которых были обсуждены актуальные вопросы, интересующие оба дружественных государства.

Фото Я. Рюмкина.

«Мы прибыли в вашу страну не для того, чтобы основать здесь новые дружеские отношения. Мы приехали сюда потому, что эти отношения дружбы уже существуют между нашими странами, мы стремимся развить их с тем, чтобы это содействовало благу наших стран и содействовало укреплению мира во всем мире»,— так заявил в Москве Президент Сирийской Республики Шукри Куатли, который с 31 октября по 3 ноября находился в СССР по приглашению Президиума Верховного Совета СССР и лично К. Е. Ворошилова.

Советские люди радушно встретили представителя народа Сирии, народа, который известен своей преданностью делу мира, любовью к свободе и самоотверженной борьбой за независимость.

Во время пребывания в Москве делегации Сирийской Республики имели место встречи и переговоры между ответственными руководителями Советского Союза и Сирии. В результате этих переговоров было опубликовано Советско-Сирийское совместное коммюнике, в котором обе стороны заявили о своей приверженности высоким принципам и целям Организации Объединенных Наций и об уважении пяти принципов, провозглашенных Бандунгской конференцией. Руководители Советского Союза и Сирийской Республики резко осудили агрессию Израиля, Франции и Англии против Египта и выразили мнение о необходимости всем нациям приложить усилия к тому, чтобы пресечь агрессию. Руководители обеих стран осудили также военные действия, ведущиеся против алжирского народа последние два года. Стороны подтвердили свое неизменное стремление к развитию существующих между ними отношений дружбы и сердечности и к их упрочению.

1 ноября Президент Сирийской Республики Шукри Куатли нанес визит Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову.

Фото А. Новикова.

Шукри Куатли посетил Большой театр в Москве, где смотрел балет П. И. Чайковского «Лебединое озеро». На снимке: Шукри Куатли и Н. А. Булганин в фойе Большого театра.

Проводы Шукри Куатли и сопровождающих его лиц на Центральном аэродроме в Москве.

ЛАУРЕАТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ

Вант-Гофф и Аррениус, Рамзай и Резерфорд, Мария Склодовская-Кюри, Оствальд и Нернст, Фредерик и Ирен Жолио-Кюри... Вот далеко не полный список всемирно-известных ученых, лауреатов Нобелевской премии по химии. Ныне Шведская академия наук присудила Нобелевскую премию по химии советскому ученому академику Николаю Николаевичу Семенову за его выдающиеся работы в области изучения механизма химических реакций.

Имя академика Н. Н. Семенова, творца современной цепной теории, важнейшей составной частью которой является теория открытых им так называемых разветвленно-цепных реакций, известно далеко за пределами Советского Союза. Эта теория представляет собой гениальное обобщение огромного опытного материала, накопленного за многие десятки лет. Вместе с теорией воспламенения газов, также им созданной, она легла в основу наших представлений о протекании химических процессов, в том числе таких практически важных, как процессы химической переработки нефти и природных газов, горения в двигателе внутреннего сгорания и в реактивных двигателях.

С каждым годом, отделяющим нас от конца двадцатых годов, когда создавалась цепная теория, мы все больше убеждаемся в том поистине революционизирующем значении, какое, имеет она для развития науки и техники. Сейчас мы знаем, что не только такие газовые реакции, как реакции окисления, галогенирования и крекинга, являются разветвленно-цепными, но и многие из тех, которые считались простыми химическими реакциями. Более того, известно, что по разветвленно-цепному механизму протекают ядерные реакции, связанные с делением атомных ядер...

В эти дни, когда вся научная общественность тепло поздравляет лауреата Нобелевской премии, хочется сказать и о других сторонах его многогранной деятельности. С огромной энергией и энтузиазмом он участвовал в организации таких крупнейших институтов нашей страны, как украинский физико-технический институт в Харькове, Днепропетровский и Томский физико-технические институты, Ленинградская физико-техническая лаборатория, из которой впоследствии возникли Электрофизический, Теплотехнический и Акустический институты. Немало трудов ученый положил для создания Ленинградского физико-технического института. В 1931 году от него отпочковался Институт химической физики — детище академика Н. Н. Семенова.

Николай Николаевич заботливо воспитывает молодое поколение в науке. Его отличает глубокая вера в молодежь, в творческие ее силы. Многие из учеников академика руководят сейчас ответственными направлениями советской науки и техники.

Высокая награда по химии присуждена ученому нашей страны впервые за все 56 лет существования института Нобелевских премий. В этом акте — признание выдающихся заслуг физико-химической школы академика Семенова перед мировой наукой.

Отрадно, что одновременно с академиком Семеновым Нобелевская премия присуждена и президенту Английского королевского общества профессору Хиншелвуду. Работа двух научных школ — английской и советской — яркий пример совместной плодотворной деятельности ученых разных стран.

Академик **В. КОНДРАТЬЕВ.**

Фото Е. Умнова.

В МЕЛЬБУРН!

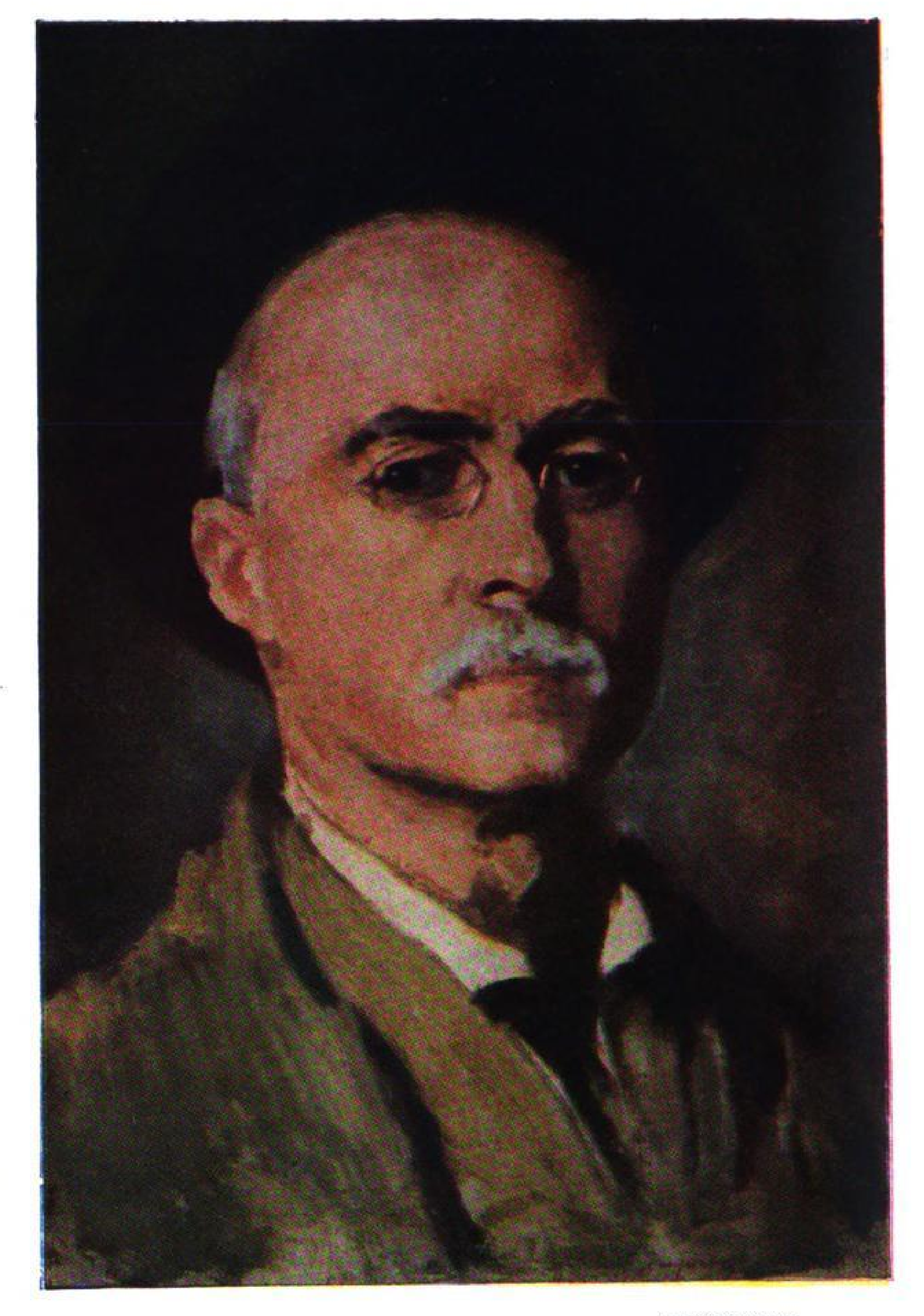

3 ноября, рано утром, с Ташкентского аэродрома на самолете «ТУ-104» в Рангун, а оттуда в Мельбурн вылетела первая группа советских спортсменов, участников XVI Олимпийских игр.

Фото Б. Светланова.

Николае Григореску

1838—1907

АВТОПОРТРЕТ.

Николае Григореску — самый популярный и любимый народом румынский художник. Работы его широко известны и за рубежами его страны. Он родился в крестьянской семье. Окончив два класса начальной школы, два года был учеником у живописца — вот и все учение Григореску. С 12 лет он уже самостоятельно зарабатывает на жизнь, становится иконописцем и, обязанный только своим выдающимся способностям и упорному труду, вскоре приобретает известность.

В возрасте 23 лет он выезжает в Париж, где сближается с художниками-реалистами и участвует в выставках картин. В 1874 году художник отправляется в путешествие в Константинополь, Грецию и Италию. Во время русско-турецкой войны 1877—1878 года, в которой Румыния приняла участие, Григореску добровольцем отправляется на фронт. Произведения Григореску этого периода патриотичны и правдивы. Они посвящены рядовому солдату — его подвигам, походной жизни.

Григореску — один из основоположников реализма в румынском искусстве. Великолепный мастер, он жил жизнью народа. Большое количество его картин посвящено крестьянскому быту, простым людям. В многочисленных портретах художника сказалось глубокое проникновение в душевный мир человека.

Пейзажи Григореску, яркие и очень живописные, хорошо передают прелесть румынской природы.

Высокое мастерство Григореску многосторонне и глубоко национально. Художник оставил после себя около двух тысяч полотен, многие из них украшают ныне музеи Румынии.

НА ПЛЯЖЕ В ГРАНВИЛЕ.

ДЕВУШКА.

МЫ—РАБОЧИЕ

Рассказ

Инна ВАРЛАМОВА

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

1

Аня, усталая, возвращалась из котлована. Ноги были в пыли выше щиколоток. Разбитые туфли шлепали на ходу. Волосы прилипли к потной шее.

Скорее бы добраться до дома! Там тень, там прохлада, там чистая вода в тазу. А потом, наконец, можно переодеться. Вот если бы мама закончила шить сегодня белое платье из чесучи! Аня зажмурилась от удовольствия, представив себе, как скользнет вдоль горячего тела тяжелая, шелковистая, прохладная материя платья.

— Здравствуйте, Аннушка! — окликнул ее знакомый голос. Это был Оружейников. Тотчас забыв о своей усталости, Аня подбежала к Борису Владимировичу и схватила обе протянутые ей руки.

— Вы уезжаете? Это правда? — спросила она.

Аня смотрела на красное, обветренное лицо, знакомое до мельчайших черточек. Мягкая вмятина на верхней губе — не хватает зубов. Седые волосы топорщатся над высоким лбом, завиваются в суворовский хохолок. За толстыми стеклами очков неизвестно какого цвета глаза, а улыбка хитрая, живая, так и заставляющая всех вокруг посмеиваться, если радуется Оружейников.

— Вы уезжаете?..— повторила Аня.

— Да, Аннушка. Вот... на днях.

Уезжает! Каховка не построена, плотина не готова, а Оружейников уезжает! Многие вдруг начали уезжать в последнее время.

— Вы рады? — сердито спросила Аня.

— Еще бы! — воскликнул он.— Ангарский каскад! Не представляю себе гидротехника, который не мечтал бы его строить!

«Ну и ладно, поезжай!» — с досадой подумала Аня.

Аня вспомнила, как однажды ночью, выйдя из будки учетчиков в котлован плотины, она поразилась обступившей ее, теснящей ее со всех сторон красоте стройки.

Дно котлована, только что осушенного, уже успело потрескаться под жарким летним солнцем, и в ночном освещении черные извилины трещин во все стороны расползались по серо-зеленому гладкому илу. Здесь, за будкой, на небольшом участке у откосов котлована, земля была первозданной. День второй сотворения мира!

Но чуть дальше уже стучали копры, шипели тугие струи воды, извергаемые гидромониторами, один за другим сползали в котлован по еще не укатанным дорогам самосвалы с бетоном, вспыхивали огни электросварки, и тогда на поросших травой откосах появлялись отчетливые тени. Грохотали бульдозеры, вертелся туда-сюда, лязгая ковшом-драглайном, голубой в свете сильных фар экскаватор, сновали вокруг озабоченные, бессонные люди, и среди них, может быть, самый озабоченный и самый бессонный — тогда еще незнакомый Ане, в белом костюме и с седым хохолком — главный инженер плотины Оружейников. Луна, отчужденно глядевшая сверху на все это великолепие, казалась Ане бледной, выцветшей, старой...

«Вот так же он будет бегать где-то на Ангаре,— ревниво подумала Аня.— И так же будет волноваться и так же радоваться».

Она очнулась, прислушалась. Оружейников что-то ей говорил.

— ...Уже осталось немного. От силы — год. Что думаете делать дальше?

— Не знаю,— ответила Аня.

И ей впервые отчетливо пришло в голову, что он и раньше где-то так же бегал с непокрытой головой по только что осушенным котлованам. У него за плечами несколько строек. Сюда он приехал со Свири. Для него Каховка была лишь «этапом большого пути», а для Ани — началом жизни, первой любовью.

— Не знаю, не знаю! — угрюмо, растерянно повторила она.

— У вас все впереди,— сказал Оружейников.— Я уверен, мы еще встретимся с вами. Желаю вам успеха, доченька.

Они расстались. Аня свернула к дому. Глаза ее вдруг наполнились слезами. Она пошла быстрее, почти побежала.

Розовые, желтые, голубые финские дома с белыми ставнями и верандами пытались укрыться в зелени молодых деревьев. Почти во всех палисадниках стелились виноградные кусты, и темнозеленые листья четко вырисовывались на яркооранжевом каховском песке. Слабую, трепетную тень отбрасывали тоненькие акации и топольки, асфальт на тротуаре податливо вминался под каблуками, и все же здесь, на окраине города, было как будто прохладнее, чем на главной улице, где громоздились каменные дома.

Хорошо тут, родное все! Аня попыталась было поднять глаза кверху, но тут же опустила веки. На раскаленное добела небо было больно смотреть, как на пламя электросварки.

Она открыла калитку и вошла во двор. От веранды на кирпичную дорожку падала прочная, многочасовая тень, и сразу стало легче дышать. Аня расправила плечи.

— Нюська, это ты? — раздался из окна голос матери.— Что так долго? Дите раскричалось, никак не успокою.

Аня вбежала в дом, схватила красную, закатившуюся в крике полугодовалую дочку и, наскоро обтерев грудь, начала кормить Ниночку. Та еще долго в обиде отбрасывала грудь, потом вцепилась в нее пухлыми ручками с грязными ноготками и, судорожно вздыхая, принялась сосать. Аня закрыла глаза и успокоилась.

2

Вечером, когда в нагретом за день деревянном доме стало жарче, чем на улице, вся семья вышла посидеть на крыльцо.

Мать Ани, Елена Митрофановна, держала на коленях дремлющую Ниночку. Только что выкупанная, розовая девочка, завернутая в чистую простынку, спала с полуоткрытыми, затуманившимися глазенками. Аня надела новое чесучовое платье с красными пуговицами и, подложив обрезок строительного картона, села на верхнюю ступеньку крыльца. Ступенькой ниже, прислонив к плечу Ани свою кудрявую голову, сидел ее муж Андрей. Он пел подряд все, какие знал, песни Монтана, некоторые даже по два раза, потом начал насвистывать «Индонезия, страна моя».

Старшая, незамужняя сестра Ани, Тося, устроилась на двух кирпичах и так, скрючившись, обхватив колени смуглыми руками и устремив черные, тоскливые глаза куда-то вдаль, сидела молча, ни на кого не глядя, упиваясь своим привычным, переросшим в угрюмую радость одиночеством. Елена Митрофановна, укачивая Ниночку, исподтишка жалостливо поглядывала на Тосю. Она чувствовала вину за неудачную судьбу дочери, но любовь свою выказывать боялась: Тося не терпела никакого вмешательства в свою личную жизнь.

Из всей семьи она дружила лишь с братом Гешкой. Серьезный не по годам, шестнадцатилетний подросток никогда ничего не требовал от Тоси, не ждал от нее исключительных поступков, принимал такой, какая она есть. Низко склонившись над страницей и наморщив лоб, он читал толстую книгу. Уже темнело, буквы были едва заметны в сумеречном вечернем свете.

Отдаленные гудки парохода слышались на Днепре, урчание бульдозеров доносилось с песчаного карьера. Жужжал шмель, глухо стукаясь о виноградные листья. Сладко квохтала рябая курица, роясь цепкими желтыми лапами в редкой траве у кирпичной дорожки.

— Андрейка, спой «Бульвары»,— лениво попросила Тося.

— Я уж пел.

— Еще...

И снова в тихом дворике зазвучал приятный, бодрый тенор Андрея, старательно подражавшего французскому артисту.

— Не так! — вздохнула Тося.

Андрей обиженно умолк. Аня провела рукой по его темным кудрям.

— Гешка, ослепнешь,— сказала Елена Митрофановна.— Большой уже, а разума нет! Впился в книгу, как комар.

Гешка даже головы не поднял.

— Оставьте,— прошептала, глядя в сторону, Тося.— Человеку хорошо, не мешайте ему...

— Аня, пройдемся? — предложил Андрей.

Аня весело вскочила, оправила новое платье.

— А дите опять матери нянчить? — упрекнула Елена Митрофановна. Не то чтобы ее действительно тяготили заботы о внучке, но она вообще часто говорила не то, что думала. Сейчас ее огорчило, что эти двое молодых, самые непоседливые в семье, так легко прерывали мирные вечерние «посиделки». Андрей, вздохнув, молча опустился на крыльцо.

Но тихая радость семейного сумерничанья все равно угасла.

— Сказала, посижу! — сердито крикнула Елена Митрофановна, и Ниночка вздрогнула во сне.

— Идем, Андрейка,— потянула Аня мужа за рукав.— Это мама так сказала.

— Известно! Мать всегда все «так» говорит. Да идите уж с богом, полно свет застить...

Они уже были у калитки, когда услыхали громкий шепот Елены Митрофановны:

— Смотри, Нюська, часок! Мне еще полы мыть на кухне!

Полутемными переулками Аня с Андреем побежали к главной улице. Это был своеобразный клуб на свежем воздухе. Там всегда на тротуарах толпился народ. За открытым окном на втором этаже гремела радиола, а на другой стороне улицы, затененной старыми акациями, танцевали девушки. Из двери магазина «Гастроном» несло спертым, горячим воздухом, словно из печи, полной красных углей.

Проехала поливная машина, и сразу ожили ночные свежие запахи.

За дворцом, у реки, было темно и глухо. Все осталось позади: и белые колонны, и широкие ступени, и неправдоподобно яркие канны, и освещенная статуя девушки на фронтоне,— а тут только влажный песок под ногами, ласковая, теплая волна и говор листьев над головой.

— Как сто лет назад!..— сказал Андрей и засмеялся.

Аня сидела, раскачиваясь, на тугом проволочном тросе, протянутом от брандвахты к толстому голому платану. Слышно было, как шумит на той стороне Днепра земснаряд. Справа была видна длинная цепочка огней, нет, целое зарево огней,— небо над стройкой стало розовым.

Аня нагнулась, взяла камешек и бросила его в реку. Невидимый, он звучно плюхнулся где-то вдалеке.

3

Аня прислушивалась к ласковому звуку ушедшего в воду плоского камешка и вдруг поняла, почему сегодня ничто не радует ее. Уезжает Оружейников. Она взяла Андрея под руку и повела к скамье под платаном.

— Все уезжают из Каховки. И Оружейников. Я видела его сегодня. Он сказал: нет гидротехника, который не мечтал бы строить Братскую ГЭС.

— Для инженера, конечно,— неопределенно сказал Андрей.

— Но ведь Каховка скоро будет закончена! — сказала Аня.— А что же будем делать дальше?

Этот вопрос не был неожиданным для Андрея. На «Днепрострое» с каждым днем людей становилось все меньше. Строители разъезжались, кто в Донбасс, кто в Куйбышев, кто на Ангару.

А вот Андрей не собирался уезжать никуда. Он рос сиротой. Учился в ремесленном училище. Четыре года был в армии. Демобилизовавшись, приехал в Каховку вместе со своим однополчанином. Здесь он встретил Аню, женился и крепко привязался ко всей ее семье: к матери, к Гешке, даже к нелюдимой Тосе.

Когда при нем заводили разговор об отъезде, он обычно отмалчивался. У него еще не было определенных планов. Работы пока на шлюзе хватало, а потом... Будет расширяться город, уже начинают строить завод электрооборудования, морской порт. Он получил на стройке несколько специальностей: умел работать на кране, водил машину, мог пойти бетонщиком, газосварщиком, не побрезговал бы взяться и за топор. Никогда у него не было тревоги за будущее семьи. «Мы — рабочие! — говорил он с гордостью.— Мы нигде и никогда не пропадем».

Вот и сейчас он усмехнулся.

— Что ты беспокоишься?

— Я не беспокоюсь. Но если такой человек, как Оружейников, уже решил ехать...

— Аня, ты просто молишься на него!

На другой день на работе, разгружая вагон со щебнем, машинально двигая лопатой и не прислушиваясь к болтовне девчат в бригаде, Аня обдумывала неудавшийся разговор с мужем.

Оружейников очень много значил в ее жизни. Первый год в Каховке она работала учетчиком на автотранспорте, и ее главная обязанность заключалась в том, чтобы выдавать талоны привозившим груз шоферам. Летом работа казалась ей приятной. Особенно радовало Аню то, что она была не где-нибудь на задворках, а в самом центре стройки. Все было на виду, и она сама считала себя важным и нужным человеком. Осенью, когда машин стало меньше, это занятие показалось ей почти бессмысленным и тоскливым. Потом начались метели, и с низкого, дымного неба посыпался ледяной дождь. Аня подумала:

«Что же это я здесь стою, на осклизлой куче земли, все одна и одна, словно забытая людьми? Ну, проедет шофер, мелькнет знакомое лицо, а там что? Все делают дело вокруг: возят землю, забивают шпунты, кладут бетон... А я? Вожусь с никому не нужными талончиками. Наступит время, и такие должности, как моя, будут упразднены».

Вот в такую-то минуту и подошел к ней Оружейников. Она и раньше видела его, но разговаривать с ним не приходилось. Он сел рядом с ней, прямо на землю, закурил папиросу и спросил:

— Девушка, что вы думаете делать дальше?

Аня удивилась, как он подслушал ее мысли, и ответила:

— Хотелось бы перейти на другую работу.

— На какую? — быстро спросил он.

— Не знаю,— сказала Аня, и Оружейников принялся ругать ее на все корки. Он говорил, что человек всегда должен знать, чего он хочет, иначе никогда ничего не добьется, что нельзя быть такой слюнтяйкой в восемнадцать лет, чтобы она была готова к тому, что он и впредь, ежедневно, нет, утром и вечером, будет ее бранить. И в конце концов предложил идти к нему в управление бригадиром женской бригады разнорабочих.

С этого началась их дружба. Да, дружба между немолодым человеком, главным инженером, у которого много строек за плечами, и молоденькой девчонкой, приехавшей сюда с путевкой ЦК комсомола, аккуратно сложенной в паспорте.

Вопреки обещанию инженера бранить ее дважды в день, они порой неделями не говорили друг с другом. Однако работала ли бригада Ани на очистке арматурных сеток высоко над землей или уплотняла вибраторами песок, Аня знала, что в любую минуту может появиться Борис Владимирович и еще издали учтиво крикнет: «Здравствуйте, девушки!»,— окинет взглядом все сделанное бригадой и поймет, как им трудно было ночью при слепящем свете прожекторов лазать по холодным и мокрым от росы арматурным стержням и, увязая в песке, таскать за собой вибраторы. И, может быть, ничего больше не добавит, заспешит дальше, но потом через неделю на планерке или на собрании общестроительного актива вспомнит:

— Вы посмотрите, как у нас работает бригада Ани Беляевой. Самая дисциплинированная и безотказная бригада на плотине.

Иногда он прибегал к ним: «Девочки, родненькие, спасайте!» И они, вооружившись лопатами, шли разгружать вагоны с гравием и, подняв капюшоны плащей на головы, часами трудились под холодным дождем. Трудились так, что от их раскрасневшихся лиц излучалось тепло. Девушки знали, что, когда прибежит Борис Владимирович и увидит, что они уже расправились с этими вагонами, «как бог с черепахой», он обрадуется больше, кажется, чем они сами, и засмеется, и сам кинется в будку звонить диспетчеру, чтобы выводили с эстакады порожняк.

Оружейников казался Ане образцом советского инженера. Он всегда появлялся там, где был всего нужнее, иногда даже раньше, чем люди успевали вспомнить о нем. Он ходил до поздней осени без шапки, и его седая голова поблескивала в свете фар и прожекторов. Он до самозабвения увлекался работой, и эта увлеченность, заражая других, выражалась то в азартной речи, то в бурном споре, то в порывистом движении, то, наоборот, в глубокой задумчивости.

Однажды Аня увидела его сидящим на опоре эстакады. Скрюченный в три погибели, в коричневом, мокром на плечах плаще, он, казалось, не замечал никого вокруг и не ответил Ане на приветствие, но уже через несколько минут он догнал ее, схватил за плечи и, смеясь, блестя очками, сказал:

— Аня, завтра начнем бетонировать самый большой блок. На девять тысяч кубометров!

И тут же оставил Аню, помчался наперерез самосвалу и, жестикулируя, что-то сердито начал говорить шоферу. Все манеры, все поведение этого человека, так мало заботившегося о представительности и почтенности, свойственных возрасту и положению, нравились Ане.

Она, как и все на стройке, знала о романе главного инженера с молодой женщиной, экономистом-плановиком первого участка. Но она видела и то, чего не замечали другие. Это был трудный роман. То Оружейников не скрывал своих отношений с любимой женщиной, привозил ее на работу в своей автомашине, то подолгу нигде не появлялся с ней на людях, раздражался сильнее обычного из-за разных пустяков. Все знали, что старая супруга Оружейникова, разведясь с ним, живет в Ленинграде, в семье своей взрослой дочери, нянчит внучонка и лишь на виноградный сезон вспоминает о бывшем муже, приезжает к нему сюда, в Новую Каховку, и начинает рассказывать всем знакомым:

— У меня больное сердце. Я не выношу здешнего климата...

Аня ненавидела эту женщину. Высокая, с седыми буклями, с интеллигентной речью, она, тем не менее, разительно отличалась от него тусклым взором, безрадостным выражением тонкого и умного лица.

Однажды, проводив ее в Ленинград, он пришел в котлован, забрел в обогревку, где сидело несколько рабочих, приложил сизые, худые руки к печурке и печально сказал, ни к кому не обращаясь: «Никогда! Никогда...»

Теперь он уезжает на Ангару. Пока Аня тут с бригадой девушек перекидывает щебенку, Оружейников с молодой женой укладывает чемоданы. Трудно даже представить себе каховскую плотину без него.

К концу дня к ним подошел новый инженер, назначенный вместо Оружейникова. Он с минуту молча наблюдал, как они работали, потом повернулся и отправился дальше.

Зина Горленко, выразительно посмотрев на

Аню и зная, что будет ей приятно, сказала с усмешкой:

— Борис Владимирович уж так-то не отошел бы. Все бы хоть слово сказал.

4

К Октябрьским праздникам решили купить кабана. Вечерами в семье с азартом обсуждалось, в какой район выгоднее ехать, с кем из соседей вступить в долю, кому заказать сделать колбасы и сальтисон. Даже Гешка принимал участие в этих разговорах: ему и Андрею поручалось купить и привезти кабана.

Одна Тося оставалась равнодушной к этому событию. Более, чем когда-либо, угрюмая, она отсиживалась в своей мансарде, спускалась лишь поужинать. Впрочем, в последнее время Тося вечерами стала исчезать со двора. Никто не смел спросить, куда она идет. Иногда мать робко, с радостной надеждой бросала ей вслед:

— Тось, надела бы новое пальто...

Но Тося, сдвинув прямые брови над черными, мрачно-насмешливыми глазами, надевала телогрейку и серый грубый платок, в котором ходила на работу. И когда за сестрой захлопывалась дверь, самый добрый и чуткий в семье Гешка замечал:

— А на что ей такой, что полюбит за новое пальто?

Мать шумно вздыхала. Она жалела дочь и хотела для нее самого лучшего мужа. Но она также и досадовала на Тосю: до двадцати семи лет дочь не сумела устроить свою судьбу! И сердилась на себя за то, что испытывала какой-то ложный стыд и старалась во всем потакать старшей дочери. Порой даже заискивала перед ней, и этим еще больше отдаляла от себя гордую Тосю.

Несмотря на все эти волнения, жизнь шла своим чередом. Купили и привезли кабана. Весь дом завалили розовым салом, лиловой требухой, красным мясом. Все это, испуская парок, лежало в тазах, в корыте, на чисто выскобленном столе. Елена Митрофановна с пылающими щеками, засучив рукава, возилась у плиты, Аня пересыпала мясо солью. Соли все оказывалось мало, и Гешка с Андреем бегали в магазин напротив. Ниночка, совершенно заброшенная, лежала в кроватке на мокрых пеленках. Тоси, как всегда, не было дома.

Она явилась лишь поздно вечером, когда мясо уже наконец было разложено по ящикам и кадкам. Но в комнатах прибрать не успели, все было перевернуто. На полу виднелись следы крови, а в горнице на обеденном столе стояло тяжелое деревянное корыто.

Тося присела на сундук и, не снимая с головы платка, позвала:

— Идите-ка сюда, что я вам скажу.

Из детской выглянули Аня с Андреем, из кухни с ножом в руках пришла и остановилась в дверях Елена Митрофановна, Гешка поднял голову от книги.

— Бригада Ивана Рябченко едет в Братск, по вызову Оружейникова.

— Ну? — сказала Аня, не понимая, к чему клонит сестра.

— Ну и ну!.. Я еду с ними.

Все точно окаменели. Никто в семье не ожидал от Тоси такого поступка.

Когда несколько лет назад Аня вот так же заявила дома, что поедет на строительство Каховской ГЭС, никто не удивился этому. Аня с детства слыла озорной и, как мать говорила, «боевитой». Поплакали и отпустили. И Аня привыкла гордиться собой и втайне считала себя смелее сестры. И вдруг Тося едет, а она остается. Первое чувство, которое испытала Аня, было оскорбленное достоинство: «Я остаюсь, а Тося...»

Тося сидела на сундуке и смотрела на всех с необычной мягкостью, но уже отчужденно.

Первым отозвался Гешка. Глядя в сторону, неловкий, выросший из брюк и синего свитера, он подходил к Тосе.

— Не надо,— сказал он.— Не уезжай, ладно?

Тося скосила на него глаза и ничего не ответила. Аня молчала. Андрей, с удовольствием входя в свою роль главы семьи, заговорил веско:

— Тося, это не годится. Вызывают комплексную бригаду. А ты кто?

— Я моторист! — вскипела Тося.

— В будке на водопонижении работала... Это не называется моторист. Один насос знаешь! — сказала Аня.— Только запустить сможешь, а разобрать — не разберешь без механика.

— Разберу,— тихо ответила Тося.

Все молчали. Тогда выступила вперед мать.

— С семьями едут? — вкрадчиво спросила она.

— Пока так, в разведку.

— И все степенные, пожилые люди?

— Зачем? Есть и молодые,— с вызовом ответила Тося, сообразив, к чему ведет разговор мать.

Под грозным взглядом дочери Елена Митрофановна сначала сникла, потом рассердилась.

— Что это, Тоська, тебя спросить нельзя ни о чем? Едет нивесть куда, нивесть с кем — и молчи, мать! Много власти забрала! А я тебе вот что скажу: выходи замуж здесь, чтобы я знала своего зятя, а нечего таскаться по поездам с чужими мужиками!

— Мама! — отчаянно закричала Аня.— Мама, что ты говоришь? Мамочка, мамусечка, ты не то хотела сказать! Тося, ты не думай...

Тося встала с сундука, бледная, строгая, прошла мимо Елены Митрофановны, стоявшей с ножом в дверях, и поднялась к себе в мансарду. Аня заплакала. Гешка сопел, исподлобья глядя на мать, потом тоже побежал наверх. А Елена Митрофановна еще долго, чуть не до полночи, ходила по дому, громыхала тазами, одна передвигала мебель, как будто нарочно старалась, чтобы все это издавало как можно больше шума.

5

Тося уехала, и долго от нее не было никаких известий. Елена Митрофановна первый месяц сильно тосковала. Она никогда раньше не расставалась с Тосей и по любому случаю ставила ее в пример Ане и Гешке. По ее словам, скромнее, умнее и красивее Тоси трудно найти на свете девушку.

Но писем от Тоси все не было и не было. Мать стала поговаривать о неблагодарности и бессердечии «некоторых людей». А однажды, опорожнив ящик для писем, с трудом вытащив свернутые в трубку газеты, даже надорвав их в нетерпении поскорее увидеть дно ящика и опять не обнаружив письма, заявила, что «в тихом омуте черти водятся» и что от Тоси она уже давненько ждала для себя какой-нибудь пакости.

Теперь вся нерастраченная любовь Елены Митрофановны обрушилась на внучку Ниночку. Она без конца тетешкала и подкидывала девочку, шила ей платья с оборками и не на шутку обижалась, когда Нина тянулась к матери с бабушкиных рук.

Аня, Андрей и Гешка почти не бывали дома. Гешка учился в вечернем техникуме. Андрея избрали в партбюро участка. Аня вдруг решила переменить специальность и ходила в учебный комбинат на курсы скреперистов-бульдозеристов. К тому же наступил пусковой период, каждые два — три месяца устанавливали новый агрегат, работали напряженно, иногда прихватывая сверхурочные часы. Объекты принимали все более оформленный вид, башенки на шлюзе украшались лепкой, подводилось под крышу здание ГЭС, крепились камнем откосы намытой в русле Днепра плотины. То, что так недавно было беспорядочными навалами земли, липкими от ила дорогами, серыми бетонными глыбами с деревянными заплатами опалубки, рощами торчащих в небо арматурных стержней, сейчас превратилось в умное, подчиненное воле людей прекрасное, похожее на мечту сооружение.

В любую непогодь, в дождь и снег, сгибаясь под ударами встречного ветра, отворачивая лицо от колючей пыли, скользя в гололедицу по шпалам временной колеи, Аня подходила к плотине и осматривалась. Свинцовая вода нового моря билась о бетонную преграду, и кое-где внизу виднелись рыжие пятна ржавчины и зеленая плесень на стене. Даже это почему-то вызывало гордость. Мол, вот мы теперь какие! А давно ли сюда лилась по виброхоботам жидкая бетонная смесь? Но теперь мы тверды, непоколебимы, выпяченной грудью отталкиваем морские волны и вот кое-где покрываемся сединой! Не шутите с нами, мы уже не младенцы!

Однажды в воскресенье Аня возвращалась домой из бани и у калитки встретилась с Иваном Рябченко, бригадиром той самой комплексной бригады, с которой три месяца назад Тося уехала на Братскую ГЭС.

— Иду к вам,— сказал он.— У меня тут письмо от Тоси... Просила передать.

Аня смотрела на Ивана с умилением: он недавно видел Тосю, говорил с ней!

— Когда ты приехал? За семьей, да? Идем скорее, мама так обрадуется. Вот здорово! Как раз все дома.

Аня взяла его под руку и потащила к крыльцу, но Иван словно бы упирался. И, почувствовав это, Аня у порога вдруг остановилась и шепотом спросила:

— С Тосей все в порядке?

— Да, да! — поспешно ответил Рябченко.— Она работает, здорова. Не захотела возвращаться.

— Как то есть возвращаться? — испуганно спросила Аня.

— Ладно, идем, расскажу все по порядку,— неохотно сказал Иван.

За столом, раскрасневшись от выпитой наливки, глядя на всех карими хитрыми глазами, Рябченко говорил:

— Места там замечательные, красота! Тут ничего подобного не увидишь. Горы, леса... Белки шныряют прямо около поселка.

— А климат? — спросила Елена Митрофановна, разгоревшаяся и возбужденная. Она слушала Ивана, подавшись вперед, словно могла этим приблизиться хотя бы на шаг к своей дочери.

— Климат очень здоровый,— авторитетно заявил Иван.— Там нет этого надувательства, как у нас, когда четыре раза на день меняется погода. Там без обмана: надел валенки в октябре — и ходи до апреля.

— А чего же вы оттуда уехали? — язвительно спросил Гешка.

Иван хотел сначала пропустить мимо ушей это замечание несовершеннолетнего, но, увидев тот же вопрос в глазах Андрея и Ани, небрежно сказал:

— Я, собственно, оттуда и не уехал. Мы с Костей временно, пока нет настоящего разворота работ.

— Что же там, до сих пор только раскачиваются? Или проекты не готовы? — прищурив один глаз, спросил Андрей.

Иван словно бы заскучал. Ему был явно неприятен этот разговор.

— Делается кое-что, только нам не с руки. Послали лес корчевать. Ну, а что ж? Мы степняки, мы его сроду и не видели, этого леса. Даже нормы не вырабатывали сначала. У нас квалификация: мы бетонщики, арматурщики. По специальности — всегда пожалуйста, работы не боимся. Ходили жаловаться. Говорят, подождите. А чего там ждать, приехали пока сюда!

Он говорил это каким-то лениво-залихватским тоном, и слушателям его тоже было неловко — никто не смотрел ему в глаза.

— А где вы там жили? Я слышала, в палатках живут? — настороженно спросила Елена Митрофановна.

— Нет, Тося в рубленом доме уже. Девчат и семейных переселили из палаток. Ну мы, как холостяки-одиночки, остались пока в палатках. Придвинем койки поближе к печке — один бок жарится, другой остывает. На брезенте иней с ладонь толщиной, не соскребешь... Но не в этом причина,— заторопился Иван, глядя на Андрея.— Помнишь, как здесь переживали первое время? Квартировали в халупах, ездили на работу за тридцать километров в фанерных будках...

— А как там Оружейников? — спросила Аня, и сердце ее сжалось.

— Ну, этому всегда жарко! — оживился Иван.— Мотается, как соленый заяц. Завел пимы выше колен, нос красный.

— Без шапки? — улыбнулся Андрей.

— Ну, разве можно там без шапки! Купил лисий малахай, одно ухо вверх, другое вниз. Тоже живет на птичьих правах. В рубленом домишке для специалистов. Жинка молодая в положении, уехала до весны к матери в Запорожье.

— А правда, Тоська здесь вот пишет, будто у вас хлеб мороженый? — спросила Елена Митрофановна.

— А чего особенного? Конечно, рубаем топором. На раскаленную плиту положишь — оттает, еще какой вкусный! — как будто о самой обыкновенной вещи, весело сказал Иван.

— О, господи, царица небесная! — вздохнула Елена Митрофановна, глядя куда-то вдаль.

— За Тоську не переживайте. Она там устроилась хорошо. Лес возит на трелевочном тракторе.

— А что я вас спрошу,— напряженно сказала Елена Митрофановна.— Все ваши хлопцы обратно приехали или остался который-нибудь?

Иван не понял скрытого значения ее слов. Он покраснел и сказал:

— Хлопцы остались. А мы с Костей тоже поработаем тут до весны — и обратно на Ангару.

6

Когда Иван ушел, все легли спать, но уснуть никто не мог. Переговаривались через полуоткрытую дверь, долго вертелись на кроватях. Уже начав задремывать, Аня вдруг услышала, что мать встала, прошлепала босыми ногами к выключателю, зажгла свет, взяла со стола письмо Тоси и снова легла в постель.

— Разволновалась...— прошептал Андрей.— Ведь она просто сохнет по Тоське. Плачет?

Они прислушались.

— Нет, вздыхает только. Сворачивает письмо.

Слышно было, как трещал конверт.

— Молодец, Тося! — зашептал Андрей.— Правильно живет.— Он помолчал.— Ты подумай, Аня,— мечтательно сказал он,— какая там будет гидростанция, в десять раз больше нашей, Каховской! Самая большая в мире. Там два утеса совсем близко подходят друг к другу, и никакой возни с песком, с илом... Поставят плотину прямо на гранитном основании. А какую эстакаду там, наверное, придется сооружать, если у нас ее подняли на двадцать метров! А блоки, Нюська! Каждый бычок будет с двадцатиэтажный дом. А там, где будет Братское море, там сейчас непроходимая тайга, вековые ели на сотни километров. Никакой техники не хватит, чтобы их вывозить. Лес просто порубят, свяжут в плоты, а потом море само поднимет всю эту тайгу.

Аня лежала с широко открытыми глазами, она силилась и не могла себе представить это поразительное зрелище, как море поднимает на своих волнах древнюю тайгу.

«Такая масса бревен... А не побьют ли они сооружение?» — с тревогой подумала она.

И вдруг она ясно увидела огромную плотину и маленького Оружейникова без шапки, бегающего по ней, и бревна, наседающие на бетон.

— Не везет Борису Владимировичу. Опять один остался,— сказала она.— Попадаются ему все какие-то нежные. Мадонны!

— Таких выбирает. Ну да ведь и точно — морозы. С ними шутки плохи.

— А Тоська наша потому и замуж не вышла, что молодость проспала. От всего уклонялась. И в волейбол играла так: летит на нее

мяч, а она и рук не поднимет. Голову опустит и слушает, как ее ругают девчонки.

— Зато теперь оказалась покрепче некоторых мужиков! — с горделивой ноткой в голосе заметил Андрей.— Строит Братскую ГЭС, а эти двое вернулись назад. Подумаешь, специалисты! Все мы здесь, в Каховке, стали специалистами. А приехали сюда — путем не умели гвоздя в доску вбить.

Казалось, они шептались очень тихо, но их услыхал Гешка, лежавший в соседней комнате на сундуке. Он сказал:

— Тося покрепче всех оказалась. Не только тех хлопцев. Вас тоже. Так что не задавайтесь!

— Молчи, Гешка! — приподнялась на зазвеневшей пружинами кровати Елена Митрофановна.— Хватит вам балакать, а то разбудите Ниночку!

И хотя девочка лежала тихо, Елена Митрофановна в раздражении принялась качать скрипучую деревянную кроватку. Под этот мерный звук все наконец уснули.

Перед Новым годом неожиданно потеплело. Несколько дней шли дожди, съели весь снег. Потом выглянуло солнце, и в лужах на асфальте отражалось ясное голубое небо. Просыхали подтеки на стенах домов, из-под снега на газонах обнажилась еще зеленая трава.

Вернувшись из ночной смены, Аня прилегла было, но сон не шел к ней: жалко было спать в такой день. Она принялась наряжать Нину. Достала из сундука новый, яркооранжевый плюшевый капюшон, натянула дочери на толстые ножки связанные бабушкой белые шерстяные чулки. Елена Митрофановна, ревниво поглядывая на внучку, поправляла ей волосы на лбу, повязывала на шейку носовой платок: «А то заплюет все чисто, у девки режутся зубы, беда».

Аня уже вышла с Ниной на крыльцо, когда Гешка, рубивший дрова, крикнул ей:

— Нюсь, чем без дела ходить, обменяла бы книги в библиотеке!

— Тащи! — весело ответила Аня.

Он бросился в дом и через минуту выскочил с сеткой, битком набитой толстыми, как кирпичи, книгами.

— На тебя же не угодишь! — с улыбкой глядя на брата, сказала Аня.

— Спроси «Жизнь во мгле». Ребята хвалили. А не будет, тогда бери «Искатели».

Гешка стоял перед Аней лохматый, раскрасневшийся, с темным пушком над верхней губой. «Вот тебе и младший брат! — ласково подумала она.— Я ведь не читала ни той, ни другой книги».

Ранний Шолохов

Вышли в свет «Донские рассказы» Михаила Шолохова, написанные в 1923—1926 годах.

В книге пятнадцать рассказов и повесть «Путь-дороженька». Они связаны между собой темой становления Советской власти на Дону.

В рассказах Шолохова немало идет от личного опыта автора, который в то время гонялся за бандами на Дону и бывал, по его словам, в разных переплетах; в них пороховой дым, кровь и страдания, полные драматизма картины жесточайшей классовой борьбы. В рассказе «Родинка» отец — атаман банды — в схватке убивает комсомольца Николку Кошевого — командира красноармейского эскадрона — и случайно, по родинке, узнает в нем родного сына.

Ожесточенная классовая борьба была на Дону невиданно острой, она размежевала многие казачьи семьи. В рассказе «Червоточина» писатель показывает борьбу в семье хуторского богатея Якова Алексеевича. Против отца и старшего брата, враждебно настроенных к Советской власти, выступает комсомолец Степка; он смело обвиняет их на хуторском сходе в обмане Советской власти, в том, что они укрывают хлеб. Вражда в семье доходит до того, что Яков Алексеевич и его старший сын, Максим, зверски убивают ненавистного им Степку. Картина убийства Степки по своей выразительности напоминает страницы «Поднятой целины», где описана смерть матери Якова Лукича.

На глазах Шолохова происходили эти кровавые события, и молодой художник, изображая пережитое и увиденное, остается неизменно верен суровой, нередко и страшной жизненной правде. Шолохов раскрывает звериную сущность врагов революции. Это полковник Чернояров, есаул Крамсков, Томилин, атаман банды Фомин, комендант военно-полевого суда Анисим.

Вместе с тем молодой писатель увидел человечность, гуманность своих героев казаков, борющихся за Советскую власть. Симпатии автора на стороне этих людей — сынов и дочерей трудового народа; с особенной теплотой пишет он о казачьей молодежи, смело рвущей с сословными предрассудками старого казачества. Герои шолоховских рассказов: пастух-комсомолец Григорий, жадно стремившийся к знаниям, чтобы уметь управлять «нашевской республикой»; его сестра Дуняшка, после убийства брата ушедшая в город учиться; Петька Кремнев — секретарь комсомольской ячейки, берущийся за все самое трудное и опасное.

В точном знании того, о чем пишет молодой художник, и в тонкой наблюдательности, в умении выбрать самое характерное уже можно заметить черты яркого и самобытного таланта, почувствовать художника большой, покоряющей силы, автора «Тихого Дона» и «Поднятой целины».

В. КОРОТЕЕВ

— Ладно,— сказала Аня.— Ниночка, сделай дяде ручкой.

Аня шла с дочерью на руках по чисто выметенной улице, пригретая тихим солнцем. Люди, идущие навстречу, почти все улыбались. Вдруг Аня увидела Ивана Рябченко. Он шел без пальто, в синем бостоновом костюме и желтых туфлях, в белой рубашке. Красиво выделялась его загорелая шея. Иван, как и все сегодня, улыбался.

«Послезавтра первое января. Только у нас в Каховке может быть такое!» — подумала Аня и ждала, когда поровняется с ней Иван, чтобы сказать ему это. Но, видимо, и он заметил ее. Перестав улыбаться, он как бы ненароком перешел на другую сторону. Аня сразу правильно поняла его движение и очень рассердилась. Солнце словно померкло в этот ясный, безоблачный день.

Аня знала, что Рябченко и его приятель поступили на завод железобетонных изделий и как будто пока не собирались трогаться с места. Многие в Каховке осуждали хлопцев, вернувшихся назад с Ангары, и все сходились на том, что нечего было мотаться туда-сюда. «Ага, боишься меня? — захотелось Ане сказать вслед Ивану.— Ага, стыдно?» Но что-то удержало ее, она покраснела, ускорила шаг.

— Нинка, а ну прекрати пускать пузыри! — строго сказала она дочери.

Однажды Гешка явился вечером домой из техникума, распираемый какой-то важной новостью. Он бросил на сундук связанные тонким ремешком потертые учебники и принялся ходить около Андрея.

— Ну, чего там у тебя? — степенно спросил его Андрей.

— Николай Севастьянов получил письмо от Оружейникова! — солидно сообщил Гешка и обвел всех торжествующим взглядом, словно лично ему было адресовано это письмо.— Нахваливает Ангару: мол, красивее реки не видал. На Ивана Рябченко и Костю Минаева очень сердит. Никогда, пишет, не ожидал, что они так поступят. А в конце просил передать всем, всем, всем, у кого есть совесть, пусть приезжают.

Андрей как будто с укоризной взглянул на Гешку, встал и неторопливо направился к двери. Проскрипели шаги по кирпичной дорожке, взвизгнула калитка. Аня застыла с иголкой в руках. Гешка сидел очень довольный собой. Елена Митрофановна, пожав плечами, ушла на кухню.

Андрей все не возвращался, и Аня выбежала на крыльцо. Спокойно садился на землю снежок. Ане не было холодно с непокрытой головой. Она терпеливо ждала Андрея. Он пришел и, смахнув с крыльца сухой снег, сел рядом.

— Где был так долго? — спросила Аня.

— Гулял.

Он обнял Аню за плечи и неожиданно спросил:

— Поедем?

Она ответила, поняв все:

— Поедем.

— А устроимся там, я вернусь и заберу мать,— сказал Андрей.— Вспомни, как она артачилась, не хотела продавать свою хату-развалюшку. Что поделаешь? Старый человек. Ее надо тоже понять... Гешка пока с ней. Останется не одна.

Больше всего Елена Митрофановна рассердилась на Андрея. С Аней она еще кое-как говорила, а на него не хотела даже смотреть. Она постоянно ходила заплаканная, с красными веками, и злые слезы безостановочно бежали по серым щекам. С Ниночкой она почему-то стала обращаться грубо, почти швыряла ее в подушки, когда собиралась кормить кашей, а натягивая тугие чулки, готова была, казалось, оторвать внучке ноги. Гешка ходил торжественный и старался не оставлять надолго Андрея, тяжело переживавшего ссору с матерью. Помогая укладываться, Гешка суетился больше всех, бегал за папиросами для Андрея, гладил ему брюки, не отказывался и нянчить Нину, когда всем было некогда.

Ранним утром, нагрузившись чемоданами и тюками, вся семья отправилась к остановке автобуса, который должен был доставить молодых к поезду в Херсон. Аню била дрожь, она оглядывалась по сторонам, запоминая на всю жизнь и желтые листья, кое-где оставшиеся на деревьях, и объявление о новогоднем бале, которое забыли снять, и старую гипсовую урну со смазанной при отливке лепкой. На мать Аня старалась не смотреть. Елена Митрофановна не плакала, лицо ее казалось надменным, губы плотно сжаты. Гешка, в кепчонке, сдвинутой набок, в курточке с поднятым воротником, руки в карманах, трогательно длинный в своих коротких брюках, храбрился изо всех сил.

— Тоське там привет,— говорил он.— А вы там разворачивайтесь на всю мощь. Надо им всем доказать, что такое настоящие днепростроевцы!..

Он, кажется, не совсем сознавал, что говорил. Глаза были несчастные, и на бледном озябшем лице особенно наивно выглядели мальчишеские первые усы.

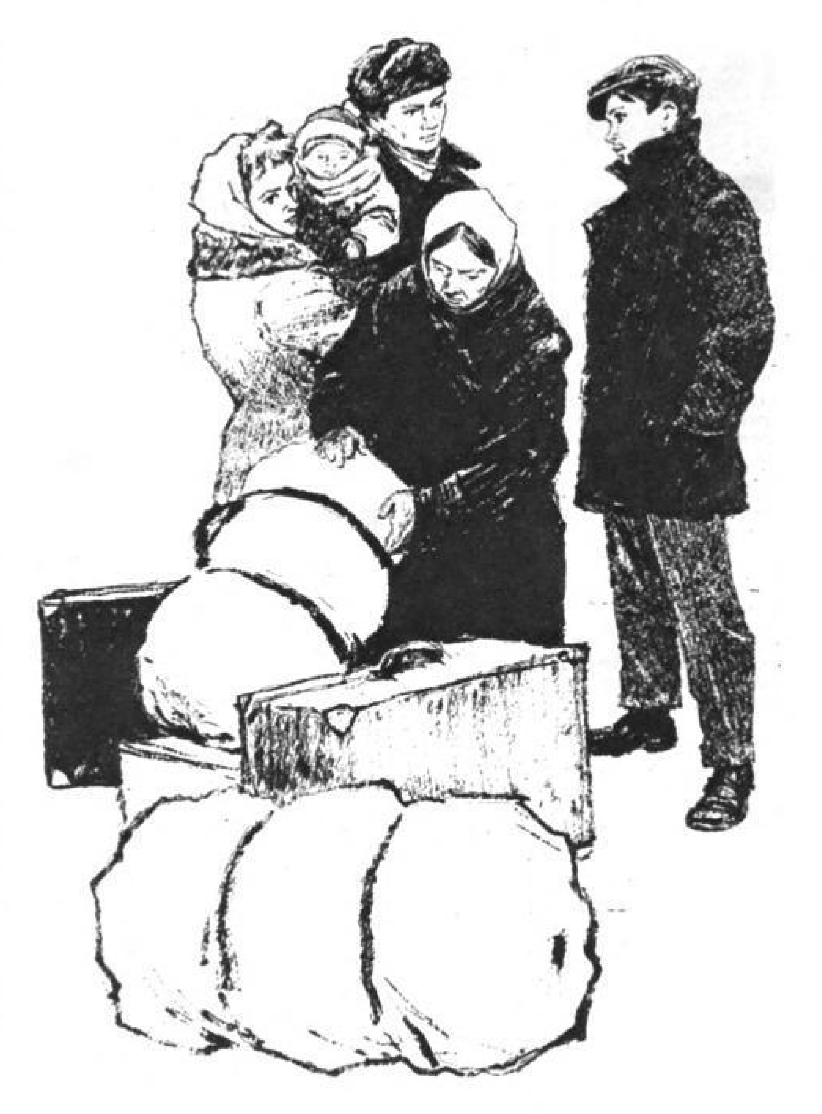
Когда автобус подошел, все засуетились. Елена Митрофановна хваталась за самые тяжелые вещи. Она крепко поцеловала Андрея куда-то в ухо, Аню — в висок, потом принялась целовать Нине пухлые ручонки, и казалось, этому не будет конца. Она не плакала, глаза ее яростно блестели, говорить она не могла, у нее перехватило дыхание.

— Ну, с богом,— выдавила мать и махнула рукой.

И когда тронулись, Аня увидела в окно грузно бегущую вслед за автобусом мать в старом бархатном, сшитом еще в девичестве пальто, и услыхала крик:

— Ниночка, пташка моя, рыбочка!..

Андрей сжимал руку Ани. Мимо плыли, сливаясь, дома Новой Каховки...

А. И. Маренина. А. Ф. Ничипуренко.

Фото Н. Ананьева.

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ-ИНЖЕНЕРЫ

Перелистывая недавно в ленинградской Публичной библиотеке комплекты петербургских газет начала века, мы обратили внимание на скупую хронику о выпуске Высшими женскими политехническими курсами первой группы русских женщин-инженеров.

В один из зимних дней 1906 года открылись Высшие женские политехнические курсы, созданные на частные средства.

На четыре факультета — архитектурный, электромеханический, химический и инженерный — поступило 402 заявления. Их подали женщины, мечтавшие во что бы то ни стало добиться права наравне с мужчинами строить мосты, железные дороги, жилые дома, создавать машины... Курсы были открыты, но прав они никаких не обещали. В уставе так и говорилось: «Будущее покажет — способны ли женщины, так же как и мужчины, познать тайну техники». По конкурсу на первый курс было зачислено 207 человек, приехавших из многих городов России.

Технологический и Электротехнический институты предоставляли курсисткам свои лаборатории для практических занятий. В летнее время удавалось проходить практику на небольших промышленных предприятиях, электростанциях, железных дорогах, на стройках, на телеграфе. В 1915 году на курсах уже насчитывалось 850 слушательниц.

В списке окончивших Высшие женские политехнические курсы весной 1912 года первыми стоят имена Александры Ивановны Соколовой и Аполлинарии Федоровны Ничипуренко. Они окончили электромеханический факультет.

Признаться, мы не надеялись встретить их в наши дни. Ведь прошло столько лет! Но стоило нам отыскать Александру Ивановну Соколову — Маренину, как мы познакомились с многими пионерами женского технического образования.

— Дружно жили мы,— рассказывает кандидат технических наук А. И. Маренина.— Нас объединяла борьба за равноправие. Занимались старательно, боясь, как бы преподаватели не признали нас неспособными разбираться в технике.

Не легко было женщине стать инженером! Дипломов сразу не выдали, это произошло позже, после официального признания курсов.

Однако радость сменилась горечью. Устроиться на настоящий завод удавалось немногим. Тогда у Александры Ивановны зародилась мысль поехать в Америку. Но оказалось, что и там права женщин урезаны. На русскую с дипломом инженера смотрели недоверчиво.

— Однажды я прочитала в судебной хронике,— вспоминает Александра Ивановна,— как женщина-повар, чтобы иметь большой заработок, переоделась в мужское платье и проработала под видом мужчины чуть не двадцать лет. Тогда-то я и решилась на это. Переодевшись в «мистера», я отправилась на завод, который изготавливал электрооборудование для освещения пассажирских поездов. Приняли меня сборщиком. Увидев, что я разбираюсь в деле, перевели на испытание машин, а затем на контроль.

Началась первая мировая война. Маренина вернулась на родину. К этому времени курсы уже были преобразованы в Женский политехнический институт. Маренина преподавала там и одновременно работала в электромастерской Технологического института.

После Октября молодой советской промышленности потребовались точнейшие электроизмерительные приборы. Опытный инженер Маренина заведовала мастерскими, создала ряд уникальных приборов для измерения электрического сопротивления и получила звание кандидата технических наук.

Окончив уже в пожилом возрасте еще один вуз — медицинский,— Маренина изучает электротоки головного мозга. Накоплены богатейшие материалы, которые Александра Ивановна использует сейчас в своей докторской диссертации.

Встретились мы и с Ничипуренко.

Аполлинарии Федоровне после окончания курсов чудом удалось устроиться инженером на Путиловский завод. Ныне она отличный переводчик технической литературы.

К. ЧЕРЕВКОВ

Йиглава — Батуми

Учитель М. Стодольник вручает ребятам письма, полученные из Чехословакии.

Фото В. Джейранова.

Одна из батумских школ недавно была названа именем чехословацкого народного героя Юлиуса Фучика. Этому событию предшествовала история, начало которой восходит к 1945 году. В чешском городке Трешбич на районном учительском совещании говорили о наступившем наконец мире, о неотложных нуждах школ, о воспитании нового человека новой Чехословакии.

Случайно зашел сюда советский офицер и, узнав, о чем идет речь, попросил слова:

— Сейчас вы видите меня в военной форме. Но я и мои товарищи, которые в составе Советской Армии проходят ваш город на пути домой,— люди мирного труда. Я, например, ваш коллега, педагог. Скоро я вернусь в свой родной город Батуми, в свою школу, в которой учился сам и учил других. И мне хотелось бы, чтоб эта наша случайная встреча имела продолжение.

В перерыве офицера обступили, забросали вопросами.

Особенную настойчивость проявлял молодой учитель. Он назвался историком Богумилом Бездековским и, узнав, что майор Стодольник — тоже преподаватель истории, окончательно «похитил» его у других. Расставаясь, оба учителя обменялись адресами.

Мечеслав Доминикович Стодольник вернулся в свою школу.

Письмо от Богумила пришло на восьмой год после встречи. Работал он уже директором восьмилетней школы в городе Йиглава и предлагал возобновить прерванную связь. Со вторым его письмом пришло 33 детских письма. Из Батуми в Йиглаву отправлено 60 ответов. Переписка становилась все оживленней, и ее участники все лучше знакомились друг с другом.

Наташа Назарова, например, вскоре узнала, что ее подругу зовут Ганной, что она тоже учится в 5-м классе и отец у нее шахтер. А Антони Роус выяснил, что у Людочки Шмелевой отец — арматурщик, что сама она увлекается цветоводством и будет, наверно, ботаником. Брат Люды, Сергей, тоже ведет переписку с мальчиком, которого зовут Отто.

Естественно, дети стали интересоваться учебой, и кто-то первый прислал свой табель с предложением, высказанным в довольно категорической форме: «Напиши твои отметки возле моих и табель мне возврати».

Первое время было много веселой путаницы. В чехословацких школах пятерка означает самую плохую отметку, единица — отличную.

Нина Зеракишвили, отличница и председатель совета пионерской дружины, была немало огорчена, когда у ее чешского товарища Нерада Олдржиха оказались в табеле тройки. В данном случае и в Чехословакии и у нас это означает «посредственно». Вероятно, мальчика это задело не меньше, потому что с тройками было покончено.

По этому поводу произошел обмен пионерскими галстуками. На одном было тщательно вышито по-чешски «Йиглава». Нерад стал носить галстук, на котором стояло название советского города Батуми.

Вначале ребята вкладывали в письма открытки с видами своих городов, рисунки, марки, потом стали отправлять посылки.

Ладик Диннебиер прислал Шуре Косых модель самолета, на борту которого написано крупно «Шурик». Большую радость принесла юным батумцам посылка, в которой находился бюст Юлиуса Фучика.

Олдржих Нерад из Чехословакии прислал свою фотографию. Он пишет Нине Зеракишвили: «У тебя очень хорошие отметки, у меня таких нет, но я постараюсь».

«Желаю тебе и всем чешским пионерам успехов в учебе»,— отвечает Нина Зеракишвили.

Теперь он стоит на видном месте в школе, рядом с чехословацкими знаменами.

Как-то в Батуми узнали о том, что в витрине лучшего магазина Йиглавы была сделана выставка подарков батумских друзей. Так же поступили батумцы. У витрин городского фотоателье на главной улице толпились прохожие, разглядывая простые, бесхитростные подарки, которые шлют советским детям их друзья из чешского городка.

Вслед за детьми подружились родители. Мать Нины Зеракишвили послала письмо матери Нерада. Обмениваются весточками отцы Веры Арсияновой и Вацлава Брожа. Круг знакомых непрерывно увеличивается, дружба становится все крепче.

И. МЕСХИ

«Наденька! Я очень увлекаюсь легкой атлетикой. А ты?» — спрашивает Итка Молковская из Йиглавы.

«А я учусь музыке, вышиваю и очень люблю свой велосипед»,— пишет Надя Невольникова.

П. КРАВЧЕНКО **Фото Б. КУЗЬМИНА.**

Специальные корреспонденты «Огонька»

Отсталое объединение

Вечером белые стены домов Улан-Батора кажутся сиреневыми. Только в стеклах кое-где блеснет иногда оранжевая вспышка. Закатом освещены лишь склоны окрестных гор да здание театра на площади Сухэ-Батора. Ветра совсем нет, но жара сменилась уже прохладой. Дневной зной переходит здесь в холодную ночь быстро.

На широком балконе гостиницы «Алтай» сидит большая компания: несколько монголов, коренных жителей Улан-Батора, румын, кореец, болгарин, два китайца, венгр, поляк, финн, два русских и два японца. Это корреспонденты.

А здесь, на балконе, председатель союза монгольских журналистов Зундуй, человек могучего телосложения с юмористической складкой губ на круглом лице, шумно возвещает:

— Получил еще телеграммы: едут к нам швед, австралиец, два индийских корреспондента, корреспондент агентства Рейтер и два американца: из «Нью-Йорк таймса» и из «Лайфа». Нашего полку прибывает. Солидный корреспондентский корпус!

Худощавый кореец Зан Кен Пё осторожно снимает очки и начинает их протирать.

— Вы рассчитываете, что «Лайф» и «Нью-Йорк Таймс» дадут о вашей стране объективную информацию? — негромко спрашивает он.— Насколько я помню, в прошлом году американский представитель в ООН заявил, что в Монгольской республике сомнителен государственно-правовой статус, что она не отвечает требованиям устава ООН и вообще, мол, не может считаться государством.

Зундуй сдвигает брови.

— Они смогут ездить по нашей стране, сколько захотят. Пусть смотрят сами,— говорит он и вдруг взрывается: — Ох, друзья, надоели эти глубокомысленные рассуждения из-за океана о нашей стране! Непонятно мне, почему раньше наш государственно-правовой статус не вызывал возражения у этих дипломатов, а сейчас вызывает. Что, стали мы хуже? Ни подзорной трубы, ни телескопа не нужно, чтобы увидеть, как переменилась страна за тридцать пять лет. В Монголии вообще не было капиталистического общества, понимаете, не было! Республика совершает огромный прыжок — от средневековья, от феодализма прямо в социализм, минуя капиталистическую стадию развития. За такой короткий срок прыжок через целую экономическую формацию — это может совершить только смелый народ... А государственно-правовой статус у нас очень простой: раньше власть была у князей, монахов и торговцев, а сейчас — у народа. И статус этот никому уже больше не изменить, даже если кому-то он и не очень нравится... Впрочем, я, кажется, целую речь читать начал,— смущается Зундуй.— Это, наверно, от удовольствия: очень много гостей. Столько журналистов никогда еще в Улан-Баторе не бывало... Ничего, речами терзать не буду вас: поездите по стране, поговорите с людьми — все увидите сами.

Через несколько дней тринадцать корреспондентов ехали на восьми машинах через горы в Булганский аймак. Сначала шел дождь с молниями и громом, потом гроза прекратилась; дорога петляет впереди между горами, извилистый рисунок ее прерывается иногда облаками, а дальше она снова взлетает и исчерчивает монгольским угловатым орнаментом новые перевалы. За одним из перевалов неожиданно — солнце и пыль. Дождя здесь не было и в помине.

Площадь Сухэ-Батора в Улан-Баторе.

— Не удивляйтесь,— говорит Зундуй.— У нас в каждом аймаке и даже иногда в каждой долине свой климат. Из Юсун-булака — города, который стоит на высоте трех тысяч метров,— вы, возможно, выедете утром в пальто, а через два часа после этого будете задыхаться в пустыне Гоби от пятидесятиградусной жары. Это бывает!

Скоро он опять оживляется.

— За теми горами,— массивный палец Зундуя покачивается у стекла кабины,— сельскохозяйственное объединение «Чойбалсанец». Председатель — Чилхажав. Женщина!

ТЕ ЧЕРЕЗ ГОД

Корреспонденты за работой.

Вы понимаете, что такое женщина-председатель в стране, где когда-то князья изобрели поговорку: «Собака умнее жены, даже спросонья не лает на хозяина»?

— Ну и что, объединение это передовое?

Зундуй поворачивается к журналистам всем своим корпусом, внушительно говорит:

— Отсталое. Ищете передовых — могу показать сколько угодно. А это отсталое. Как может быть передовым объединение, если оно организовалось только в марте этого года? А в том же марте Чилхажав еще сидела над тетрадками в Улан-Баторе, на курсах по сельскому хозяйству. А на курсах состав: сто тридцать два мужчины и одна женщина — Чилхажав. Сюда она приехала только в мае. Первые шаги!

Журналисты заинтересовались первыми шагами первого председателя-женщины в республике и остановились в Булгане, чтобы поговорить с ней.

Из-за поворота вылетел грохочущий мотоцикл и у дома приезжих остановился как вкопанный. С машины сошли двое: спокойная женщина с гладкими, хорошо уложенными косами на голове, с решительным и в то же время бесстрастным выражением лица, и худощавый, красивый юноша. Женщина подошла и протянула руку:

— Чилхажав Дагва.

— Вы сами водите мотоцикл?

— Нет еще. Недели через две буду водить. Пока водит Жамьян. Студент. Приехал на каникулы.

Прошли в комнату. Сначала Чилхажав говорила отрывисто, отвечала только на вопросы: «да», «нет». Потом в ответ на неумеренное восхищение журналистов, поздравивших ее как самую выдающуюся женщину в республике, вдруг расхохоталась весело, чуть не до слез:

— Как вы сказали? Самая выдающаяся? В республике? Да вы разве не были в Улан-Баторе? Не ходили по коридорам университета и Дома правительства? Не видели врачей в больницах? Не были на заводах? А ведь там женщин не меньше, чем мужчин! Нет, вы слишком легко, между делом, по дороге, хотите отыскать самую выдающуюся женщину! — И она снова рассмеялась.

Журналисты приободрились: лед был сломан, можно было ожидать теперь интересного рассказа.

И рассказ действительно оказался интересным.

Тринадцать лет Чилхажав Дагва проработала учительницей, потом окончила высшую партийную школу и стала лектором. Разъезжала с лекциями по Булганскому аймаку, приглядывалась к тому, как араты ведут свое хозяйство, и увидела: а ведь можно гораздо лучше! И когда летом прошлого года ЦК МНРП обратился с призывом к интеллигенции — поработать в сельском хозяйстве, Чилхажав решила: «Иду».

Подруга Бямбажав отговаривала ее:

— Что ты? Это не в городе. Разве ты не знаешь наших аратов? Они живут далеко от культурных центров, у них много пережитков, они не станут подчиняться женщине!

— Но ученики мои ведь подчинялись! — возражала Чилхажав.

— То ученики, а то старые собственники.

Тогда Чилхажав таинственно округлила глаза и сказала подруге:

— А ты знаешь, я придумаю новую методику воспитательной работы. Я возьму, да и перетащу стариков на свою сторону! Как ты думаешь? А? — И засмеялась.

Бямбажав только рукой махнула.

Чилхажав, конечно, знала прекрасно, что работать ей будет очень трудно, и поэтому занималась на курсах особенно усердно, а вечерами бегала по знакомым в поисках новой сельскохозяйственной литературы.

Приехала туда, где должен стоять центр объединения, и ахнула. Стоит всего одна юрта — и больше никого. «Чья юрта?» «Завхоза объединения». «А где остальные юрты?» «Кочуют в разных местах». Села на коня, стала объезжать окрестные горы и долины, где паслись стада.

Познакомилась со всеми аратами и растерялась: они вовсе не склонны были менять своих вековых привычек. Огород, посевы? Нет, они этим никогда не занимались, они не считают это серьезным делом. У настоящего монгола одно дело — скот. Степь — дом, бугор — подушка — вот жизнь природного наездника и пастуха, настоящего человека!

— Ну, а сено вы заготовляете? — спросила она у стариков.

— Никогда! — горделиво приосанясь, отвечали старики.

— Ну, а если зимой много снега будет, как добывать корм?

— А может, снега и не будет, — хитро щурились старики. — У нас нет привычки заготовлять сено. Будет много снега — перегоним скот на другое место, где снега поменьше!

Надо было немедленно составлять какой-то план. Совсем недалеко были настоящие объединения, с громадными постройками, с водопроводом, с электричеством, с богатым трудоднем, а здесь... Числилось шесть тысяч голов скота, но где скот объединения и где личный, разобрать совершенно невозможно. Дадут человеку сотню овец, да своих у него сотня, да лошади свои, да коровы, яки. Все овцы и коровы около юрты и пасутся, чтобы для дойки были всегда под рукой. Годовалых телок никто не хочет пасти — все отказываются. Объединенного хозяйства, по сути, нет. Надо все начинать сначала.

Вот здесь Чилхажав и показала свой характер. Начала она с того, что отобрала несколько молодых ребят и стала строить... кирпичный завод. Объезжала юрты, создавала животноводческие бригады. Впервые отделила маток от основных стад. Составила карту пастбищ. Поспевала везде, спать приходилось мало: рано встанешь — больше увидишь, поздно ляжешь — больше услышишь. На центральной усадьбе начали строить склад. Без него было невозможно: где же хранить шкуры, масло, шерсть?

— Кто из членов объединения сеял когда-нибудь ячмень, овес, пшеницу? — спрашивала у аратов Чилхажав.

— Никто не сеял... Нет, кажется, старик Жамц когда-то сеял. Но это было очень давно.

Поскакала к Жамцу.

— Когда же я буду пасти скот, если начну сеять? — спросил Жамц.

— Скот будут пасти другие. Вы перекочуете на центральную усадьбу. План — десять гектаров, а мы посеем на первый год тридцать. Придет время — будут сотни и тысячи гектаров. Сколько вам нужно людей?

Старик заинтересованно поглядывал на Чилхажав, молчал. Потом засмеялся:

— Ладно, давай считать. Сколько будет плугов? Сколько борон?

Достали три плуга, три бороны. В помощь старику выделили 14 человек. За полмесяца вспахали, заборонована и посеяли тридцать гектаров — ячмень, овес, пшеница, кукуруза. Посадили картофель, лук. Не было дождей. Чилхажав со старым Жамцем и молодыми его помощниками прорыла от реки канаву и пустила воду на поля. Посевы зазеленели.

Некоторые члены объединения старались не попадаться на глаза вездесущему председателю — откочевывали от греха подальше. Другие приглядывались, все чаще приезжали на центральную усадьбу, где уже поднялся склад, маленький маслозаводик, строился красный уголок и особняком стоял жилой домик для Жамца: пока он пахал, боронил и сеял, молодые ребята успели построить ему это жилище.

Чилхажав уже привыкла, что в ее юрте полно гостей, и не удивилась, когда однажды вечером к ней пришли двое молодых парней. Одного из них она знала — он был хорошим пастухом. Второго видела впервые — он был красив, с густыми черными бровями, молчал и улыбался. Товарищ отрекомендовал своего спутника:

— Это тоже член объединения. Его зовут Дамдиндорж.

Чилхажав стала расспрашивать незнакомого юношу: сколько ему лет, женат ли, какая у него семья, какое дело он любит больше всего на свете.

Юноша улыбался и молчал. За него отвечал товарищ:

— Семья у Дамдиндоржа богатая. Хотя ему уже двадцать лет, но он еще не женат. Любимого дела у него никакого нет, потому что он лентяй, лодырь. Не работает нигде и не учится работать. Очень его опекают родители.

Дамдиндорж слушал товарища, молчал и улыбался.

Озадаченная странным оборотом разговора, Чилхажав предложила красивому Дамдиндоржу вступить в бригаду, которая строит красный уголок. Дамдиндорж, продолжая улыбаться, кивнул утвердительно головой и ушел.

Красный уголок начали строить в июне. На строительстве явились все члены бригады, кроме Дамдиндоржа. За ним посылали несколько раз, но он не приезжал. Потом в юрте председателя появился расстроенный отец Дамдиндоржа.

— Вы, уважаемая председательница, посылали за моим сыном, чтобы он пришел на усадьбу и работал на строительстве красного уголка. Вы хорошо придумали, что стали строить красный уголок. Удобная шапка приносит спокойствие голове, а умному слову радуется сердце. Но, к величайшему своему сожалению, я не могу при-

Табун лошадей сельскохозяйственного объединения.

слать своего сына на работу. Дело в том, что он никогда еще нигде не работал и топора держать в руках не умеет. Не каждый конь — иноходец. Лучше я сам буду работать вместо него.

Чилхажав сумела скрыть свое удивление и ответила:

— Семья лучше сможет определить, кому чем надо заниматься. Хорошо, поработайте вы вместо сына.

Старик два дня носил песок к строительству, потом сел на своего коня и ускакал домой. Он поработал на строительстве, и теперь его совесть была чиста.

А через несколько дней Чилхажав встретила в степи Дамдиндоржа. Он вез в город шерсть, собранную отцом с овец. Чилхажав остановила его:

— И не стыдно тебе, ты молодой человек! Почему ты не ходишь в бригаду, почему твои товарищи должны за тебя исполнять твою долю работы? Я бы сгорела со стыда на твоем месте!

Дамдиндорж молчал, опустив голову, и Чилхажав удивилась:

— Может, у тебя нет языка? Ну-ка, поговори со мной!

И Дамдиндорж заговорил. Он сказал, что никогда еще в жизни не работал. Он не умеет распилить доску и ни разу не брал в руки топор. Все, что он умеет,— это скакать на хороших лошадях.

На следующее утро он вышел на работу. А вечером к Чилхажав пришел бригадир и сказал:

— Зачем ты, председатель, прислала к нам этого парня? Я пытался поставить его на работу, но с гораздо большим успехом я бы посеял хлеб в солончаках. Он бездельничал весь день, и теперь я могу сказать тебе, что легче молоть зерно собственной головой, чем разговаривать с Дамдиндоржем.

Тогда Чилхажав позвала Дамдиндоржа и накричала на него. Она сказала, что никакого особенного умения не требуется, чтобы мять глину и подносить воду. Она сказала ему, что девушки не пойдут замуж за такого неумелого парня и ему придется остаться на всю жизнь холостяком, а это незавидная судьба.

Два дня после этого Дамдиндорж месил глину, но делал это не особенно проворно, хотя холостяком оставаться ему не хотелось. Вместе с ним на строительстве работали еще семь парней, и работали уже давно и очень хорошо. Наступал великий праздник «Их надом» — тридцать пятая годовщина Монгольской народной революции. Правление решило поощрить своих строителей. Каждому из них купили по костюму и вручили на торжественном собрании под общие аплодисменты. Агитаторы скакали во все концы — несли весть юртам о славе семи строителей.

Восьмой — Дамдиндорж — работал только два дня, и работал плохо. Поэтому он ничего не получил. Во время праздника ребята, распрямив грудь, щеголяли в новых костюмах, покупали конфеты и оделяли девушек. Старики с улыбкой следили за важничающими парнями. Дамдиндорж молчал по своему обыкновению и улыбался. Чилхажав подошла к нему:

— Что ж ты сидишь? Иди, повеселись с друзьями.

И Дамдиндорж опять удивил ее. Он сказал, улыбаясь:

— Нет. Я буду мять глину. Дайте мне волов.

Чилхажав сказала об этом решении Дамдиндоржа штукатуру. Тот только рукой махнул:

— Какой из него работник! Только свои же глаза обманывает. Ест — потеет, работает — мерзнет. Ему бы ламой быть, буддийские песни распевать, а не красный уголок строить.

Но уже через несколько дней штукатур совершенно переменил свое мнение и к концу рабочего дня с удивлением поглядывал на своего подручного. Дамдиндорж за четыре километра возил на волах глину, сгружал ее, месил и подавал штукатуру. Тому совсем не пришлось месить, и он только покрикивал на Дамдиндоржа, а потом и покрикивать перестал.

...Кирпичный завод выдал уже несколько партий кирпичей. Из восьмой автобазы приехали люди на автомашинах и попросили Чилхажав продать им кирпич. Чилхажав посидела в раздумье, потом сказала:

— Грузите. Но сначала посмотрите на наш красный уголок. Скоро он будет закончен... Нравится вам?

— Нравится,— ответили шоферы.

Приехав на автобазу, Чилхажав неожиданно попросила созвать собрание молодежи.

— Ваши товарищи,— сказала она,— видели у нас в объединении красный уголок. Он им понравился. Но не кажется ли вам странным, что у аратов будет свой красный уголок, а у вас, у передового рабочего класса, нет?

Да, молодежи это показалось странным.

— Может быть, мы сделаем так,— раздумывала вслух Чилхажав.— У вас здесь много старых кузовов и списанных моторов. Слесари, электрики, механики и шоферы автобазы — у всех у них золотые руки. Слава о них идет далеко...

Слушатели не совсем улавливали логическую связь в речи председателя.

— Сделаем так.— Чилхажав радостно улыбнулась, будто только сейчас вот, на собрании, нашла выход из положения.— Вы соберете нашему объединению автомашину, а мы пришлем к вам пятнадцать строителей, и они вместе с вами построят здесь красный уголок. Тогда все будет хорошо и все будут довольны.

Так через некоторое время у объединения появилась своя автомашина. Она сделала шесть рейсов в Улан-Батор, отвезла туда шерсть и другие продукты, а оттуда привезла толь, гвозди, краски, фанеру, стекло.

Начали строить коровник на сто голов. Недалеко от центральной усадьбы нашли известь и стали заготовлять ее. Уже решили построить к следующему году двухэтажный кирпичный дом длиною в тридцать метров. В нем будет несколько квартир, небольшое общежитие, школа и интернат для ребятишек объединения.

К Чилхажав часто приезжали единоличники из соседних долин, подавали заявления. Объединение начало расти. Теперь у него было почти двадцать тысяч голов скота. Кроме того, каждая семья имела до сотни голов скота. Сено теперь надо было заготовлять обязательно, рисковать такому большому хозяйству нельзя. На пятьсот тонн заключили договор с конно-сенокосной станцией. Да еще почти втрое больше этого решили накосить сами. И даже этого, конечно, было мало.

Но когда надо было выходить на сенокос, оказалось, что в объединении неожиданно оказалось много больных. Чилхажав объезжала юрты. Один показывал на бок: «Что-то вот здесь ломит!» У другого почему-то ныла спина, третьему просто надо было съездить в город за порошками, которые ему еще год назад обещал врач.

В первый день на сенокос вышло только двадцать два человека. На второй — еще двенадцать. Чилхажав в который уже раз объезжала юрты, старалась не показывать, что сердится, растолковывала, убеждала: да, раньше не косили здесь сено, но теперь надо косить, потому что скота очень много. Ведь все помнят, какая беда скоту, когда зима особенно снежная. В объединении нельзя допускать этой беды.

Дамдиндоржу она тоже сказала:

— Тебе придется отправиться на сенокосную станцию. Поезжай домой, возьми постель, возьми теплую одежду — и завтра на сено!

Дамдиндорж смотрел во все глаза на Чилхажав и отрицательно качал головой:

— На сенокосную станцию я поеду, но домой за постелью нельзя.

— Почему нельзя?

— Отец не отпустит. Он не хочет, чтобы я много работал.

— А ты сам?

— Сам — ничего,— уклонился от ответа Дамдиндорж и неожиданно добавил: — Хорошо вечером!

— Почему вечером? — не поняла Чилхажав.

— Ну, вечером. Идешь с работы, как все. Усталый. Много сделал. Ни от кого не прячешься. Со стариками здороваешься, и они тебе отвечают. Дорж вчера у меня совета попросил. Хорошо.

— Ну, ладно,— сказала Чилхажав.— Поезжай на сенокосную станцию, а с твоим отцом я поговорю попозже. Думаю, что он тоже поймет, что для тебя хорошо и что плохо.

В это время к ним подбежал взволнованный штукатур:

— Что, Дамдиндоржа вы хотите послать за сеном?

— Да.

— Нет. Это никуда не годится. Посылайте любого другого, только не его. Вы же сами говорили, что самых необходимых людей оставляем на стройке. Не могу я его отпустить.

Журналистам пришлось прервать свой разговор с председательницей Чилхажав: ее срочно вызвали на кирпичный завод объединения. Журналисты съездили с ней на завод, увидели хитроумно сделанные печи, посмотрели, как почтительно мастера выслушивают ее распоряжения, и к вечеру снова сгрудились вокруг нее:

— Рассказывайте дальше.

— А что дальше? — рассмеялась Чилхажав.— Дальше вот придет сейчас машина, надо будет везти кирпич на усадьбу. Если вы хотите посмотреть, что будет дальше, приезжайте через год. Пока еще наше объединение существует только пять месяцев, а я здесь работаю немногим больше трех. Приезжайте через год. Думаю, не пожалеете!

— Ну, поехали дальше? — пошутил Зундуй.

Журналисты с неохотой стали рассаживаться по машинам.

Чилхажав беседует с мастером кирпичного завода.

В МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

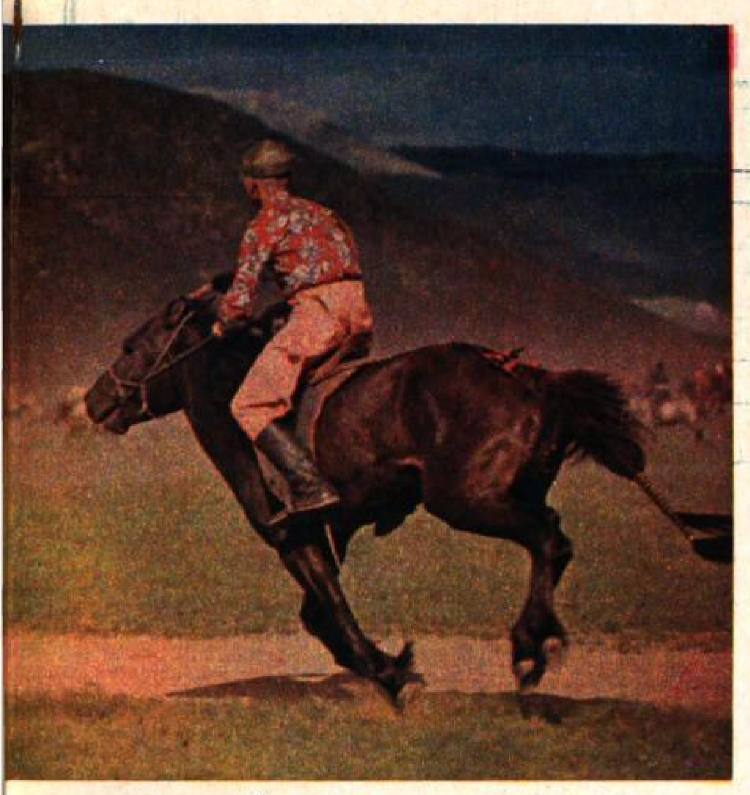
Монгольские школьники-гимнасты на физкультурном параде в Улан-Баторе.

В день 35-й годовщины Монгольской Народной Революции в Улан-Баторе собрались бойцы старой народно-революционной гвардии. Это они под предводительством Сухэ-Батора громили унгерновские отряды, а затем строили расцветшую сегодня Монгольскую Народную Республику.

На праздник приехало много иностранных гостей.

В Забханском аймаке члены сельскохозяйственного объединения «Путь к социализму» попросили рабочих города Жавхаланта помочь им перегородить протоку на реке Шурге, затоплявшую огороды, и поднять уровень реки, чтобы оросить новые земельные массивы.

Около трехсот жителей города приехали в воскресенье к скале «Белый локоть». Рабочие, учителя, артисты и строители быстро насыпали каменную плотину.

На скачках.

Плотина уже почти готова.

Во время отдыха на постройке плотины у скалы «Белый локоть».

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Рассказ

Вера УСТИНОВА

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

— Ну, пойдем, прошу тебя,— тихо сказала Надя.

Она беспокойно оглянулась на Нину, игравшую в углу с куклой. Но девочка не слышала.

Татьяна отложила в сторону штанишки сына, на которые накладывала заплатки, и устало сказала:

— Оставь ты меня в покое. До балов ли мне, подумай сама! Еще надо белье выгладить: на прошлой неделе постирала, а выгладить времени нет и...

Но Надя не дала ей закончить:

— Выгладить можно завтра. Весь день свободен. Да и вообще если бы отдала в прачечную или наняла, тоже ничего бы не случилось.

— Да знаешь, двое детей, деньги надо беречь.

— Но, но! — резко перебила Надя.— Не жалуйся, а то за фальшивой слезой бог сиротскую не чует. Бывает хуже. Ты же молодая, а уже отказалась от всего. Кому это нужно? Идем. Второй такой случай не представится. Если бы брата срочно не вызвали в часть, разве он уступил бы мне билеты.

— Ну, на кого я оставлю ребят и что я надену? Нет, нет, не зови меня.— Татьяна чувствовала: еще минута, и она согласится — и искала убедительную причину.

— Ребят оставим на тетю Нюру, я сейчас ее попрошу.

— И не думай,— сказала Татьяна, но Надя уже выскользнула из комнаты.

Через минуту она вернулась с соседкой Татьяны, вдовой паровозного машиниста, тетей Нюрой, как ее просто называли.

— Вот видишь,— говорила Надя,— тетя Нюра согласна посмотреть за ребятами.

— Да иди ты! — сказала тетя Нюра Татьяне.— Что же теперь — пропадай вся жизнь? Молодая женщина!..

Нина осторожно положила куклу, подошла и удивленно посмотрела на тетю Нюру, а та уже по-деловому говорила:

— Парня чем накормить, придет из школы? Уроки сегодня может не готовить?..

Надя озабоченно осматривала платья Татьяны и ворчала:

— Надеть ей нечего! Такие хорошие платья, только надо переделать, теперь шьют иначе.

Наконец она остановилась на черном, очень скромном и сказала:

— В этом пойдешь, только надо его оживить чем-то. Слушай! А если сюда цветок? У меня есть ландыш, очень изящно сделанный. Ну-ка, я сбегаю к себе.

Многоэтажное здание Дома офицеров было ярко освещено. У подъезда толпились безбилетники, с завистью смотревшие на тех, кто несколько торжественно входил в большую дубовую дверь. В прохладном громадном вестибюле четыре аккордеониста встречали гостей знакомым вальсом. По широкой, покрытой ковром лестнице поднимались пары. Сияли пуговицы парадных мундиров, ордена, до блеска начищенные пряжки ремней.

Татьяна и Надя вошли в зал и стали недалеко от дверей, с восхищением и трепетом осматриваясь по сторонам. В зал вошла группа морских летчиков. Рослые, крепкие, веселые.

Майор, с коротко подстриженными волосами и большим шрамом под глазом, который не портил лицо, а придавал ему мальчишескую задорность, подошел к Татьяне и пригласил танцевать. Он сиял здоровьем, добродушием и любопытством к жизни, как будто каждую минуту она должна открыть ему что-то новое, необычайно интересное. Вальсируя, майор пел:

...на границе часто снится
дом родной...

Дальше он слов не знал и все время повторял одно и то же. А Татьяна путала такт, смущалась и чувствовала себя виноватой. Ей казалось, что, приглашая, майор не заметил ее скромного платья, босоножек... У нее кружилась голова от яркого света, музыки, волнения и воспоминаний. Оркестр кончил играть. Майор спросил:

— Вы здесь одна?

— Почему одна? — поспешно ответила Татьяна.— С подругой.

— Я не о том...— протянул он.— Пойдемте посмотрим, что в других залах. Кстати, вашей подруги тоже нет.

Они посмотрели туда, где оставили Надю. Татьяна растерянно молчала, а майор вел ее к выходу и вдруг остановился под ярким светом люстры.

— Нам, наверно, лучше познакомиться.— И, не дождавшись, пока Татьяна подаст ему руку, он первый протянул свою и сказал: — Я Павел, а фамилия — Фролов. Точнее, майор Павел Фролов. А вы?

— Татьяна Казакова,— смутившись, сказала она, чувствуя, что на них с любопытством смотрят.

— Ну, блестяще! Я так и знал, что вы Татьяна. Это — мое любимое имя.

Пройдя по залам, Фролов и Татьяна снова вернулись к танцам. Татьяну не покидало ощущение, что она давным-давно знакома с этим человеком. В нем была какая-то притягивающая сила, крепкая, настоящая и ласковая. Хорошо было чувствовать сильные, поддерживающие руки, скользить в танце, чуть прикасаясь к полу. Давно она не испытывала ощущения такой легкости, как сейчас.

Отдыхая, они стояли у окна. Фролов, задумавшись, молчал, а Татьяна с грустью смотрела на веселых, нарядных женщин. В зале все было белое: потолок, стены, колонны. Начищенный паркет отражал свет хрустальных люстр. От обилия света молодые, разгоряченные лица казались еще моложе, оживленней. Танцевали пехотинцы, моряки, летчики... Мелькали лица девушек, старавшихся сохранить серьезное, безразличное выражение. От этого они казались чуть надменными, а в глазах их светилось счастье. Скрипки в оркестре пели о любви, о хороших человеческих чувствах, без которых немыслима жизнь. Было радостно и хорошо.

Подошли Надя и приятель Фролова, совсем еще молодой человек с красивым, выразительным лицом, но седыми волосами. На синем сукне его кителя блестела Золотая звезда.

— Майор Сахаров,— представился он Татьяне и, обращаясь к Фролову, сказал: — Есть предложение на полчаса пойти в ресторан. Наши дамы устали, здесь жарко, хочется пить...

В ресторане для них уже был приготовлен стол, видно, кто-то побеспокоился об этом заранее. Подошли еще летчики, с которыми Татьяна видела Фролова в начале бала. Фролов сидел рядом с Татьяной, радостно возбужденный. Рассказывал о недавно пережитом веселом приключении, но никто его не слушал, да и сам он плохо следил за нитью своего рассказа. Говорил он только потому, что хотелось говорить.

Разлили шампанское, и Сахаров поздравил всех с наступающим праздником.

Когда Татьяна поднесла бокал к губам, перед ней на мгновение встали ласковые глаза мужа. Она поставила бокал.

— Что с вами? — удивился Фролов.

— Я не пью. Я никогда не пью.

— Ну, блестяще! Из нас тоже никто не пьет. Но один глоток в честь праздника... От этого еще никто не умирал.— И он пристально посмотрел в ставшие вдруг грустными глаза Татьяны.

Снова пошли в зал. И пока оркестр не сыграл прощальный вальс, они были вместе, не пропуская ни одного танца.

Бал окончился. Уставшие, но довольные пары устремились в гардероб.

— Ты, конечно, с нами домой не поедешь? — догоняя Фролова, спросил Сахаров.

— Что ты! — поспешно ответил тот.— Я должен проводить.

— Еще бы! — понизив голос, сказал Сахаров.— Такие глаза встречаются раз в жизни.

Татьяна и Фролов шли мимо парка. Сквозь деревья вспыхивал и угасал свет неоновой рекламы. Деревья казались громадными, незнакомыми. Высоко в темное небо поднимался шпиль собора. Было тепло. Из парка веяло запахом поздних осенних цветов. Фролов держал Татьяну под руку и вполголоса пел, наслаждаясь хорошим вечером, близостью женщины. Татьяна незаметно наблюдала за ним. «Шесть орденов. По планкам трудно вспомнить, какие, но это боевые ордена. Сколько же раз он бывал в боях? В войну ему было не больше двадцати. А сколько раз в мирные дни в бурю и дождь, когда страшно на земле, он был в воздухе?»

Незаметно они вышли к берегу канала. Деревья свешивали над водой неподвижные ветки с осыпающимися листьями. Татьяна и Фролов вошли на горбатый мостик. Облака уплыли, взошла яркая луна. По гладкой маслянистой и тихой воде парами скользили лебеди. Время от времени лебеди опускали головы, что-то разыскивая. Вода тихо плескалась, мелкие круги шли в стороны. Светлое небо поглотило сияние звезд. Над Фроловым и Татьяной горела одинокая зеленая звезда. Залитые лунным светом, сиротливо склонялись поздние цветы. Было очень тихо.

В эту ночь Татьяна не спала, она старалась думать о детях, о погибшем муже, а перед глазами, помимо ее желания, вставал образ Фролова. Некрасивое, обыкновенное его лицо, изуродованное шрамом, почему-то казалось милым и родным. «Видишь, как мне грустно,— мысленно обращалась Татьяна к мужу.— Жизнь идет и идет... В сущности, я уже не такая молодая, мне давно не семнадцать, и я устала от одиночества. Война поглотила юность. Молодость проходит в одиночестве. Дети? Да, мне легче, у меня есть дети. Легче, чем многим другим».

На другой день Татьяна не спешила, как всегда в праздник, переделать все свои домашние дела. Накормив детей завтраком, она выпроводила их гулять на улицу. Потом долго сидела перед зеркалом, втирая в кожу лица подсохший, давно забытый крем. Несколько раз по-иному укладывала волосы, выбирая прическу. Придирчиво осматривала свои немногочисленные платья. Наконец выбрала то, что казалось наряднее. Примеряла его, подшивала, утюжила...

Татьяна не сознавалась себе, что с нетерпением ждет вечера. О встрече с Фроловым они не уславливались, но она не допускала мысли, что они могут не встретиться.

Вечером пришла Надя и, к удивлению Татьяны, очень спокойно отнеслась к предложению пойти на танцы в Дом офицеров.

Надя посмотрела на разгоряченное, помолодевшее лицо подруги, на котором не было и следа обычной холодной сосредоточенности. Потом не выдержала и лукаво спросила:

— А детей с кем оставишь?

Татьяна, не задумываясь и не замечая лукавства Нади, ответила:

— Сами улягутся, ничего страшного не случится. Валерка,— обратилась она к сыну,— ты уложишь Нину?

— Ладно, уложу,— пробурчал Валерка. Он лежал на диване, крепко обняв маленького длинноухого щенка. Щенок тыкался мордой в плечо своего хозяина. А тот гладил его и приговаривал: — Хороший мой, умный мой, любимчик мой! А ты куда уходишь? — неожиданно спросил он мать.

Татьяна на секунду задержала руку на голове: она надевала шляпку — и, не глядя на сына, ответила:

— В театр.— Потом добавила: — Мы с тетей Надей идем.

— Ну иди, только смотри не попади под трамвай,— голосом старшего сказал Валерка.— И знай, если ночью Кутика сбросишь с кровати, все буду делать тебе назло.

В вестибюле Дома офицеров было много народу. Но Татьяна сразу увидела Фролова. Он, не обращая внимания на окружающих, нетерпеливо шагал по диагонали. Не успела Татьяна решить, подойти ли к нему, как Фролов заметил их, поспешно подошел и сказал:

— Я приготовил для вас билеты.

Снова они весь вечер провели вместе.

Но не было уже у них той оживленной веселости, как на балу. Оба притихли, настороженные, словно прислушивались к чему-то им одним известному. Фролов уже не пел, а задумчиво смотрел на Татьяну да изредка говорил о разных пустяках. Не сговариваясь, они избегали друзей Фролова, уходили вдвоем в фойе, гостиные и молчали.

После одиннадцати к ним подошел Сахаров и сказал Фролову:

— Достаточно! Повеселились.— И совсем тихо добавил: — Завтра рано полеты.

— А если я приеду один попозднее?

— Дело твое, как знаешь.

И снова Фролов провожал Татьяну. Она предложила поехать на троллейбусе.

— Нет! — Он отрицательно качнул головой.— Пройдем парками, посмотрим лебедей. Это увидишь только в вашем городе.

— Да, лебеди и голуби — гордость нашего города. Они пережили с нами вместе даже войну.

Свет большого фонаря плавал в воде, точно луна. По черной воде парами бесшумно скользили лебеди. Татьяна напомнила Фролову:

— Идите, вам завтра надо рано, не выспитесь...

— Одно из трех,— невесело ответил он своей любимой поговоркой, не отрывая взгляда от плавающих птиц,— или я не высплюсь, или провожу вас.

Неожиданно в раскрытом окне соседнего дома послышались звуки рояля, и женский голос запел:

Где бы мой милый ни был
Под осенним хмурым небом,
Даже в любое ненастье
Я сберегу наше счастье...

«Тоскует»,— подумала Татьяна. На секунду перед ее глазами встала бескрайняя снежная равнина. Там, где-то в холодных снегах Заполярья, затерялась могила погибшего мужа. Фролов пристально смотрел на побледневшее лицо Татьяны. Когда умолкла в окне песня, он как бы шутя спросил:

— Что же вы затуманились?

— Просто так, — поспешно ответила Татьяна и, не успев как следует подумать, зачем она это делает, сказала: — Мой муж погиб пять лет назад на севере в геологической экспедиции. С тех пор я одна. Одна! — повторила она и испугалась: «Как же так! Зачем я сказала «одна»? А Валерка и Нина? Надо сказать, что у меня двое детей».

— Откровенность за откровенность, — грустно говорил Фролов.— Я тоже один. Моя жена была дочерью крупного специалиста, я женился на ней, когда учился в Академии, но кончилась моя учеба — и кончилась семейная жизнь. Жена категорически отказалась ездить со мной и покинуть Москву, а теперь она уже с другим. Впрочем, может быть, дело было даже не в Москве...

Долго они еще шли мимо парков и уснувших деревьев. У дверей своего дома Татьяна внимательно посмотрела на задумавшегося Фролова.

— Идите, — сказала она.

Фролов молчал.

— Идите,— повторила Татьяна чуть слышно, чтобы только не молчать.— Вам завтра рано лететь... Это, наверно, очень трудно?

— Вы много придаете этому значения. В сущности, мы делаем обыкновенное дело.

— Даже когда вы на высоте шести — семи тысяч летите со скоростью восьмисот километров в час?

Фролов рассмеялся и ничего не ответил.

Начал моросить дождь. Никому не нужными казались уличные фонари, освещавшие парк, усеянный листьями. Еще вчера листьев на земле не было, за одну ночь парк пожелтел, сникли цветы.

— Какая сегодня хорошая погода! — сказал Фролов.

— Да, хороший вечер,— подтвердила Татьяна, стряхивая капельки дождя с рукава плаща.

И опять они надолго замолчали. Татьяна смотрела на белый ромбик на кителе Фролова, чтобы не думать о том, что само собой думалось, твердила про себя: «Краснознаменная военно-воздушная академия». Фролов тоже, точно вырываясь из какого-то оцепенения, сказал:

— Пойду, до свидания.— Потом быстро вернулся и спросил: — Если у меня на неделе вырвется свободный вечер, где мне вас найти?

— Только не дома,— поспешно ответила

Татьяна.— Можно приехать ко мне на работу, но не домой.

Через два дня Фролов позвонил Татьяне на работу. Он что-то невнятно сказал о плохой погоде, о том, что ночные полеты отменены, и попросил разрешения встретить ее сейчас.

— Вы, конечно, голодны? — сразу начал Фролов, как только встретил Татьяну, и не успела она ему ответить, как он уже продолжал: — Ясно, голодны, весь день на работе. Здесь за углом есть кафе, мы прежде всего зайдем туда.

И, не дожидаясь согласия, Фролов направился в сторону кафе. Татьяна покорно пошла за ним, хотя в ней все на секунду замерло. Кафе было на той улице, по которой Валерка ходил в школу. Правда, последний урок заканчивается через час, но если сегодня четыре урока,— значит, он может ее встретить и, конечно, подойдет, спросит, куда она идет с чужим человеком. «Сказать Фролову немедленно, сейчас о том, что у меня двое детей и они меня ждут. Нет, лучше не говорить, это надо было сказать сразу, в первый вечер. Нет! Только не сейчас!»

— Вы очень устали? — спросил Фролов.

— Да,— ответила Татьяна.— Утомительный день, телефонные звонки, разговоры...

— Хорошо, что вы одна и не надо ни о ком заботиться.

«Сказать, сейчас же сказать»,— подумала Татьяна. Но что-то мешало ей сделать это.

В кафе Фролов подвел Татьяну к столику у большого окна. Сели. И вдруг Татьяна поднялась:

— Меня раздражает солнце, уйдемте отсюда.

Фролов тотчас согласился и покорно пошел за ней в глубину зала, а Татьяна думала: «Надо было найти предлог зайти домой, предупредить тетю Нюру, она уложила бы ребят».

— Вы знаете,— между тем говорил Фролов,— я здесь, видимо, ненадолго. Может быть, нам сейчас воспользоваться свободным вечером, взять машину и поехать посмотреть взморье, озеро?.. Что еще здесь стоит посмотреть?

— Очень много,— сказала Татьяна,— но...— она сделала паузу,— я должна переодеться, я не могу же так ехать.— Сказала, а у самой похолодели колени. «Интересно, во что я переоденусь?» С тех пор как она познакомилась с Фроловым, Татьяна и на работу ходила в лучшем платье.

— Но мы же не в театр едем, хотя, если это необходимо, я подожду вас,— покорно согласился Фролов.

Татьяна немного успокоилась. Она решила, что попросит Фролова посидеть на скамейке в парке напротив ее дома. Но официантка не спешила подавать. Потом долго не приходила получать деньги. И когда наконец они вышли из кафе, был именно тот час, когда Валерка возвращался из школы, а Нина из парка, куда ей разрешалось ходить гулять до ужина.

— Знаете что? — с небрежной веселостью сказала Татьяна.— Едемте прямо сейчас, я не буду переодеваться. Кстати, рядом остановка такси.

Усаживаясь в машину, она думала: «Ничего, как-нибудь обойдется, тетя Нюра поймет, что я задержалась на работе, и поможет ребятам. Надо в получку купить ей на платье».

В этот вечер стемнело почему-то очень быстро. Татьяна и Фролов не успели осмотреть и половину того, что наметили. Они попытались пойти в кино, но не могли достать билетов. Фролов предлагал посидеть в парке, но Татьяна сослалась на головную боль и попросила отвезти ее домой.

В квартире стояла тишина, хотя было еще не поздно. Татьяна подошла к своей комнате. До нее донеслись смех и голоса. За столом сидели Валерка, Нина, тетя Нюра и Надя. На столе стоял большой и очень нарядный торт, а перед ребятами маленькие тарелки с огромными кусками торта. Валерка, как всегда, держал на руках щенка. Щенок передними ногами стоял на краю стола и с любопытством смотрел на всех. Дети аккуратно ложечками брали с тарелок торт и старательно, не торопясь, ели.

— Откуда торт? — удивилась Татьяна.

Надя засмеялась и ответила:

— Это мне на квартиру прислали.

— Кто?

— Тот, с кем я познакомилась на балу. Я тогда в шутку сказала, что у меня сегодня день рождения.

— Влюбился в тебя, Надежда, этот летчик,— очень серьезно сказала тетя Нюра.

— Нет, это он просто так, мы ведь с ним больше даже не встречались.

— Но почему торт здесь, а не у тебя?! — спросила Татьяна.

— Ты же знаешь, я не люблю сладкого, вот и решила принести его ребятам.

Тетя Нюра налила Татьяне стакан чаю и, подавая, спросила:

— Что, опять на работе задержалась? Я вижу, тебя долго нет, давай сама хозяйничать.

Татьяна не ответила, только выразительно посмотрела на женщин, и все рассмеялись. Скоро тетя Нюра и Надя ушли. Татьяна начала укладывать детей спать. Нина долго расшнуровывала ботинки и вдруг спросила:

— Мама, пусть бы тебя кто полюбил и тоже прислал торт. Почему тебя никто не любит?

Но сын сразу заступился за мать:

— Неправда, ты все врешь, нашу мамку все любят. И папа всегда говорил, наша мама хорошая. Ты не помнишь, а я помню.— Валерка ничего не помнил, он был маленький, когда погиб отец, но ему казалось, что отец так говорил.— И тетя Надя говорит,— продолжал он,— что наша мама — хороший геолог и отделом умеет руководить, у нее тридцать человек сотрудников, и все ее любят.

— А торта не присылают,— не унималась Нина.

— Еще пришлют, не беда,— уверенно сказал Валерка, засовывая под одеяло щенка. Потом он улегся сам, прижал щенка к себе и сразу уснул.

Татьяна долго еще возилась, прибирая в комнате, и все время думала о Фролове: «Завтра у него полеты. Наверно, это очень страшно». Она пыталась с ним и сегодня заговорить об этом, но он только засмеялся и сразу начал о другом. Когда-то вот так же она спрашивала мужа, не страшно ли ему ехать в экспедицию на далекий север. Он только улыбался в ответ, а потом не вернулся. «Да, да,— думала Татьяна,— строим, ищем, сооружаем, защищаемся, несмотря ни на что».

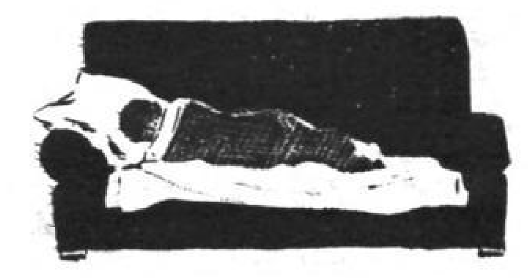
До конца недели Фролов больше не звонил и не приезжал. Татьяна знала, что сегодня, в субботу, они обязательно встретятся, он просил ждать его весь вечер, потому что не знал, когда освободится. Утром, идя на работу, она впервые обратила внимание на далекий гул самолетов, доносившийся со стороны моря. «Летают,— с непривычной нежностью думала Татьяна,— и он тоже, наверно, там, но сегодня придет, обязательно придет. После работы сразу пойду в парикмахерскую, приведу себя в порядок». С тетей Нюрой она договорилась, и весь вечер можно быть свободной.

Время до обеденного перерыва тянулось очень медленно. Наконец Татьяна увидела, что стрелка больших часов у почтамта, напротив окна ее кабинета, доползла до цифры «2».

Татьяна надела пальто, и в это время раздался звонок телефона. Татьяна не подняла трубку. Телефон звонил. Она еще раз мучительно посмотрела на него и подумала:

«Нет, нет, это звонят, конечно, из управления, разговор займет не меньше десяти минут, а Валерка опоздает в школу. Ведь знают же, что время обеденного перерыва, и каждый раз задерживают: то срочно понадобятся сведения, то читают приказы, которые все равно завтра пришлют почтой».

Сухой осенний день встретил Татьяну обилием солнца и легким морозцем. Чистый, какой-то удивительный воздух освежал, бодрил, прибавлял энергии. Она прошла уже магазин культтоваров на углу их переулка и вдруг вспомнила: Нина несколько раз просила купить пенал. Татьяна возвратилась и вошла в магазин. У прилавка толпилось несколько школьников. Татьяна попросила пропустить ее без очереди. Выбрала коричневый пластмассовый пенал с замысловато сделанной крышкой. Пока продавщица заворачивала покупку, Татьяна думала: Валерке тоже бы надо купить пенал. Нет, он вчера снова принес двойку и замечание от учителя физкультуры за то, что забыл взять в школу тапки. Не забыл, а не

захотел. Уж она-то хорошо это знала. Мальчишек очень трудно воспитывать без отца. «Как нужен им отец!» — думала Татьяна, спеша домой.

Нина уже возвратилась из школы, она сняла школьное платье и передник и теперь все аккуратно развешивала. Татьяна подала ей завернутый пакет.

— Что здесь? — обрадовалась девочка.

— Развернешь и увидишь,— сказала мать,— только сначала оденься, не мотайся по комнате в трусиках и лифчике и подбери волосы.

Татьяна взяла спички и пошла на кухню разогревать обед. Хлопнула входная дверь, на кухню пулей влетел Валерий; он держал радостно возбужденного Кутика. Щенок, довольно повизгивая, лизал мальчику лицо. Не останавливаясь, Валерик крикнул матери:

— Скорей давай обед, а то опоздаю в школу!

В комнате он опустил на пол щенка, быстро начал надевать школьный костюм, разговаривая с собачонкой:

— Ничего, Кутенька, погуляли, хватит, мне пора в школу.— Вдруг мальчик заметил в руках сестры сверток.— Что это у тебя?

— Ничего.— Нина спрятала пенал за спину, но брат был уже рядом.

— Покажи, что тебе купили!

— Не покажу!

Нина побежала в угол, за шкаф, крепко сжимая пенал, щенок с лаем погнался за ней. Не успел Валерик подбежать к шкафу, как сестренка шмыгнула под стол, потом прыгнула на диван, размахивая крепко зажатым пеналом. Валерка бросился на диван, дал сестре подножку, подмял ее под себя и начал вырывать покупку. Но Нина лупила его ногами и не разжимала рук. Захлебываясь, лаял Кутик. Дети катались по дивану, награждая друг друга тумаками.

Татьяна услышала шум и не успела еще сказать детям ни слова, как страшно завизжал щенок. Валерик даже побледнел.

— Ты отдавила Кутику ногу!

Он схватил щенка, положил на подушку и, сжав кулаки, начал наступать на сестру. В следующую минуту брат и сестра, вцепившись в волосы, таскали друг друга по комнате. Щенок спрыгнул с кровати и, припадая на больную ногу, с беспорядочным лаем носился вокруг детей.

— Перестаньте! Слышите, перестаньте! — пыталась образумить детей Татьяна.

В дверь постучали. Татьяна раздраженно крикнула:

— Войдите!

Тотчас дверь распахнулась, и тетя Нюра, улыбаясь, показала на рядом стоявшего Фролова:

— К тебе гости.

Фролов прошел в комнату. Посмотрел на Татьяну, на разбросанные в беспорядке вещи. Наконец увидел вцепившихся друг другу в волосы Валерку и Нину и с неподдельным восторгом воскликнул:

— Блестяще! Ну, блестяще!

Татьяна не шевелилась, словно на нее нашел столбняк. Она смотрела на Фролова и молчала; почему-то сейчас комната с разбросанными вещами показалась убогой, возбужденные, растрепанные дети — чужими. Не зная зачем, Татьяна сказала:

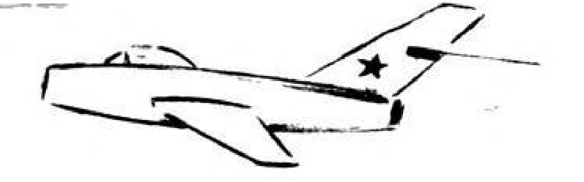
— Это я случайно зашла к соседям.

Фролов, казалось, и не слышал ее слов; он, не отрываясь, смотрел на щенка, на дерущихся ребят, топтался около Нины и подсказывал:

— Дай ему бокса, лупи руками!

Валерий наконец отпустил волосы сестренки, схватил щенка, ощупывая его больную ногу; щенок пытался вскарабкаться к нему на плечи, чувствуя себя тоже победителем. Запыхавшийся мальчик шептал ему:

— Мой хороший, зашибли тебя, ну я ей дал, будет знать!..

— Дур-р-рак! — крикнула Нина.— Ты сам на него наступил, а еще дерешься.— Но в это время увидела Фролова.— Мама,— спросила она,— что это за дядя?

Лицо Татьяны заалело.

Фролов посмотрел на нее и усмехнулся. Это была добродушная и понимающая усмешка, но Татьяне она показалась оскорбительной. Она набросилась на Фролова:

— Зачем вы пришли, как вы смели сюда придти?

Фролов невольно попятился к двери.

— Мне срочно надо было вас увидеть. Я звонил. Но к телефону никто не подошел. Я приехал к вам на работу. Курьер мне сказал, что обеденный перерыв, и дал ваш адрес.

Но Татьяна не могла и не хотела слушать Фролова.

— По какому праву вы пришли? Что вам у меня нужно? Немедленно уходите! Слышите, уходите, оставьте меня в покое!

Фролов опомнился уже на лестнице. Невнятно пробормотал какие-то извинения и сказал:

— Мне хотелось проститься с вами. Через два часа,— он посмотрел на часы,— нет, теперь уже через час мы улетаем. Я думал, вам интересно узнать, куда я исчез...— Помолчал и добавил глухо:— Улетаем очень далеко.

Татьяна не поняла тоски Фролова, прозвучавшей в последних словах, и так же грубо сказала:

— Какое мне дело, летайте где хотите, мне безразлично! Только оставьте меня в покое!

Ошеломленный, смущенный, расстроенный Фролов ушел. Татьяна даже не оглянулась и пошла к детям.

— Давай же скорей обед! — просил взволнованный Валерик, запихивая в портфель тетради и карандаши.— Я опаздываю.

— Обед тебе! — закричала Татьяна.— Время без пятнадцати, а тебе обед! Раньше набегаешься, подерешься, а мать поворачивайся с обедом. Даже портфель не собрал. Ничего, один день без обеда сходишь, меньше будешь драться!

— Ну и ладно! — обиделся Валерий.— Пойду без обеда.

Он схватил портфель, фуражку и выбежал. За ним смешно семенила Нина со свертком в руке и, оглядываясь на злую, незнакомую мать, просила:

— Братик, братик, завтрак возьми!

— Ничего, не умрет твой братик! — сказала Татьяна.

Она села на кровать, руки ее бессильно опустились.

— Боже мой, боже мой! — повторяла она, и плечи ее неудержимо тряслись.

Нина так и не догнала своего братика, положила сверток на стол, на цыпочках подошла к матери, обвила ее шею.

— Мамочка, о чем ты? Он не будет больше драться и хулиганить не будет, мы накажем его.

— Уйди ты от меня! — Татьяна оттолкнула изумленную девочку и громко зарыдала.— Жизнь уходит! — в каком-то отчаянии повторяла она.— Поймите, жизнь уходит! — Слезы душили ее, казалось, сердце не выдержит этого отчаяния, этих слез.

Кутик перестал лизать свое блюдце, виляя хвостом, подошел к Татьяне, поднял мордочку, прислушиваясь к непонятным звукам, и начал лизать ее руку. Нина привела тетю Нюру; она держалась рукой за ее передник и испуганно смотрела на мать.

Тетя Нюра молчала. Молча села на диван, прижала к себе Нину и гладила огрубевшей рукой белокурые волосы. Девочке показалось, что тетя Нюра прошептала:

— Сыны мои, а вы где лежите? Знаете ли вы, как рыдают ваши жены?..— Но когда девочка подняла голову и посмотрела, губы тети Нюры были плотно сжаты.

Стенные старинные часы громко пробили три. Нина увидела, как мать и тетя Нюра вздрогнули. Потом тетя Нюра сказала:

— Опоздаешь на работу.

Татьяна засуетилась, вытерла лицо полотенцем, подошла к зеркалу. Заплаканные глаза казались припухшими, влажные щеки — непривычно яркими. «Да, да, старею,— мысленно говорила Татьяна,— кожа на шее стала морщинистой, съеживается, а под подбородком уже чуть обвисает. Это старость, а я и не замечала. Как выросла Нина! Какие худенькие ножки! Тонкая, как тростинка. Валерка опять принес двойку, у Нины способности к рисованию, надо подумать о ней. Хватит цепляться за молодость, хватит выдумывать, все кончено. Снова жизнь по непонятной причине отняла то, что могло быть счастьем». Вслух Татьяна сказала:

— Парень ушел без обеда и утром плохо поел. Занесу завтрак в школу. Яичко сварить ему, что ли?

— Что там яичко! — Тетя Нюра поднялась с дивана.— Сама выпей хоть стакан чаю. А братику мы соберем, Нина и отнесет. Правда, доченька?

— Давайте, давайте, я отнесу,— охотно согласилась девочка.

И снова потекли однообразные, серые дни. Зима была холодная. Канал рано замерз. На льду, под горбатым мостиком, ребята устроили каток. С утра и до позднего вечера

там раздавались детские голоса и смех. Иногда, возвращаясь вечером домой, Татьяна сворачивала в сторону канала, смотрела на лед, на играющих детей, слушала их голоса и ни о чем не вспоминала. Только один раз, когда луна была такая яркая, что свет фонаря горбатого мостика казался лишним, Татьяна на секунду остановилась у перил мостика, и невольно у нее вырвалось:

— Нет, нет, не надо ни о чем жалеть, не надо вспоминать!

Высоко в небе прошел самолет. Татьяна долго наблюдала, как удаляются красные и зеленые огоньки. На мгновение тоска сжала сердце. Она прислушалась к голосам детей, играющих на льду, и пошла домой. И опять ночь она спала плохо.

Утром Татьяна получила письмо и посылку. Она долго рассматривала конверт, на котором вместо обратного адреса стоял только номер, а на марке — большой, незнакомый и необычный штамп. Валерке и Нине не терпелось узнать, что в посылке. Они даже перестали шевелиться и замерли, когда мать сняла крышку и вынула сначала две морские раковины, тщательно завернутые в вату, потом диковинную ветку с засохшими незнакомыми фруктами. Татьяна разрешила изумленным ребятам разбирать посылку дальше, а сама вскрыла конверт.

Письмо было от майора Фролова. Он просил извинить за посылку, но ему так хотелось, чтобы два маленьких драчуна посмотрели, какие диковинные вещи бывают на свете и на том острове, где сейчас он живет. В конце письма Фролов писал:

«Одно из трех — или мне очень понравился ваш город, или я хорошо помню тот вечер, после бала, когда мы познакомились. В чем дело, не знаю! А впрочем, виноваты, верно, во всем лебеди, плававшие ночью по каналу. А может быть, луна? Только у вас она так светит. Почему-то я на всю жизнь запомнил этих лебедей и какая была луна».

Уже после подписи майор спрашивал:

«А кто же все-таки тогда обидел Кутика? И кто его защищал? Во всяком случае, я очень люблю собак и особенно маленьких кутиков. Скоро окончится срок моей командировки, может быть, вы разрешите мне навестить вас? Город у вас очень красивый, и я хотел бы еще раз в нем побывать. Может быть, на мое счастье, стемнеет не так рано, и нам удастся все осмотреть!»

Татьяна читала письмо, и непрошенные слезы медленно катились по лицу, она не замечала их и не вытирала. Крупная слеза матери упала на руку Валерке, и он спросил:

— Почему ты плачешь, мама?

Татьяна посмотрела на сына веселыми, но полными слез глазами и сказала:

— Потому что я глупая.

Нина даже перестала чистить банан и опустила его на стол, но сразу опять схватила, прижав к себе. Валерий заметил ее движение и сердито сказал:

— Не прячь, никто отнимать не собирается, здесь всего послано поровну.

Успокоенная дружелюбным голосом брата, девочка спросила мать:

— А почему ты глупая?

Но Татьяна не ответила. Ей вдруг захотелось надеть платье, в котором она была в тот вечер, когда познакомилась с Фроловым.

Ландыш запылился и чуть съежился. Татьяна долго и тщательно сдувала пыль, выпрямляла каждый лепесток.

Нина переложила свои подарки в угол к куклам, вздохнула.

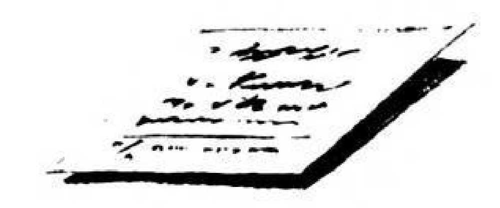
А Валерий долго и внимательно смотрел на мать и спросил:

— Куда это ты уходишь?

— Никуда.

— Не понимаю. Никуда не уходишь, а наряжаешься,— сердито заметил он.

— Я сама не понимаю,— засмеялась Татьяна, продолжая рассматривать себя в зеркало.

А. СОФРОНОВ

Фото автора.

Цветы Осака

Как ни странно, мы привыкли к влажной жаре, выматывающей за день так, что к вечеру едва добираешься до кровати, валишься и моментально засыпаешь. Научились есть палочками рис, пользуясь несложной формулой: если захочешь — овладеешь любым приспособлением для еды. И, наконец, мы привыкли к цветам. Не потому, что их много было вокруг, а потому, что, где бы мы ни были, нас засыпали нежнорозовыми, бледноголубыми, яркокрасными и жгуче-оранжевыми цветами. Так было в Токио, Нагасаки и Хиросиме. Так было и в Осака, куда приехали зарубежные делегаты из Нагасаки в один из душных вечеров. Мы были обрадованы тем, что поселили нас в отеле, в котором был кондиционированный воздух, а попросту — искусственная прохлада. На вокзале нас встретили представители общественных организаций Осака, города с четырехмиллионным населением, крупнейшего промышленного и торгового центра, с буйным, не прекращающимся до ночи темпом городской жизни.

Утром в вестибюле гостиницы, возле непрерывно вертящейся двери, мы увидели забавную картину. Высокий худой, как щепка, американец и маленький толстый японец кланялись друг другу, словно соревнуясь в том, кто ниже согнется.

— Значит, сделка еще не завершена, если американец так низко кланяется перед японцем. Когда все будет готово, нашему дельцу придется становиться на стул, чтобы дотянуться до уха этого бизнесмена, позвоночник которого в конце концов окажется негнущимся,— сказал наш знакомый журналист, понимающим взглядом смотря на эту сценку.

См. «Огонек» №№ 42, 43, 44.

У нас оказалось свободное от встреч время, и мы отправились путешествовать по городу. Был очень жаркий день. По улицам неслись трехколесные малолитражные грузовики, нагруженные доверху товарами, и трехколесные велосипеды с поднимающимися за спиной велосипедиста ящиками, свертками и тюками. На перекрестках, окруженных пестрыми рекламными плакатами, стоял рев автомобильных сирен, треск выхлопных труб, крик шоферов. К тротуарам пугливо жались маленькие сморщенные японки, подметающие улицы.

Мы зашли в крытые торговые ряды. Здесь оптовая торговля.

— Кто занимается мужскими носками — так только носками, кто женским нижним бельем — так только бельем,— говорит нам Вада.

Пояснения были полезны, но и так все было видно: кипы товаров лежали горами в магазинах, и продавцы не обращали особого внимания на людей, оказавшихся перед их лавками.

Осака, как и многие другие японские города, наполовину состоит из легких деревянных и фанерных построек. Во время войны от зажигательных американских бомб город сильно выгорел. Но сейчас следов разрушений и пожаров уже не заметно. На центральных торговых улицах, пострадавших во время войны, высятся солидные каменные здания банков и торговых контор.

О том, в каком положении находится трудовой люд в Осака, пожалуй, можно было заключить из разговора с одним адвокатом на обеде, устроенном в честь зарубежных делегатов.

Я спросил его:

— Много ли у вас дел?

— Больше, чем нужно.

— Значит, вы богатый человек?

Адвокат вывернул оба кармана:

— Безусловно, смотрите!

— Но у вас же большая клиентура?

— Да, клиентура есть. Только бедная. Мне приходится вести много дел против предпринимателей, эксплуатирующих и обманывающих рабочих. Таких дел не счесть... Я профсоюзный юрист... Пусть у вас не будет заблуждения по поводу моих доходов.

Вечером того же дня все делегаты отправились к одному из крупнейших в Японии спортивных бассейнов на митинг трудящихся Осака, посвященный итогам Нагасакской конференции. Было уже почти темно, когда наш автобус подъехал к бассейну. Толпа людей встретила нас и у входа. Но едва делегаты появились в зале, тысячи людей поднялись со своих мест, приветствуя гостей. Мелькали в воздухе разноцветные знамена, на которых виднелись белые голуби. И снова цветы... Сколько их было! Ими завалили длинный стол, за который уселись гости. Прямо перед нами через бассейн, дно которого выложено яркоголубым кафелем, был перекинут деревянный помост.

Речи чередовались с концертными выступлениями на помосте. Танцевали девушки из Окинавы. Хореографический номер был посвящен трагедии Хиросимы. Большой успех выпал на долю танцоров, исполнивших танцы из балета Чайковского «Щелкунчик». Во время одного из выступлений весь стадион грохнул смехом. Мы все недоуменно обратились к переводчикам:

— В чем дело?

— Нашлась девочка пяти лет. Мать или отца по радио просят зайти в контору бассейна.

И сразу стало как-то просто. Тысячи километров до Москвы, до стадиона «Динамо», а вот похоже...

Мы спросили профессора Ясуи, одного из организаторов конференции:

— Сколько тысяч присутствует на митинге?

— Более двадцати пяти тысяч.

Но вот кончен митинг. Тысячи людей окружают нас. И снова цветы. Рукопожатия. Десятки, сотни рук тянутся к нам. Мы уже в автобусе. Руки тянутся в окна. Автобус трогается. Мы кричим:

— Попадете под колеса! Осторожней!

Но нас не понимают, улыбаются и кричат на ломаном русском языке:

— Товариш!

— Товариш!

— Товариш!

Взволнованные всем пережитым, вернулись мы в гостиницу. Кто-то задумчиво произнес:

— А ведь нам говорили, что японцы плохо относятся к русским. Какая чепуха!

На другой день реакционные газеты сообщили: затея с митингом провалилась, в бассейне было не больше четырех тысяч человек. Наш неизменный друг и попутчик Вада, показывая газеты, говорил:

— Выпустили очередных уток, но на воду бассейна эти утки не сядут. У нас говорят, что лжец и в холодной воде сварится...

В старых столицах

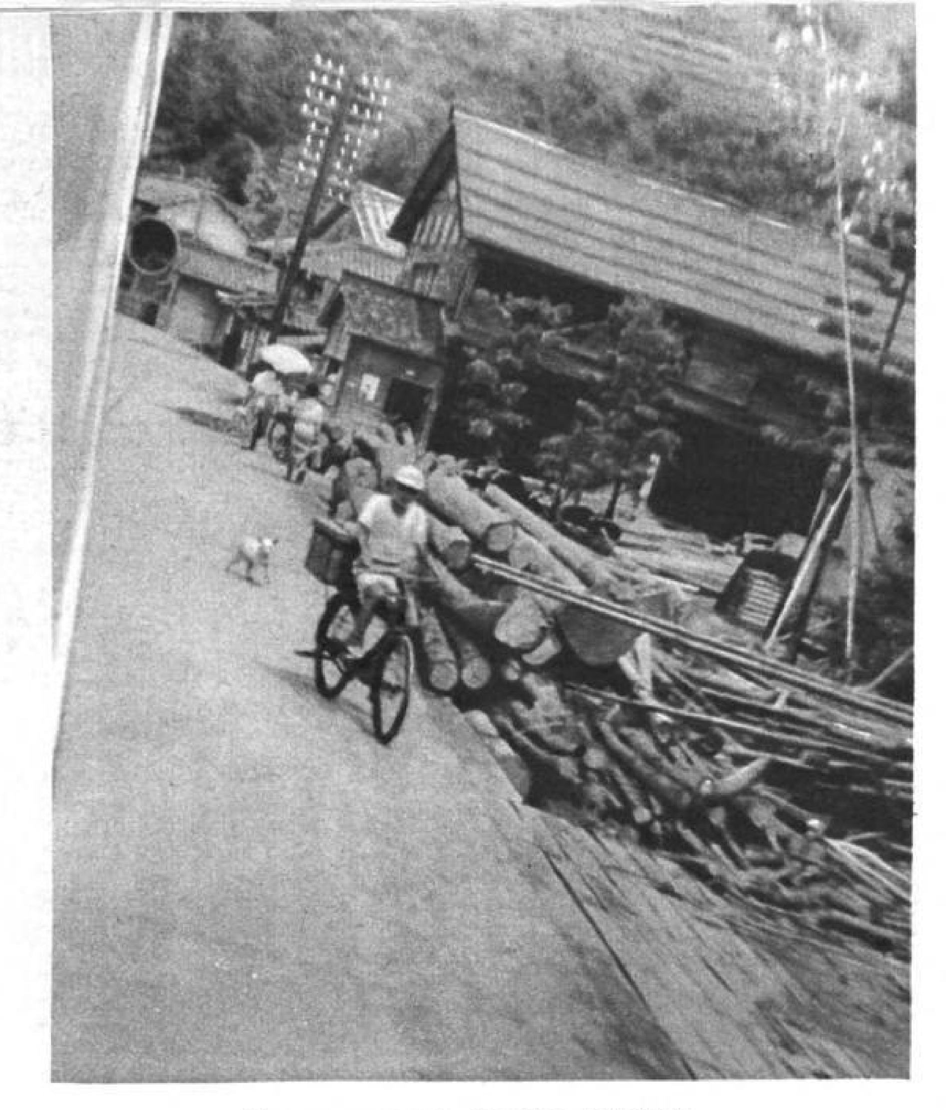
Осака расположен поблизости от двух бывших столиц Японии — городов Нара и Киото.

Организаторы конференции, проявлявшие исключительную заботу о гостях, решили показать нам эти города.

Снова было очень жарко. Но к зною мы уже относились спокойно. Кто-то даже сказал:

— Я думаю, что жара не так страшна. Смотрите, стоит дикий зной, а количество гостей не уменьшается...

Мы ехали по улицам Осака. Быстро промелькнул благоустроенный центр города, и потянулись маленькие домики, бакалейные и мануфактурные лавочки. Между ними, обычно на небольших возвышенностях, расположены буддийские храмы. У домов развевались на легком ветерке разноцветные ленты и бумажные цветы. В храмы шли чисто одетые люди.

Японская деревня (из окна автобуса).

У них торжественные лица. Оказывается, на эту неделю выпал один из буддийских праздников, по которому души мертвых приходят на свидание к живым. Неделю они находятся среди живых, а затем их отправляют обратно...

До древней столицы Нары всего километров пятьдесят. Автобус мчался по пыльной дороге, с двух сторон тянулись плотно приткнутые друг к другу домики. Давно остался позади город, пошли селения, а все не было видно полей. Только в одном месте, уже поблизости от Нары, показались зеленые склоны с виноградниками. Вада сказал:

— Сейчас здесь виноградники, а во время войны лозы были сняты и на этих склонах сеяли пшеницу: нам не хватало хлеба.

Нара славится парком, в котором бегают ручные пятнистые олени. Под широкими деревьями раздался зовущий звук трубы. И вдруг со всех сторон, легко перемахивая через изгороди, к трубачу понеслись грациозные лани. Они смело подходили к нам, совали шелковые мягкие мордочки в руки. Мы недоумевали: в чем дело? Друзья пришли на помощь. Здесь же на полянке стояла тонкая японка и продавала специально выпеченные, похожие на вафли мучные лепешки. Мы быстро освоили несложный процесс кормления, хотя опасливо посматривали на рога самцов, действовавших более энергично, чем самки.

Затем мы отправились в Тодайджи — храм, воздвигнутый в 752 году нашей эры, в ту пору, когда город Нара был столицей Японии. В главном здании храма находится Великое изображение Будды. Когда-то, около 1200 лет назад, император Сому, решивший создать буддийский рай на земле, построил этот храм. История рассказывает о том, что пожар дважды разрушал монументальное сооружение и оно сейчас почти наполовину меньше первоначального. Сама фигура, являющаяся одним из самых больших бронзовых изображений Будды в мире, несколько раз ремонтировалась.

Мы стояли около Будды и смотрели на колоссальное изваяние с узкими загадочными глазами. У подножия Будды, так же искусно сделанные из бронзы, возвышались цветы лотоса. Известно, что на Востоке лотос является символом мира. Известно также, по легендам и поверьям, что Будда считался и в древние времена и сейчас покровителем и защитником всех мирных начинаний. Под крышей храма ворковали голуби. У выхода работали ремесленники, предлагая купить за 1000 иен сувенир—небольшую, точно воспроизведенную из меди фигуру Будды. Мы посмотрели друг другу в глаза; видимо, никто из нас до конца жизни уже не станет буддистом, но привезти с собой этот сувенир, память о посещении древней столицы Японии, было очень заманчиво.

На улице, около храма, возле большого бассейна, стояли Изабелла Блюм и Моника Фелтон. Купив у продавщицы продолговатый батон белого хлеба, они задумчиво бросали куски в бассейн и смотрели, как в прозрачной воде шла веселая кутерьма. Большие золотые рыбки с ободранными боками сражались с черепахами, плывшими в воде с широко открытым ртом.

Но не все было так патриархально в древней столице. Когда мы, познакомившись с достопримечательностями города, ехали по тихим улицам на обед в «Нараотель», прямо перед окошками автобуса на целый квартал потянулся увитый колючей проволокой забор, за которым виднелись двухэтажные легкие деревянные домики.

— Что это?

Ответила одна из переводчиц:

— Здесь живут американцы. В Наре расположена одна из американских баз. Они предполагают сделать Нару местом отдыха для своих солдат и офицеров.

— Вашу древнюю столицу?

— Здесь тихо. Климат считается хорошим, более сухим, чем в других местах. Остальное их не касается. Что им стоит изуродовать нашу святыню? Но жители Нары ведут борьбу, они протестуют против насилия.

Покинув Нару, мы отправились в Киото. Было часа четыре дня, когда автобус, прогрохотав по улицам этой древней столицы, остановился около отеля. Навстречу гостям высыпали с цветами японские школьники.

К нам подошел Вада:

— Предлагаю вернуться в Осака с этим автобусом. Поездом мы приедем поздно вечером. Завтра вам рано вылетать в Коти.

Мы решили возвращаться автобусом, для того чтобы еще раз посмотреть вечернюю жизнь страны. Действительно, едешь—и словно открытую книгу читаешь. Стоит крестьянин в огороде, считает кочаны капусты. На берегу реки ребятишки удят рыбу. На воду ложатся первые розовые блики заката. Около домов на тротуаре девочки играют в мяч. Человек сидит на низенькой табуретке у дома и читает газету. Он кончил работу, устал, но хочет знать, что делается в мире. Он заплатил 50 иен и весь мир держит в руках. Велосипедист везет последнюю поклажу в этот день. Ноги его старательно нажимают на педали. Левой рукой он держит руль, а правой лезет в карман, достает монеты и пальцами пересчитывает их. Мимо проносятся автомобили, мигают глаза светофоров, но велосипедист едет невозмутимо, считая монеты. Человек хочет знать, сколько он заработал за этот день... Так мы и въехали в Осака в пустом автобусе. Выходя из машины, мы протянули шоферу деньги. Он отрицательно покачал головой.

— За обратный путь я не могу взять деньги.

— Почему?

— На обратный путь пассажиры не предполагались.

— Но мы же ехали!

— Вы мне оказали честь и, кроме того, доставили удовольствие сделать вам любезность.

На горизонте тайфун

Все-таки это огромное наслаждение — после целого дня путешествия в зное и духоте залезть в ванну, намылить пропотевшую и запыленную голову и сильной струей воды смывать с себя грязь и усталость. Но раздается тихий стук в дверь.

— Войдите.

В номер входят Вада и секретарь нашей делегации Сергей Харин.

— Собираетесь отдохнуть?

— Да.

Вада и Харин переглядываются. Харин разворачивает газету.

— Вот тут какая информация напечатана. В направлении острова Сикоку, туда, куда мы завтра должны лететь, идет большой тайфун.

— Но нам же всего час лететь!

— Все самолеты отменены. Если мы хотим поспеть, надо выезжать поездом в 9.30.

В девять часов вечера мы сошли вниз и сдали чемоданы на хранение. В Токио нам возвращаться через Осака. Но нашего старшего друга Изабеллы Блюм еще нет. Она еще собирает вещи. Нет и нашего милого, постоянно сопровождающего, приставленного к нам друзьями для охраны наших персон полицейского Ямумото. Воспользовавшись свободным вечером, он, не зная об отъезде, пошел постричься. Мы смотрим на часы: 9.15.

Вада говорит:

— До вокзала пять минут езды.

Появляется Ямумото, подстриженный, пахнущий одеколоном. Вихрем он взлетает в номер за чемоданом. В 9.20 вместе с переводчиком спускается Изабелла Блюм. У подъезда стоит одно такси. Других машин нет. Всемером втискиваемся в маленькую машину. В 9.25 мы у вокзала. Выскакиваем из машины.

— Чемоданы?!

Это голос Изабеллы Блюм. Переводчик забыл ее чемоданы в гостинице.

— Поезжайте, поезжайте,— говорит она,— в Коти ждут.

Со ступеньки на ступеньку бежим к перрону. Но Вада забыл, на каком пути стоит поезд. На ходу получаем справку. Бежим. Слышим свисток и прыгаем в вагон. За нами, легко вздрогнув, закрывается движимая пневматикой дверь. Вагон почти полон. Находим несколько мест в разных концах вагона. Рассматриваем, что представляет собой вагон второго класса. Жесткие, неудобные скамейки. Тускловатый свет. Пассажиры устраиваются, кто как может. Мой сосед, сидящий у окна, вытащил надувную подушку, приложил ее к стене вагона и закрыл глаза. Поезд останавливается очень часто. Вагон все больше наполняется. Мест на скамейках нет. Тот, кто пришел позже, садится на пол, посреди прохода, достает из кармана книжку и читает.

Вада выходит из вагона и возвращается с маленькими бутылочками, в них теплое кофе.

Дремлется, но голову прислонить некуда. За окнами темь с расплывающимися в ночном тумане желтыми шарами фонарей. Так едем около пяти часов. Качает вагон, качаются дремлющие пассажиры. В третьем часу ночи поезд останавливается на станции Уно, расположенной на берегу внутреннего Японского моря. Здесь пересадка на пароход, все пассажиры срываются с мест и буквально бегом устремляются в бетонный туннель. Здесь только и видишь всю эту людскую массу, нагруженную сумками, корзинками, свертками. Много женщин с маленькими детьми. Вот одна из них торопится, держа в одной руке несколько сумок, в другой — дремлющего малыша, а рядом, с трудом шагая со ступеньки на ступеньку, идет еще малыш. Их обгоняют, подталкивают. У женщины сосредоточенно-испуганное выражение лица, она все время оглядывается и что-то говорит малышу. Харин подхватывает его на руки, и успокоенная женщина прибавляет шаг.

На пароходе тоже тесно. Занимаем место около левого борта с подветренной стороны. Море плещет, волны бьют в корабельную обшивку, гудит ветер, лишь отчасти побеждая духоту. Пароход отчаливает. Пассажиры успокаи-

ваются, дремота постепенно сковывает всех. Напротив нас сидит седоватый японец в простом поношенном костюме и пьет пиво. Он прислушивается к нашему ленивому разговору. Потом спрашивает:

— Русские?

— Угадали. А вы кто?

Собеседник усмехается:

— Лесопромышленник. Торговец.

— С кем же вы торгуете?

— С Южной Америкой... Продаю лес и в Нью-Йорк.

— Лес свой, японский?

— Нет, покупаю на Филиппинах, в Маниле.— Он подает нам свою визитную карточку.— Импортер Ихицаемон Васикава, живу в Осака. Там моя фабрика, перерабатываю лес.

— А с нами хотели бы торговать?

— О, еще бы! Мы страдаем от того, что до сих пор нет дипломатических и торговых отношений. Мы ведь соседи...

— Надеемся, скоро такие отношения будут.

— Скорее бы... Скажите, а куда обращаться с предложениями?

Пароход замедляет движение. Гремят трапы. Пассажиры устремляются в новый туннель, чтобы занять в поезде места получше. Идет мелкий дождь. Ветер сечет лицо. Этот вагон похуже предыдущего. Закрываются не все окна. По вагону гуляет сквозняк. Поезд трогается. Не успев рассмотреть соседей, мы засыпаем.

Персики доктора Сакамото

Сколько времени мы ехали в таком дремотном состоянии, трудно сказать. Проснулись на одной из маленьких станций оттого, что нас кто-то спрашивал.

— Они здесь, на первых скамьях,— простуженным голосом ответил проводник...

В вагон вошел человек в черном костюме, с аккуратно повязанным галстуком. Вада воскликнул:

— Господин Сакамото! — И, обращаясь ко всем нам, добавил: — Член японского парламента доктор Сакамото.

Протирая заспанные, покрасневшие глаза, мы пожимали руку доктору, приехавшему на эту станцию, чтобы встретить нас.

— Извините за тайфун,— сказал, улыбаясь, доктор,— пытались предотвратить, не сумели.

Поезд тронулся. За окном, сквозь завесу дождя и ветра, пробивался серый рассвет. Ветер ломал деревья, швырялся охапками веток, с двух сторон поднимались мрачные горы. На одной из станций поезд надолго застрял. Начавшийся было разговор между членом нашей делегации доктором Владимиром Ермаковым и доктором Сакамото о методах лечения туберкулеза прервался. Сакамото вышел из вагона и вернулся не скоро. В руках он нес небольшой открытый ящик, в котором лежали персики.

— Вынужден вас огорчить. Мы остановились на выходе из ущелья. Это станция Ава-Кавагучи. Можете убедиться по вывеске. Нас не выпускают: боятся, что тайфун может сдуть поезд на одном из мостов через реку. Эту дорогу называют бетонной трубой. Здесь поезда проходят около ста туннелей, но между туннелями есть просветы и мосты. Поэтому мы пока будем сидеть и есть вот эти персики.— И Сакамото поставил перед нами ящик.— Персики хороши во всех случаях жизни. Вам хочется спать? Отлично. Съешьте несколько персиков и сон снимет с вас как рукой Попробуйте.

Персики оказались действительно замечательными. Замечу, что, пожалуй, самый вкусный плод в Японии — персики, хотя почему-то принято считать, что Япония славится вишнями. И когда кто-то из нас сказал одному из собеседников о том, насколько чудесны японские вишни, собеседник скромно кашлянул и заметил:

— Да, они действительно замечательны. Мы настолько любим их розовато-белый, удивительно нежный цвет, что не можем разрешить себе воздавать им хвалу за питательные качества.

Фраза была несколько туманна, только позже мы выяснили, что вишни в Японии действительно почти не идут в пищу. Мы съели по одному персику, по другому... Поезд стоял на месте. Сакамото угощал персиками всех пассажиров вагона.

— Очень помогает,— говорил он каждому.

Заметив, что я часто прикладываю руку к уху (ухо начало болеть от сквозняков), Сакамото сказал:

— Съешьте еще один. Если не поможет, в Коти я вам дам лекарство: от двух пилюль боль исчезает.

А поезд все стоял. Мы устали сидеть и вышли на маленький перрон, под навес деревянного здания станции. Внизу, в ущелье, яростно ревела косматая река. Над ней висела серая пелена дождя, сливаясь с каменной скалой. Картина была мрачная, мы вернулись в вагон. Но Сакамото не сиделось. Он опять исчез. Вернулся он такой же веселый, но сквозь шутливый тон чувствовалась тревога.

— Ничего, нас обождут. Мы опаздываем всего на 3 часа. Митинг по итогам Нагасакской конференции был назначен на 12 часов. Перенесут,— говорил доктор.

И вдруг поезд пошел. Миновал одну станцию, другую. Пересек ажурный мост, под которым билась о камни река. Замелькали туннели. Персики были съедены, и мы немедленно заснули все, включая и доктора Сакамото.

Проснулись мы от теплого лучика, проникшего в вагон. Было уже около 12 часов. Справа неслась широко разлившаяся пепельно-желтая река. Обломки досок, бревен кружились в водоворотах, поднимались словно для прыжка перед камнями. На берегах реки в темных плащах и широких шляпах, с длинным шестом, на конце которого прикреплена сетка, стояли крестьяне, выхватывая из бурного потока рыбу. Когда река уходила в сторону, под окнами появлялись затопленные рисовые поля с выдернутыми ураганом посевами. Среди них виднелись согнувшиеся фигуры крестьян, руками шаривших под водой. Они иногда выпрямлялись, доставали разбитые дождем и ветром злаки и пристально смотрели на них.

На одной из маленьких станций стояли люди с плакатами.

— Это вас встречают,— сказал Сакамото.— Выйдемте.

Мы вышли на перрон. Пожилой японец, державший на руке петуха с невероятным, не меньше пяти метров, хвостом, сказал:

Рисовые поля.

— Здравствуйте, советские люди!

Мы ответили сердечным приветствием.

Нас заинтересовал петух.

— А почему его принесли?

Сакамото, видимо, ожидал этого вопроса.

— Чтобы сделать вам приятное и чем-нибудь удивить вас.

Поезд медленно застучал колесами...

Вот и Коти!

На перроне, кроме начальника станции в фуражке с красным верхом, никого не было.

— У нас одна просьба,— сказали мы доктору,— помыться и один час поспать.

— Да, да,— ответил Сакамото, загадочно улыбаясь.

Мы пересекли небольшой зал станции, вышли на другую сторону вокзала и застыли от удивления. Прямо перед нами стояло несколько сотен людей со знаменами и плакатами. И вдруг в воздухе послышалась знакомая мелодия. Только слова были незнакомы. Да это же Гимн Советского Союза! Только поют его на японском языке.

Горячие приветствия. Цветы. Солнце то появлялось, то исчезало в разорванных тучах. В лучах отражались яркие здания, небольшие магазины. Мы ехали по улицам города в гостиницу, а метрах в двухстах впереди, с другой автомашины, через микрофон в воздух неслись слова, сообщавшие жителям города о приезде советских делегатов и о том, что вечером в спортивном бассейне состоится митинг.

Через двадцать минут мы были в здании театра. Там собралось более полутора тысяч человек. Едва председатель Комитета борьбы за запрещение атомного и водородного оружия, 76-летний старец Онси, подошел к трибуне, как участники митинга выпустили голубей. Все поднялись почтить память погибших в Хиросиме и Нагасаки молчанием. Слышно было только воркование голубей под крышей театра.

Онси говорил:

— Главный вопрос современности — запрещение атомного и водородного оружия. Советский парламент поддержал обращение японского парламента и обратился к парламентам Англии и Соединенных Штатов Америки с предложением заключить соглашение о запрещении производства атомного оружия и его испытаний. Это благородный акт. Мы должны объединить наши усилия.

Митинг шел горячо. Из зрительного зала непрерывно сыпались вопросы в президиум.

Единодушно была принята резолюция, поддерживающая решения Нагасакской конференции.

После митинга к нам подошел мэр города Масуми Монзубуси:

— Просим вас принять участие в небольшом приеме в честь советской делегации. Это будет рядом, в помещении школы.

Мы пришли в школу.

— Нам придется обождать немного... Последние приготовления,— сказал мэр, когда мы оказались в кабинете директора школы.— Здесь просят повидаться с вами бывшие военнопленные.

— Какие военнопленные?

— Ваши... Одним словом, японские солдаты, находившиеся у вас в плену.

— Что же, мы рады их видеть!

В комнату вошли несколько крепких, широкоплечих, загорелых мужчин и направились к нам.

— Здравствуйте! — сказали они

Город Осака. Тайфун прошел.

почти хором по-русски чисто и протянули нам руки.

Мы поднялись с кресел.

— Очень хорошо, что вы к нам приехали. Нам хотелось пожать вам руки и еще раз поблагодарить вас за доброе отношение к японским военнопленным,— говорил один, все время улыбающийся человек.— Я был недалеко от Ташкента...

— А я около Читы,— добавил другой.

— А я у Хабаровска,— дополнил третий, тоже широко улыбаясь.— Мы благодарим вас не за то, что вы нас в плен взяли, а за то, что к нам хорошо относились. Мы видели, вашим людям самим многого не хватало, а нас кормили и относились к нам хорошо.

— Примите от нас маленькие подарки, мы сами это сделали,— сказал снова первый и протянул картонные коробки, в которых оказались деревянные, ярко разрисованные, похожие на наших матрешек куклы.

— Нам бы очень хотелось еще побывать у вас,— сказал высокий.

— Приезжайте, только как гости.

— Очень бы хотелось... Я уже русский язык стал забывать.

— Мы за то, чтобы изучение языков шло в более удобной обстановке, чем плен.

Японцы засмеялись:

— О, да! Мы тоже за это.

Они направились к двери. Но вдруг один из них вернулся.

— Товарищи,— сказал он,— не смогли бы вы передать посылочку, подарок майору Петрову?

— А где он?

— Это мне сейчас трудно сказать.

Когда все уселись за длинные столы, в большом школьном зале вспыхнула песня. Это была, конечно... «Катюша». Мы так вновь привыкли к ней за время пребывания в Японии, что даже не удивились тому, что она добралась до острова Сикоку.

Масуми Монзубуси провозгласил тост:

— За мир, за дружбу между советским и японским народами!

Мы выпили по небольшой рюмке темнокрасного японского вина с привкусом вишневых косточек.

Поднялась седая женщина:

— У меня сегодня большая радость. Мне семьдесят лет, а я впервые вижу в жизни советских людей. К сожалению, американцев мы видим слишком часто, а вот советских впервые.

— У нас разный образ жизни, разные системы, но я думаю, что нам бы не плохо встречаться чаще. Я крестьянин, и мне было бы интересно знать, как ведут сельское хозяйство советские крестьяне,— сказал маленький худой человек.

И снова нас окружили бывшие военнопленные. Один из них настойчиво спрашивал:

— В Советском Союзе я научился мичуринскому садоводству... Скажите, на Всемирный фестиваль молодежи летом 1957 года мичуринцев будут включать в делегации для поездки в Москву?

...Вечером состоялся пятитысячный митинг жителей Коти. Так же, как в Осака, через бассейн был перекинут деревянный помост. Над трибунами развевались флаги Японии, Советского Союза и Бельгии. Перед выступлениями Ермакова и Изабеллы Блюм (она приехала в Коти к вечеру) оркестр сыграл гимны Советского Союза и Бельгии. С огромным удовольствием мы посмотрели японский танец «наруко». Участвовало в нем около двухсот ребятишек и несколько взрослых, одетых в голубые костюмы. У всех в руках были красные и синие трещотки. Содержание танца очень несложно: дети отгоняют трещотками воробьев во время уборки урожая риса. По три человека в ряд шли они друг за другом вокруг бассейна, делая одновременно одни и те же движения, гремя в такт танцу трещотками. Впечатление это производило большое. Среди ребятишек были совсем малыши, но и они выполняли движения удивительно четко и ритмично. Не менее получаса продолжался танец, но когда он кончился, мы почувствовали досаду: так быстро!

Так завершился этот день на острове Сикоку.

Доктор Сакамото подвез нас к маленькому, совсем по-домашнему устроенному отелю.

— Вы не очень меня браните за то, что вам не пришлось днем отдохнуть? — спросил он.

Мы недоуменно посмотрели на него. Ах, да, действительно! Мы ведь собирались после поезда часок отдохнуть...

Тайфун прошел...

Яркое солнце брызнуло рано утром в окно. Я открыл глаза. Да, мы в Коти. Сразу вспомнился вчерашний день — день памятный! Вот, оказывается, как много у нас друзей и в Японии! Столько лет отчуждения, бессовестной клеветы на нашу страну в реакционной печати! А люди тянутся к нам. А бывшие военнопленные? Откровенно говоря, самое большее, чего мы ждали,— вежливое приветствие. А здесь? Как глубоко семена дружбы и доверия проникли в души этих людей! Нам рассказывали о том, что, когда в Японию возвращались пароходы с репатриированными пленными из Советского Союза, реакционные газеты посылали соответствующих журналистов для подготовки «сенсационных материалов». Но партия появлялась за партией, а сенсаций не было: возвращающиеся вспоминали добром советских людей... Невольно я подумал о неизвестном мне майоре Петрове, обладавшем чутким русским сердцем. Вот где у него друзья оказались — на острове Сикоку!

Зеленый двор гостиницы заполнили машины. Нас приехали провожать. Доктор Сакамото спросил:

— Выспались?

Караван машин отправился на аэродром. Тайфун прошел. Ветер утих. В небе не было ни облачка. Снова так же, как и накануне, впереди нас ехала открытая машина. Красное и зеленое знамена развевались на ней. Голос неизвестного нам друга говорил в микрофон:

— Мы провожаем наших гостей из Советского Союза и Бельгии. Провожаем наших гостей...

Из маленьких лавочек выходили люди и махали руками. Ремесленники разгибались над верстаками. Велосипедист отрывал руку от руля. Пассажиры трамваев выглядывали в окна и улыбались нам.

Мы видели город в труде. Нагруженные автомашины и велосипеды. Слышался звон металла в маленьких мастерских.

— Мы провожаем наших гостей...

Машины вынеслись за пределы Коти. Потянулись крестьянские поля. Здесь было заметно, что прошел тайфун. Так же, как и накануне, крестьяне, согнувшись, шарили под водой, собирая пучки риса.

— Мы провожаем...

И разгибаются спины, из-под широкой шляпы нас провожают улыбкой морщинистые лица, поднимаются натруженные руки. Да что ж это за сила такая заставляет поднимать в приветственном взмахе руки для проводов неизвестных им людей?

Около получаса длилась эта дорога.

Аэродром в Коти чрезвычайно прост. Маленький деревянный домик, ровное поле — и все. В поле нас встречали юноши и девушки в синих маленьких панамках. Неподалеку от аэродрома убирали рис крестьяне. Мы подошли к ним. Вся семья крестьянина Окамине Кенити работала здесь. Мы разговорились. Семья живет поблизости. Работать надо всем. Старая женщина, видимо, мать Окамине, в корзинке оттаскивала солому от машины в сторону.

Мы попрощались с крестьянами. Попрощались с чудесной молодежью с острова Сикоку. Самолет взял курс на Осака. Остались позади синие горы, желтовато-зеленые крестьянские поля.

В маленьком здании аэродрома Осака, расположенном рядом с большими служебными зданиями, над которыми развевался большой американский флаг, несколько часов ждали самолета на Токио. В залике стояли скамейки и кресла. Перед ними — телевизор. Пассажиры смотрели последние выпуски кинохроники. На экране телевизора замелькали разрушенные здания и набережные, сломанные деревья и поваленные телеграфные столбы. Кинопленка запечатлела прошедший вчера тайфун. Газета сообщала о том, что 22 человека было убито, 40 пропало без вести, 137 ранено. От тайфуна пострадало более 3 тысяч домов и около 500 судов. Тайфун разрушил связь и нанес большой ущерб на Кюсю.

Газеты сообщали о том, что тайфун обрушился мощными ветрами и проливными дождями на теперь уже знакомый нам остров Сикоку и что там также погибли люди и были разрушены здания. Недалеко от острова Кюсю потерпел крушение шведский танкер, а в гавани Кагосимо затонула землечерпалка. У острова Содосима затонуло рыболовное судно «Могами мару»...

Скоро самолет поднялся над аэродромом. Молча мы сидели в креслах, обдумывая события двух прошедших дней.

Минут через сорок ко мне подошел Ямумото и, указывая в окно, сказал:

— Фудзи, Фудзи.

В первый момент я не понял его. Но, взглянув в окно, увидел высокую темносерую, почти черную гору со срезанной верхушкой.

— Фудзияма! — сказал я.

Ямумото утвердительно закивал головой.

Мы приближались к Токио.

Жители города Коти встречают советскую делегацию.

ПАХОТА.

Мастера румынской живописи

Ион Андрееску

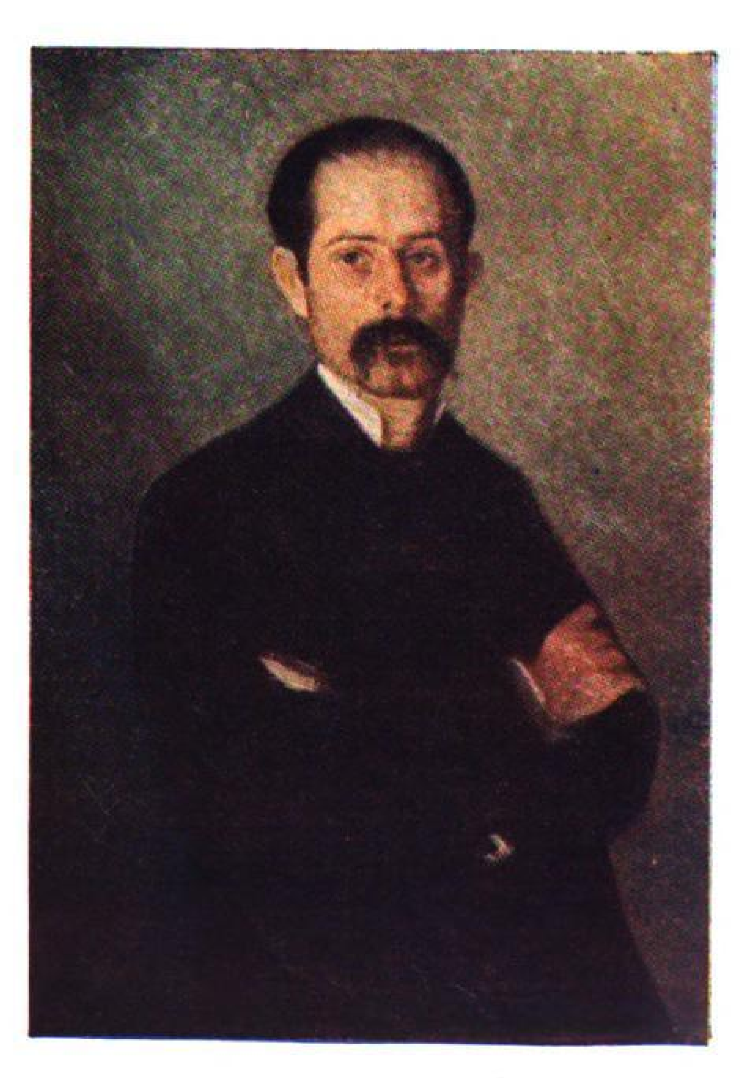
1850—1882

Несмотря на то, что художник Ион Андрееску ушел из жизни в возрасте 32 лет, его произведения, созданные за краткий, девятилетний, период, ставят его среди наиболее выдающихся представителей румынской живописи. Специальное образование Андрееску получил в бухарестской Школе изящных искусств, где был учеником Теодора Амана. Творческая деятельность художника начинается только с 1873 года, когда он знакомится с произведениями Н. Григореску, определившими решительный поворот в его жизни и побудившими Андрееску продолжать путь, по которому шел его великий предшественник.

С трудом достав средства на поездку, Ион Андрееску выезжает во Францию для завершения художественного образования. Его больше всего привлекает живопись под открытым небом, которой занималась группа художников в Барбизоне.

Пейзажи, составляющие главное в творчестве Андрееску, свидетельствуют о большой любви художника к природе. Он ищет в природе не только ее чисто живописную сторону, но стремится передать ее величие и силу.

Тесная связь художника с народом, глубокое сочувствие угнетенным придают жанровым полотнам Иона Андрееску ярко выраженный демократический характер.

АВТОПОРТРЕТ.

ЗИМА В БАРБИЗОНЕ.

КУРЫ.

„В СТРАНУ БУДУЩЕГО"

Записки Фритиофа Нансена о Сибири

Петр НИКИТИН

...Если по дороге к городу Драммен, на западной окраине столицы Норвегии — Осло, свернуть влево, то перед вашим взором откроются красоты полуострова Бюкдой.

Этот полуостров известен своим музеем острогрудых кораблей викингов, на которых они совершали дальние походы и, как гласит предание, достигали берегов Америки, открыв ее на пятьсот лет раньше Колумба; он знаменит плотом «Кон-Тики» из бальзового дерева,— на нем ученый Тур Хейердал в 1947 году пересек Тихий океан; наконец, полуостров Бюкдой известен всему миру кораблем «Фрам», стоящим на вечном приколе в большом бетонированном здании как немое свидетельство смелости, отваги и мужества первых полярных исследователей и неутомимых открывателей новых земель.

Корабль «Фрам» в свое время был далеко на севере и юге; он бороздил воды многих морей и океанов. Мы ходим по палубе, спускаемся в кубрик, в кают-компанию, где Фритиоф Нансен не раз собирался с Свердрупом, Иогансеном и другими своими спутниками. На корабле все осталось так, как было при Фритиофе Нансене: тут и навигационные приборы, и оборудование, с которым исследователи арктических пустынь отправлялись к Северному полюсу, и карты многочисленных путешествий Фритиофа Нансена.

Это был неутомимый, пытливый исследователь. В 1888 году с пятью товарищами он пересекает Гренландию; о путешествии была написана книга «На лыжах через Гренландию», в которой дано ценное описание материковых льдов. В 1893 году Нансен предпринимает знаменитое путешествие на «Фраме» к Северному полюсу; отчеты о путешествии «Среди льдов и во мраке полярной ночи» были опубликованы на нескольких языках. В 1913 году он отправляется от берегов родной Норвегии на «Корректе», проходит Карское море, поднимается вверх по Енисею и, покинув корабль, путешествует по Сибири, пересекая ее в двух направлениях.

Свои впечатления о России Фритиоф Нансен подробно изложил в книге «В страну будущего»; она была издана в Норвегии в 1914 году, вышла на русском языке в 1915 году и, к сожалению, до сих пор не переиздавалась.

В дикой и глухой, в те времена отрезанной от внешнего мира Дудинке Нансен впервые познакомился с жизнью и бытом сибирского селения. И он очень удивился тому, что и сюда, на берега Енисея, проникли прогрессивные идеи, волновавшие общественность его родины: «Я был немало поражен, взяв в руки пачку папирос в темной коричневой обертке: на ней была вытиснена белым прелестная женская головка и крупная надпись: «Нòра».

Надо же было, чтобы моей первой покупкой в Сибири явились именно эти папиросы и чтобы они напомнили мне об Ибсене!.. Стало быть, Ибсен и женский вопрос пользовались здесь такой популярностью, что коммерсанты нашли выгодным пустить в продажу папиросы с именем ибсеновской героини».

Полярного исследователя повсюду окружала приветливость и гостеприимство населения; он не раз вспоминает об этом в своих записках: «Как это ни странно, в Сибири люди одинаково приветливы и ночью и днем. Когда бы их ни разбудили, они одинаково радушно встречали нас и приглашали войти, и лошадей можно было получить во всякое время дня и ночи... Невольно вспоминалось, как трудно в Норвегии достать лошадей ночью. Как часто встречал я кислые мины, когда спешил куда-нибудь и должен был нанимать себе лошадей ночью; между тем в Норвегии ночная езда далеко не представляет тех затруднений и опасностей, какие могут встретиться на здешних сибирских дорогах, где бродит столько ненадежного люда».

Описывая богатые рыбой многоводные реки, могучую непроходимую тайгу, широкие плодородные долины, ждущие плуга земледельца, рассказывая о несметных богатствах земли сибирской, Нансен пророчески замечает: «Но настанет время — она проснется, проявятся скрытые силы, и мы услышим новое слово и от Сибири; у нее есть свое будущее, в этом не может быть никакого сомнения».

Ученый был пытливым наблюдателем, человеколюбцем, гуманистом. Старшина Лебяжьего острова Ябтунг Алио пожаловался Нансену на высокие размеры податей, взамен которых местное население решительно ничего не получает от казны. И, воспроизводя свои беседы с местными коренными жителями, Нансен с горечью замечает: «Да и что, собственно говоря, могут получить эти кочевники? Они лишены образования, школ, духовенства, учителей, дорог и каких-либо средств сообщения, если не считать пароходства вниз и вверх по реке. Но оно только открывает сюда доступ купцам, зашибающим здесь хорошие барыши и способствующим общему обеднению края путем скупки у местного населения мехов и развитию в последнем чуждых ему прежде жизненных потребностей, без которых оно прекрасно умело обходиться. Стоит ли говорить, что эти же купцы снабжают население водкой?.. На долю этих инородцев выпала вообще только первая порция цивилизации — подати и расходы; дальше этого заботы о них пока не пошли».

Но внимание путешественника привлекли и другие люди, населяющие этот край. У Сопочной Карги, на берегах Енисея, ученый встретил, как он пишет, фабричного из Харьковской губернии. Нансен так рисует его портрет: «здоровый парень, ростом выше шести футов, с мужественным лицом, светлыми усами и синими глазами, которые умели смотреть и остро и мягко, и дерзко и мечтательно; к этому надо прибавить хорошо очерченный подбородок и энергичный нос. На вид ему было тридцать с небольшим».

Ученого поразила сила воли ссыльного, потерявшего семью, преследуемого самодержавием, человека, у которого, как казалось Нансену, не осталось никаких радостей в жизни. «Правил лодкой великан-рабочий, и я невольно опять загляделся на него. Он сидел на корме и орудовал рулевым веслом, такой могучий, спокойный и зоркий. Что привязывало его теперь к жизни и придавало ей ценность в его глазах? Быть может, одиночество, которое он полюбил тут? Или его синие мечтательные глаза прозревали что-нибудь в далеком будущем?»

Так описывает Нансен свою встречу с русским рабочим, будущим хозяином новой России.

Под впечатлением сибирских встреч великий гуманист и полярный исследователь и предпослал своим запискам о Сибири заголовок «В страну будущего». В предисловии к русскому изданию книги он писал: «Каков будет исход нынешней великой войны, никому из нас не дано предвидеть. Она может привести к полной переоценке жизненных ценностей и принудить старую Европу к составлению нового баланса, о котором мы пока еще не имеем понятия. Но одно мы знаем: громадные леса Сибири, безграничная тайга с могучими реками и волнистыми степными пространствами, лежащие в стороне от шума битв, по-прежнему ждут людей... Таким образом, то, на что я указываю в своих описаниях, вероятно, сохранит свое значение для будущего».

Великий путешественник не дожил до наших дней, когда советские люди по-хозяйски осваивают богатства Сибири, строят новые города и заводы, возводят на многоводных реках гидроэлектростанции, поднимают миллионы гектаров целинных земель, смело преобразуют суровую природу, украшая трудом своим жизнь в этих краях.

Он не узнал бы ни берегов Енисея, по которым шумят новые стройки, ни людей, воспитанных Коммунистической партией; он не узнал бы этого края, записки о котором он полвека тому назад закончил проникновенными словами: «Я полюбил эту огромную страну...»

Что еще рассказать о мыслях, навеянных посещением полуострова Бюкдой в столице Норвегии Осло? Что еще поведать о великом норвежце, сыне мужественного народа мореплавателей, рыбаков, исследователей?

В память о путешествии ученого по просторам Сибири в Приамурье, около Буреи, именем Нансена была названа станция строившейся тогда железной дороги.

В двадцатых годах нашего столетия, когда первая в мире республика рабочих и крестьян отвоевывала право на существование, москвичи избрали Фритиофа Нансена почетным членом Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Путешествие Ф. Нансена в «Страну будущего» — так назвал великий норвежец сибирские просторы — навевает и другие мысли.

Почему бы кому-либо из писателей не отправиться по маршруту Ф. Нансена, чтобы побывать в местах, которые он посещал, и рассказать в очерках о том, что произошло за сорок лет советской власти в Сибири.

ВТОРОЙ РЕЙС В АНТАРКТИДУ

Фото автора.

Е. РЯБЧИКОВ

В 0 часов 0 минут 0 секунд 1 июля 1957 года начнется Международный геофизический год. Ученые многих стран приступят к всесторонним исследованиям земного шара: его материков и островов, морей и океанов, подводных глубин и атмосферы. Особое внимание будет уделено изучению шестого континента — далекой, скрытой подо льдами Антарктиды — «кухни погоды», оказывающей влияние на циркуляцию атмосферы и водообмен мирового океана.

Вездеходы идут вглубь материка.

Чтобы успешно провести наблюдения в Антарктиде, нужно было заблаговременно создать на ее берегу городок науки, обжиться в нем, провести аэрофотосъемку местности, подготовить карты района. С этой целью Академия наук СССР и Главное управление Северного морского пути Министерства морского флота СССР направили в 1955 году за моря и океаны первую комплексную Антарктическую экспедицию под руководством Героя Советского Союза М. М. Сомова.

В такую же ненастную, осеннюю пору, как сейчас, год назад один за другим покинули Балтику три советских экспедиционных корабля: дизельэлектроходы «Обь» и «Лена» и вспомогательное судно — рефрижератор № 7.

Преодолевая неслыханные трудности, отражая удары неистовых бурь и злой океанской зыби, в трудных природных условиях советские люди выбрали место для разгрузки судов, доставили из трюмов на берег все, что дала Родина для сооружения Мирного, и построили южно-полярную обсерваторию. На берегу Правды вырос городок науки. От сопки Комсомольской к скале Радио протянулась улица Ленина, заработал мощный радиоцентр, в домах, мастерских, складах, на аэродроме зажглись электрические огни. Накануне открытия XX съезда КПСС над Мирным в торжественной обстановке взвился Государственный флаг Страны Советов. Мирный стал форпостом науки в Южном полушарии.

После того, как «Лена» последней покинула Мирный, в Антарктиде осталось 92 советских зимовщика. Им пришлось перенести суровую, полную бурь и ураганов, жестоких морозов полярную ночь. В лабораториях кипела работа. Аэрометеорологический отряд, руководимый Г. М. Таубером, занялся исследованием верхних слоев атмосферы: с площадки поднимались в стратосферу радиозонды, и весь их путь прослеживали операторы радиолокационной станции. Самопишущие приборы вели молчаливый рассказ о ветрах и температуре воздуха, о его влажности, о резких и неожиданных колебаниях атмосферного давления. Вели наблюдения магнитологи, геологи, сейсмологи, геофизики, астрономы.

Метеоролог, кандидат географических наук Н. Русин сообщил, что в районе Мирного на каждый квадратный сантиметр горизонтальной поверхности поступает в январе 16 тысяч калорий тепла — почти на 15 процентов больше, чем в июле под Ленинградом, и лишь на 15 процентов меньше, чем на хлопковых полях под Ташкентом. За все антарктическое лето, подсчитал Н. Русин, с декабря по февраль, на каждый квадратный сантиметр поступало 40 тысяч калорий, примерно столько же, сколько у берегов Цимлянского моря. Антарктическое солнце давно растопило бы толщу ледников шестого континента, если бы Антарктида хранила, берегла тепло, поступающее из мирового пространства. Но она беззаботно возвращает его обратно: до зеркального блеска отполированные ледники отражают летом более 75 процентов солнечных лучей.

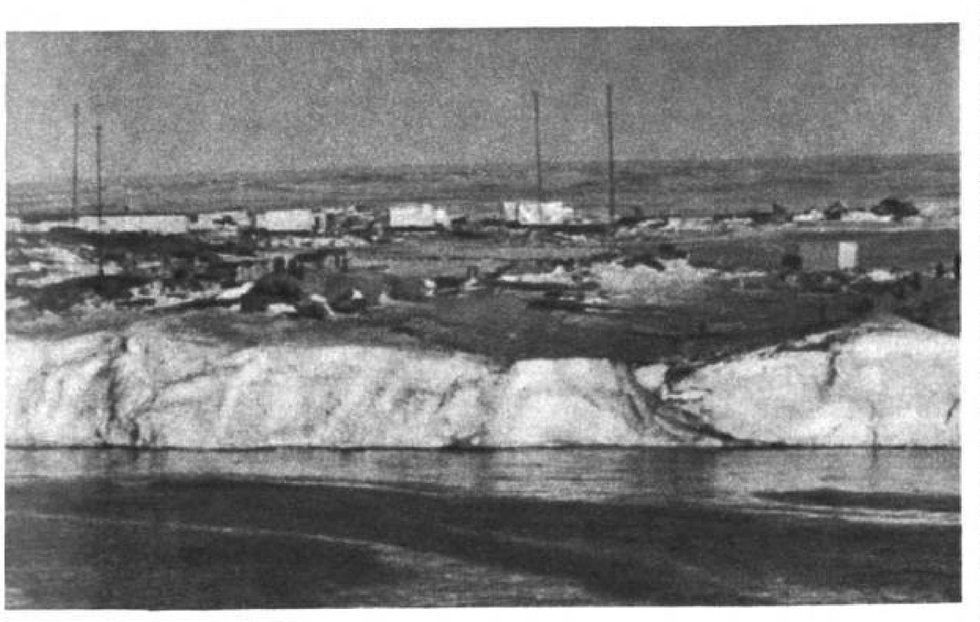
Все, что было окрест Мирного, стало вскоре обжитым, изученным, и ученых увлекли более отдаленные места, где не ступала нога человека. На двух вездеходах был совершен скоростной марш через зону трещин на плато. Затем по открытому пути в глубину материка тронулся специально оборудованный тракторный поезд. Известный советский полярник, в прошлом летчик, затем комендант ледовых аэродромов в Арктике, М. С. Комаров повел тракторы в белую пустыню.

Пройдя около 400 километров от Мирного, поезд остановился, и на ледяном щите Антарктиды

была создана промежуточная научная станция Пионерская. Это значительно расширило круг исследований и позволило еще глубже заглянуть в «тайное тайных» Антарктиды.

Недавно зимовщики Мирного создали новую научную станцию — Оазис. Летчики Г. Сорокин и Н. Поляков доставили сюда десятки тонн строительных материалов, научное оборудование, радиоаппаратуру, продовольствие. Среди гор и озер, где обнажено древнее каменное тело Антарктиды, на склоне холма, полого спускающегося к берегу самого большого озера, был поднят Государственный флаг СССР.

Все, что сделано советскими учеными в Антарктиде, очень важно и нужно. Но это лишь первые шаги. Основные работы развернутся с началом Международного геофизического года, в 1957 году. В связи с этим сейчас организована вторая Антарктическая экспедиция. Уже известные читателям дизельэлектроходы «Обь» и «Лена», а также вспомогательное судно «Кооперация» направляются в Мирный. Они доставят к берегу Правды смену зимовщиков, научное снаряжение, продовольствие, самолеты, вездеходы, горючее, разборные дома.

Поселок Мирный.

Среди участников второй Антарктической экспедиции много старых знакомых — капитаны кораблей И. А. Ман, А. И. Ветров, начальник строительно-монтажного отряда В. А. Сомов, инженеры-строители В. М. Кунин, М. А. Агеев и многие, многие другие. Они отлично знают местные условия, имеют опыт работы в Антарктиде и могут сразу, не теряя времени, приступить к делу.

Как и в прошлом году, корабли пройдут вдоль берегов Западной Европы и Африки, минуют мыс Доброй Надежды и, форсируя ледовый пояс Антарктиды, прибудут в Мирный.

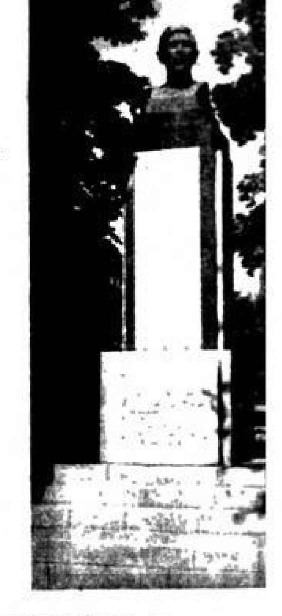
Сразу после разгрузки у берега Правды кораблей «Обь» и «Лена» начнутся научные работы в южно-полярных морях. Под руководством крупного советского ученого, доктора географических наук, профессора И. В. Максимова начнутся исследования рельефа дна океана, островных дуг, подводных океанических хребтов и впадин, тяготеющих к шестой части света. Второй рейс «Оби» продлится около семи месяцев. Судно пройдет за это время 35 тысяч миль в Атлантическом, Индийском и Тихом океанах и закончит свой поход во Владивостоке.

Начальник Главного управления Северного морского пути В. Ф. Бурханов считает, что выдающийся интерес в новой экспедиции представляет прежде всего работа исследователей на самом континенте. Коллектив «материковой части» экспедиции, состоящий из 160 человек, возглавляет опытный полярник Герой Социалистического Труда, кандидат географических наук А. Ф. Трешников, известный по работе на дрейфующей научной станции «Северный полюс-3». Перед материковым отрядом стоит задача создать выносные научные станции Восток и Советская. Одна из них будет создана в районе полюса относительной недоступности, на расстоянии 2 200 километров от Мирного, на ледяном щите высотой более 3 500 метров.

Помимо работы на станциях, советские исследователи организуют особый, внутриконтинентальный отряд под руководством профессора П. А. Шумского: совершая маршруты по ледяной пустыне, отряд займется геофизическими, метеорологическими, гляциологическими работами, произведет сейсмическую разведку толщи ледяного покрова и определит рельеф Антарктиды. Подобную работу будут проводить и английские ученые на маршруте: море Уэдделла — Южный полюс — пролив Мак-Мурдо в море Росса. В совокупности советские и английские ученые дадут истинное представление о строении антарктического материка, о толще его льдов. Тогда решится научный спор, что же представляет собой Антарктида: материк или гигантский архипелаг островов, погребенных под толщей льдов.

На смену отважным летчикам авиационного отряда Героя Советского Союза И. И. Черевичного идет новый отряд опытных полярных пилотов, возглавляемых известным летчиком советской Арктики П. П. Москаленко. Авиаторам предстоят небывалые рейсы в исключительно сложных метеорологических условиях и чрезвычайно опасные посадки на ледяных куполах Антарктиды. И нет сомнения, что отважные мореплаватели, ученые, строители, летчики, радисты, водители вездеходов второй экспедиции также победят злые силы природы, построят в глубинах континента новые станции, осуществят обширные научные планы.

Дочь революционера

Памятник Г. Г. Анджиевскому в Пятигорске.
Фото Н. Резниченко.

Я. МИЛЕЦКИЙ

Народный судья Александр Сергеевич Грачев огласил судебное определение по рассмотренному делу. Точно легкий ветерок, по залу пронесся радостный вздох. Кое-кто утирал платком слезы.

Молодая женщина, хрупкая, небольшого роста, казавшаяся совсем юной, бросилась в объятия пожилой женщины:

— Мама!.. Мамочка!..

В зале воцарилась тишина, даже судья и заседатели не сразу покинули свои места...

Так наступила развязка сложной, полной драматических событий истории двух жизней, истории, начавшейся несколько десятилетий назад на Северном Кавказе, в курортном городе Пятигорске.

В Пятигорске и сейчас можно увидеть памятник. На высоком постаменте установлен бюст молодого человека. На гранитной доске начертаны слова:

«Григорий Григорьевич Анджиевский. Организатор и руководитель Советской власти в г. Пятигорске. Родился в 1892 г. Казнен белогвардейцами 31/VIII—1919г.»

А за городом, среди гор, высится траурный обелиск, обнесенный металлической оградой. И тут на граните выбиты слова: «Здесь 31/VIII — 1919 г. был казнен белогвардейцами организатор и руководитель Советской власти в г. Пятигорске Г. Г. Анджиевский».

К этим местам и к этим годам и были устремлены мысли двух женщин, вышедших из судебного зала...

...Григорий Григорьевич Анджиевский был видным деятелем большевистской партии на Северном Кавказе. Он боролся против банд контрреволюционеров, стремившихся свергнуть власть рабочих и крестьян.

Партийный комитет командировал Анджиевского в Москву, к Ленину. Вернувшись во Владикавказ, Григорий Григорьевич восторженно рассказывал товарищам о встрече с Владимиром Ильичем. Ленин внимательно выслушал посланца северокавказских большевиков, задавал ему вопросы о продовольственном положении, о мероприятиях по организации Советской власти. Ленин особенно подчеркивал, что нужно установить правильные взаимоотношения с кавказскими народностями.

С новой силой окунулся Анджиевский в работу после возвращения из Москвы. Всеми своими мыслями и надеждами он делился с молодой женой, коммунисткой Анной. Будущее казалось им радостным, хотя Советская власть утверждалась в трудных боях с врагами.

Первого января 1919 года у Анджиевских родилась девочка. Но счастье родителей было недолгим. Положение на Северном Кавказе становилось все серьезнее: наступали деникинские орды. Большой урон несли красные войска от жесточайшей эпидемии тифа. Наступил день, когда пришлось эвакуировать Владикавказ. В эшелон были погружены больные и раненые. В одной из теплушек ехала и Анна Анджиевская с грудным младенцем на руках: девочке было всего несколько недель от роду. С Анной был младший братишка, Ваня, весь увешанный гранатами и опоясанный пулеметными лентами, несмотря на свои четырнадцать лет.

Деникинцы пустили под откос бронепоезд, шедший впереди эшелона, а затем стали обстреливать вагоны. Поезд остановился на станции Беслан. Снаряды ложились рядом с теплушками, переполненными больными и ранеными. Осколки попали и в вагон, в котором находилась Анна. Медлить было нельзя. Анна передала дочку Ване и крикнула ему:

— Прыгай! Спрячься скорее!

Все, кто находился в эшелоне, схватили винтовки и вступили в бой с деникинцами.

Деникинцы заняли станцию, сопротивление пришлось прекратить. Анна отправилась на поиски брата и дочери. Она расспрашивала встречных, но никто их не видел. Анна металась по перрону, заходила в дома, искала на огородах, в оврагах. Случайно столкнулась она лицом к лицу с деникинским офицером. Спросила и его. Он подозрительно осмотрел ее, улыбнулся.

— Уж не твой ли ребенок?

— Мой.

Он не поверил. Дело в том, что хотя Анне минуло в то время двадцать лет, казалась она совсем девочкой. Что-то заподозрив, офицер отвел ее на вокзал и втолкнул в комнату телеграфистов. Вечером Анна убежала через окно и снова отправилась на поиски ребенка. Всю ночь бродила она, разыскивая дочь даже среди трупов, оставшихся лежать после недавнего боя. Было морозно, дул пронзительный ветер. Анна сильно продрогла в своей легкой одежде. У нее начался сильный жар, она еле передвигала ноги, наконец, потеряла сознание и упала на дороге. К счастью, ее подобрали случайные прохожие.

Дочь пропала бесследно.

Некоторое время спустя, едва оправившись, Анна с группой

коммунистов пробралась во Владикавказ, занятый белогвардейцами. Мысль о дочери, оставленной на руках беспомощного мальчика, не давала ей покоя.

В городе зверствовали деникинцы. Они схватили Анну и заточили в тюрьму. Теперь она ничего не знала ни о муже, ни о дочери. Однажды на допросе офицер неожиданно сказал ей:

— Ваша дочь жива, мы знаем это.

У нее невольно вырвалось:

— Где она?

— Скажи, где Анджиевский, мы вернем тебе дочь.

Она больше не отвечала на вопросы следователя...

Деникинская контрразведка назначила крупную денежную награду за поимку Анджиевского. Когда он попал им в руки, они заточили его в одиночку, а затем предали военному суду. Как настоящий большевик, Григорий Григорьевич Анджиевский держал себя на суде спокойно, уверенно. Он бросал в лицо палачам слова правды, не страшась смерти, ожидавшей его. Вот что писала в отчете о суде газета «Кавказский край»: «На присутствовавших на суде Анджиевский произвел впечатление талантливого человека, развитого и образованного не по летам, с большой памятью и незаурядным даром слова».

Заметка заканчивалась словами: «Анджиевский приговорен к смертной казни через повешение».

31 августа 1919 года в Пятигорске, на том месте, где затем установили траурный обелиск, закончил свою героическую жизнь двадцатисемилетний революционер Григорий Григорьевич Анджиевский.

Уже после казни Анджиевского Анне удалось вырваться из рук палачей...

Судьба бросала Анну Григорьевну Анджиевскую с одного участка фронта на другой, и только через год ей удалось наконец попасть в освобожденный от деникинцев Пятигорск. Она возобновила поиски дочери. Прежде всего она разыскала своего брата Ваню, который работал в комсомольской организации Ставрополя.

— Ванюша, дорогой, где дочка? — бросилась она к брату, когда тот приехал к ней.

Вот что он рассказал:

— На станции Беслан, как ты знаешь, я с ребенком выскочил из теплушки. Я спрятался в железнодорожную будку, чтобы отогреться. Девочка плакала, ее нужно было перепеленать и накормить. Что я мог сделать? В будке был только один мужчина — ингуш. К счастью, скоро к нему пришла жена. Она принесла мужу обед. На руках у нее тоже был грудной ребенок, мальчик. Она взяла Катю, и та сразу замолчала. Женщина перепеленала ее, накормила грудью. Катя осталась у этой женщины. Я назвал ей твою фамилию.

С трудом разыскал теперь Ваня железнодорожную будку и женщину, которой он передал младенца. Анна, увидев издали женщину с ребенком на руках, не помня себя от радости, побежала к ней.

— Моя дочь! — Анна потянулась к ребенку.

Женщина отстранилась.

— Нет, это мой сын!

И она рассказала Анне Григорьевне печальную историю о том, как дочь ее заболела и умерла.

— Аллах забрал твою дочь в прошлом году, 31 августа,— сказала женщина.

Это был день казни Анджиевского.

Она повела Анну на кладбище и показала могилу. Горько плакала молодая коммунистка, трагически потерявшая мужа и дочь.

Много лет спустя, уже в 1938 году, вышел в Москве сборник под названием «Женщины в гражданской войне». В нем был напечатан рассказ Анны Григорьевны Анджиевской «Мать». Рассказ заканчивался словами:

«Я плакала на могиле,— не знаю, своего или чужого ребенка».

графной конторы. Жили обе семьи дружно и часто бывали друг у друга. Однажды Виктор, тогда мальчик лет двенадцати, возвратился домой позже обычного. Боясь, что мать накажет его за опоздание, Виктор тихо открыл входную дверь и на носках, стараясь не шуметь, вошел в дом. То, что он увидел и услышал, потрясло его детское воображение. В комнате возле иконы, висевшей в углу, стояла на коленях его мать. Рядом была тетя Оля. Обе плакали. Тетя говорила, а мать повторяла ее слова.

— Именем господа бога клянусь...— произносила тетя.

— Именем господа бога клянусь... — повторяла мать.

— ...Никогда, никому и ни при каких условиях...— продолжала тетя.

А. Г. Анджиевская с дочерью Катей.

Фото Б. Кузьмина.

Мать не хотела верить, что потеряла дочь навсегда. Она не знала тогда, какую роль в ее жизни сыграют эти строки...

...Виктор Федорович Таранов работал последние годы в Ржеве, но частенько наезжал в Москву. Он часто бывал у своей двоюродной сестры Екатерины Савицкой. Они вспоминали не раз детские годы, маленький Моздок, где жили. Катина мать, Ольга Дмитриевна Савицкая, хорошо воспитала дочь: Катя окончила высшее учебное заведение и теперь преподавала английский язык в Институте народного хозяйства имени Плеханова.

Однажды, приехав в Москву, Виктор Федорович зашел в Библиотеку имени В. И. Ленина. Он просматривал каталог, отыскивая нужную ему книгу. Вдруг внимание его привлек сборник «Женщины в гражданской войне». Подзаголовок гласил, что сборник содержит эпизоды борьбы на Северном Кавказе и Украине в 1917—1920 годах. Это-то и заинтересовало Таранова.

Он попросил книгу и углубился в чтение. Неожиданно увидел подпись «А. Анджиевская» и с жадностью прочел рассказ «Мать». Фамилию эту, хорошо известную на Северном Кавказе со времен гражданской войны, знал и Таранов. Больше того, с этой фамилией был связан один случай в далеком детстве, запомнившийся ему на всю жизнь. Ему вспомнился 1919 год и тайна, которую он случайно узнал тогда.

Тарановы жили в Моздоке. Виктор был младшим из трех сыновей. Там же жила и родная сестра его матери, Ольга Дмитриевна Савицкая, с мужем Антоном Минычем Савицким, помощником начальника местной почтово-теле-

— ...Никогда, никому и ни при каких условиях...

Смысл клятвы сводился к тому, что Таранова не выдаст тайны о том, что дочь Анджиевского находится у тети Оли.

В тот вечер Виктор до конца не понял, что происходит, но сцена торжественной клятвы запечатлелась в его памяти, тем более, что имя Анджиевского было в ту пору известно всем, даже мальчишкам.

На следующий день — это было 31 августа 1919 года — мать повела своих сыновей к тете Оле.

— У нее родилась девочка, и мы идем на крестины,— пояснила она.— Вашу сестричку назовут Екатериной.

Виктор догадался, обладателем какой тайны он является.

Несколько раз он хотел открыть Кате тайну ее происхождения, но всякий раз воздерживался: Катя жила хорошо, тетя Оля любила ее.

Однажды он рассказал матери, что много лет назад невольно подслушал ее клятву тете Оле.

— Только молчи, не говори никому об этом,— упрашивала его мать.— Зачем убивать тетю Олю, зачем делать Катю одинокой?..

И вот, сидя за столиком в читальном зале Ленинской библиотеки, Виктор Федорович глубоко задумался над трагедией матери-коммунистки. Нет, он не вправе больше молчать!

Таранов твердо решил, что раскроет Кате тайну ее рождения в том случае, если ее настоящая мать — Анна Григорьевна Анджиевская — жива.

Он навел справки, и скоро на руках у него был московский адрес Анджиевской.

...Вечерами Анна Григорьевна обычно сидит дома. Молодые годы давно прошли, дают себя знать недуги — результат тяжелых переживаний прошлого. Неожиданно раздался звонок у входной двери. Молодая, скромно одетая, миловидная женщина невысокого роста спросила Анну Григорьевну Анджиевскую. Она застенчиво прошла и спросила:

— Вы меня не знаете?..

— Нет,— ответила Анна Григорьевна, вглядываясь в вошедшую.

— И я вас не знаю... Но я должна была придти...

— Кто вы?

— Я ваша дочь.

Анна Григорьевна не поняла, посмотрела широко раскрытыми глазами:

— Кто?! — И необычайное волнение вдруг овладело ею.

— Ваша дочь... твоя... дочь...

Нельзя передать словами чувств, охвативших Анну Григорьевну. С трудом пришла она в себя и стала пристально разглядывать Катю. Вдруг ей показалось, что перед ней стоит Гриша, ее муж.

— Его глаза...— говорила она, обнимая дочь,— и лоб его. Как ты похожа на своего отца, доченька!..

Все больше находила она примет, подтверждавших происхождение Кати.

— Как ты узнала об этом? — спросила мать.

Катя рассказала обо всем, что поведал ей Таранов.

— А ты никогда не подозревала, что Савицкие не твои родители?

— Они относились ко мне хорошо, у меня не было повода для догадки. Особенно любила меня... мама Оля. Она умерла у меня на руках. Но в детстве я однажды услышала, как девочки говорили, показывая на меня: «Это та, которую привезли из Пятигорска». Меня это удивило, но скоро я и забыла об этом.

— Жаль, что нет в живых Вани. Как бы он обрадовался! Он не мог себе простить, что оставил тебя в железнодорожной будке,— сказала Анджиевская.

— А кто такой Ваня? Я не знаю его.

— Мой брат, твой дядя, Иван Григорьевич Швец. Это он спас тебя от белогвардейских пуль... Иван погиб в Отечественную войну, так и не узнав о твоей судьбе...

Как же Катя попала в семью Савицких? Никто уже не располагает более или менее точными сведениями. Ольга Дмитриевна Савицкая умерла, унеся в могилу эту тайну. Можно лишь предположить, что женщина, приютившая грудную девочку, решила отдать ее на воспитание в какую-либо русскую семью. Кстати, Таранов вспоминает, что в семье Савицких еще до появления младенца говорили, что хотели бы взять девочку-приемыша.

...В зале заседаний народного суда Сокольнического района столицы судья Александр Сергеевич Грачев провозгласил:

— ...Екатерину Савицкую считать дочерью Григория Григорьевича Анджиевского и Анны Григорьевны Анджиевской...

Мать снова обрела свою дочь, самим обликом своим напоминающую отца — пролетарского революционера и бесстрашного большевика Григория Григорьевича Анджиевского.

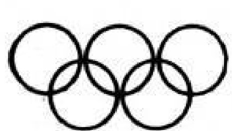
Тамара Манина выполняет упражнение на разновысоких брусьях.

Приближаются XVI Олимпийские игры — самое выдающееся событие в спортивной жизни за последние четыре года. Взоры всех любителей спорта обращены к далекому австралийскому городу Мельбурну, где 22 ноября будет зажжен олимпийский огонь.

Мы рассказываем о трех молодых советских спортсменах, завоевавших право на поездку в Мельбурн.

Е. РУБИН

Фото Н. Волкова и Б. Светланова.

Валентина Баллод набирает высоту

Ташкентская школьница Валя Баллод, может быть, и не стала бы спортсменкой, не будь близ школы, где она училась, широкого рва. Два раза в день перепрыгивала Валя через ров, вызывая зависть у всех мальчишек. Даже они не решались таким путем сокращать дорогу к школе.

Как-то друг ташкентской детворы тренер по легкой атлетике Мария Михайловна Внучкова заметила шуструю девочку, бесстрашно прыгающую через ров, разговорилась с ней — и вот Валя Баллод уже ученица городской молодежной спортивной школы.

...Все это произошло четыре года назад. Тогда Вале Баллод было пятнадцать лет и она мечтала стать географом. И спортом она решила заниматься только для того, чтобы быть сильной и проворной,— ведь географам часто приходится сталкиваться с немалыми трудностями.

А дальше события развивались так.

1952 год. Мария Михайловна Внучкова пришла к выводу, что Вале Баллод надо заниматься прыжками в высоту.

1953 год. Молодая спортсменка завоевала второе место на всесоюзных юношеских соревнованиях. Она прыгнула на 1 метр 50 сантиметров.

1954 год. На спартакиаде республик Средней Азии и Казахстана Валя Баллод заняла первое место. Среди ста лучших прыгунов она стоит уже на шестнадцатом месте.

1955 год. Валентина Баллод успешно закончила среднюю школу, сдала экзамены и стала студенткой географического факультета Среднеазиатского университета. А в ноябре на тбилисском стадионе «Динамо», оспаривая звание чемпионки Советского Союза, она преодолела планку на высоте 1 метра 63 сантиметров, заняв второе место.

Валентина Баллод.

1956 год. Москва. Центральный стадион имени В. И. Ленина. Заключительный день Спартакиады народов СССР. Идут соревнования по прыжкам в высоту. Планку поднимают все выше, и все меньше спортсменок продолжают борьбу. Наконец остается одна Валентина Баллод. Она берет 1 метр 68 сантиметров, и ей вручают золотую медаль.

Новая чемпионка рассказывала окружившим ее журналистам:

— Я перешла на второй курс географического факультета и очень довольна своей будущей специальностью. А вы знаете, что рекордсменка мира по прыжкам в высоту Иоланда Балаш — тоже будущий географ. Она студентка Бухарестского университета. Очень хочется встретиться с ней.

...Валентина Баллод встретилась с Иоландой Балаш через месяц в Бухаресте, на открытом чемпионате Румынии. Победила советская спортсменка с хорошим результатом — 1 метр 70 сантиметров, и ей вручена была золотая медаль чемпионки Румынии.

Математика, гимнастика, музыка

С Тамарой Маниной мы познакомились в канун нового, 1955 года в Харькове, где разыгрывалось первенство СССР по гимнастике. Эти соревнования проводились спустя полгода после чемпионата мира в Риме, где с таким триумфом выступили наши мастера. В Риме двадцатилетняя Тамара Манина была удостоена звания чемпионки мира за лучшее выполнение вольных упражнений и опорного прыжка.

Тамара Манина рассказывает:

— Я выросла в Ленинграде, в семье, где знают цену спорту. Мама хорошо бегала на коньках. Сестра Алла — страстная баскетболистка. Не удивительно, что и я с ранних лет начала заниматься спортом. Больше всего мне нравились гимнастические упражнения. Может быть, потому, что, сколько помню себя, любила музыку, а гимнастика — это же музыка человеческого тела.

Выступать я начала с 1949 года. Прошло еще три года, и на всесоюзных юношеских соревнованиях в Таллине мне удалось не только занять первое место, но и выполнить норму мастера спорта...

На Спартакиаде народов СССР Тамара Манина одержала свою самую большую победу — завоевала звание абсолютной чемпионки страны. Манина учится на физико-математическом факультете педагогического института имени Герцена. Она любит точные науки и предпочтение отдает математике, но Манину можно часто встретить и в зале Ленинградской филармонии: она большая любительница симфонической музыки.

Тридцать пять препятствий

Столяр московской мебельной фабрики № 3 Семен Ржищин не только не увлекался спортом, но даже к болельщикам относился скептически. И все же Ржищин стал спортсменом. Началось с того, что друзья убедили его в необходимости научиться ездить на велосипеде. Это могло как нельзя лучше пригодиться во время загородных прогулок. Семен уже было овладел машиной, и тут случилось неприятное происшествие: он врезался в столб, и это раз и навсегда отбило у него интерес к велосипеду.

А осенью молодежь фабрики стала готовиться к массовому осеннему кроссу. Предложили и Ржищину поддержать спортивную честь фабрики, и, как человек компанейский, он не смог отказаться. С этого кросса все и началось. Первое выступление оказалось удачным, и незаметно для себя Семен все с большей охотой стал посещать тренировки. В конце концов Ржищин выбрал из всех видов бега, пожалуй, самый сложный — 3 000 метров с препятствиями. В этом беге нужно преодолеть 28 раз барьеры и 7 раз ров, наполненный водой.

Семен Ржищин тренировался самозабвенно. Зато и шагнул сразу далеко. В 1954 году в списке 100 сильнейших он уже занимал девятое место. Настоящую спортивную школу и закалку молодой рабочий прошел в рядах Советской Армии. В прошлом году Ржищин, участвуя в чемпионате СССР, занял первое место в беге на 3 000 метров с препятствиями. А на Спартакиаде народов СССР, встретившись с рекордсменом страны Василием Власенко и другими сильнейшими мастерами, он снова был первым, установив мировой рекорд — 8 минут 39,2 секунды.

Недолго простоял рекорд Ржищина: через месяц его превысил венгр Шандор Роженьеи. Однако Семен Ржищин не унывает и готовится к встрече с венгерским бегуном в Мельбурне.

Семен Ржищин (справа) выигрывает бег у Василия Власенко на Спартакиаде народов СССР.

Как я устраивала свою дочь

Рассказ матери

С. ЗАЛЫГИН

Рисунки В. СОЛОВЬЕВА.

Такая неожиданность — Светлана кончила десятый класс! Удивительно!

Все шло своим чередом: Светочка родилась, потом у нее было расстройство желудочка, потом она поправилась, научилась ходить, говорить, нянчить кукол, потом пошла в школу — пошла первого сентября 1945 года,— в одной руке несла сумку, в другой — букет цветов, на голове — бант...

Вдруг 1955 год, снова букет цветов, бант и... выпускной вечер! Когда я смотрела на нее, не могла представить, не верила этому. Невозможно... Поверила, когда взглянула на себя в зеркало. Смотришь на себя, и сомнений не остается — время-то идет!

Идет и по каждому поводу требует от людей всяческих решений. У нас была такая радость: сданы выпускные экзамены, хорошо сданы, по геометрии была совсем нетрудная задача, по литературе — сочинение на знакомую тему, получен аттестат зрелости... Одним словом, радость! А из-за спины этой самой радости уже торчит носатый вопрос: «Позвольте, уважаемые радостные люди, а куда пойдет учиться Светлана? Какое будет принято решение?»

Вот именно: какое?

Через день после выпускного вечера, начиная с завтрака, у нас в семье началось совещание. Нужно было принять окончательное и бесповоротное решение. Я почти молчала. Почему? Да потому, что будешь три часа подряд говорить Светлане, что лучше всего ей идти на медицинский,— все равно ее не убедишь. Десять часов — тоже не убедишь.

Отец... Отец потер лоб, покашлял и сказал, что родители ничего не решают, потому что дети их ни о чем не спрашивают. Дети настолько самостоятельны, что даже не спрашивают, когда им родиться, кем родиться — мальчиками или девочками, медиками или географами. Дети виноваты разве только в том, что они логичны не до конца. Раз уже они ни о чем не спрашивают родителей, им нужно рождаться заранее предназначенными для какой-либо профессии, чтобы не затруднять этим вопросом папу и маму. Например, появляется на свет ребенок с родимым пятнышком на пятке,— значит, это геолог. То же пятнышко на коленном суставе — медик, несколько выше — бухгалтер, на макушке — астроном, на кончике носа — актер, и так далее...

Но если нет явных признаков приверженности человека к той или иной специальности, должны быть тайные, и нужно разумно подойти к выявлению этих тайных признаков. В этом наша задача. Когда Светочке было пять лет, она ни на минуту не расставалась с котенком Рыжиком. Не значит ли это, что Светлане нужно идти на зоологический? Отец вспомнил, что именно в то время у него не было на этот счет ни малейших сомнений...

Я тоже вспомнила, что двенадцати лет Светочка с увлечением трудилась в юннатском кружке. Не значит ли это, что ей нужно идти в сельскохозяйственный?

Отец снова припомнил, что пятнадцати лет Светочка изо дня в день посещала планетарий.

— В пользу чего говорит это обстоятельство? — спросил он.

Мы задумались...

Сама Светочка напомнила нам, что она увлекалась еще Жюлем Верном, пастилой, вышиванием, фотографией, фигурным катанием на коньках, поэзией Пушкина и прозой Голсуорси... Недостатка в тайных признаках не было.

Мы задумались еще больше. После долгого молчания отец спросил:

— Кем же ты все-таки хочешь быть, Света?

— Я уже тысячу раз говорила,— сказала Светочка,— что я буду гидрологом!— И она торопливо стала заплетать перед зеркалом косы.

— Это очень интересно?— спросил отец.

— Исключительно!

— Почему же это интересно?

— Потому что гидролог изучает реки по всей стране и моря по всему земному шару... Он может работать на Таймыре, и на Памире, и в Антарктике...

— Если не секрет, для чего он их изучает? Ты об этом знаешь?

Светочка заплела одну косу, а другую намотала на руку и решительно сказала:

— Никакого секрета здесь нет. И не может быть. Все надо изучать!— Она помолчала, посмотрела на отца, который в это время протирал очки, и пояснила:— Ведь человек все изучает? Поэтому он должен изучать и реки!

— Логика...— вздохнул отец.— Но все же объясни мне: человек изучает все окружающее ради чего-то?

— Ах, право,— укоризненно покачала головой Светочка,— это так просто понять! Для чего изучать реку? Ну хотя бы для того, чтобы построить на ней Куйбышевскую ГЭС!

— Наша Петушиха — тоже река, но на ней не построишь Куйбышевскую ГЭС, сколько ее ни изучай... Самое большое, что на ней можно сделать,— это соорудить Петушихинскую ГЭС...

— При чем тут Петушиха?!— рассердилась Света.— Не понимаю! При чем Петушиха, когда есть Амур, Лена, Индигирка, Колыма, Енисей, Обь, Ангара?!— Перечисляя реки, Света загибала пальцы сначала на одной, потом на другой руке, а когда были загнуты все десять пальцев, спросила:— Может быть, тебе этого мало?

— С меня достаточно...— сказал отец.— Вполне. И мне все ясно, мать.— Кивнул он мне, надел очки и пошел в свою комнату заниматься.— Все ясно,— задумчиво повторил он, закрывая за собой дверь.

Всегда вот так: отец уйдет, Света уйдет, им все ясно, а я остаюсь одна и думаю, думаю... Мне вовсе не ясно, как устроить жизнь детей так, чтобы они были счастливыми и благородными людьми...

И в тот раз, оставшись снова одна, я долго думала над этим вопросом, а потом вынула из шкафа одиннадцатый том Большой Советской Энциклопедии на букву «Г».

Боже мой! Чуть ли не сто страниц разных слов начиналось там с «гидро»: гидрогенизация, гидрозолоудаление, гидротрансформаторы, гидроокиси... И все это разные специальности, в каждую из них может пойти Светочка, и в каждой ее судьба сложится както по-своему. Если бы Светочка стала изучать не гидрологию, а, скажем, гидроокиси, она, наверно, жила бы в городе, работала на химическом производстве, вышла бы замуж за химика... Как будто неплохая перспектива? А что за человек, этот самый химик? Ведь он уже сейчас где-то живет, существует, но кто он и что он? Может быть, такой, что и не дай бог, лучше уж пусть будет бродяга-гидролог, который и дома-то бывает только в отпуск, а все остальное время плавает по всем морям и даже опускается в скафандре на дно морское?!

Поверьте, я вовсе не против науки и техники, но должна прямо сказать: Большая Энциклопедия ни на йоту не помогла мне в моем затруднительном положении!

Тогда я обратилась к художественной литературе. Я перебрала всю нашу районную библиотеку и наконец обнаружила сборничек, в котором был напечатан рассказ о гидрологах.

Страшная вещь!

Двух гидрологов застал на реке ледоход, они мечутся с льдины на льдину, один из них, бедняжка, сломал ногу, другой несет товарища на руках... Там написано, что все кончилось благополучно, если не считать сломанной ноги (подумать только, сломанную ногу даже не принимают в расчет!), но я что-то плохо верила этому. Ужасно, ужасно! Начитавшись, я плохо спала ночь, меня мучили кошмары, и, едва дождавшись утра, я кинулась к Свете и бросила ей эту книжку:

— Вот! Прочти! Прочти и подумай, открой глаза на вещи, о которых ты не имеешь ни малейшего представления, хотя и суешь в них свой нос! Пойми! Почувствуй! Еще раз требую: открой свои глаза!

Пока Света читала этот рассказ, я мысленно благодарила писателей. Недаром же они называются инженерами человеческих душ и могут помочь людям, особенно молодым, преодолеть заблуждения... Искусство всегда было великой силой!

Должно быть, через час Света вошла ко мне... Глаза у нее действительно были широко открыты.

Конечно, я прекрасно понимала, что в моем положении старшего наставника нехорошо злорадствовать, и все-таки не могла сдержать себя — в моем тоне прозвучали злорадные, торжествующие нотки, когда я спросила:

— Ну? Как?

— Прекрасно!— ответила Света.— Нет ли у тебя почитать еще что-нибудь в этом же роде? Во всяком случае, если встретится, обязательно дай мне!

Нет, нет! Я не могла отступить! Я продолжала прилагать все свои силы к тому, чтобы как-то устроить жизнь своей дочери. Мне никто не помогал в этом — ни наука, ни техника, ни искусство, даже мой собственный муж и отец Светочки — и тот не помогал: ему было все ясно. «Но есть же на свете человек, который захочет мне помочь?— думала я.— Не может быть, чтобы не было такого».

И вот я узнаю, что у моей приятельницы есть родственник-гидролог. Старик. Ужасно страдает ревматизмом, потому что простудил когда-то ноги в ледяной воде. Клянет свою специальность, тот день и час, когда избрал ее. Вот кто мне поможет! Слова книги — это одно, живой свидетель всех тех несчастий, которые ожидают мою Светочку,— это другое!

Кажется, была суббота, когда я попросила Свету сопровождать меня в моей поездке к одному незнакомому человеку, которому по просьбе своей приятельницы я должна передать небольшую посылочку.

Мы ехали на пригородном поезде, от станции долго шли пешком и наконец на высоком обрывистом берегу какой-то быстрой речки увидели дом с зелеными воротами. Моя подруга так образно описала мне эти ворота, что я с первого же взгляда узнала их.

В доме за зелеными воротами мы встретили старика с растрепанными редкими волосами на голове и на подбородке... Глаза его слезились, руки тряслись, он заикался и шамкал,— одним сло-

вом, моя приятельница не ошиблась: это был тот, кого я искала.

— Дейштвительно я Николай Семеновиш...— подтвердил старик.— Да, да, мне пишала моя кужина, што вы шобирались приехать... Милошти прошу... Она пишала, вы хотите...

Я смотрела в глаза старику так многозначительно, как только могла, и это произвело все-таки свое действие: Николай Семенович стал заикаться еще больше, долго моргал глазами и наконец проговорил:

— Она пишала, что вы привежете мой шемоданшик...

Светлана с недоумением посмотрела на миниатюрный сверточек, который мы привезли Николаю Семеновичу и в котором никак не мог бы уместиться самый ничтожный чемоданчик, но все-таки первая опасность, кажется, миновала...

Николай Семенович пригласил нас в кабинет, в котором была масса книг, карт и чертежей, очень похожих на груши и морковки...

— Кажется, вы гидролог? — спросила я Николая Семеновича.— Представьте, какое совпадение: мы с дочерью тоже имеем отношение к этой специальности, поскольку Света решила поступить на гидрологический факультет, а я... я ее мама...

— О! — произнес старик.— Разве можно такой милой девушке приобретать такую шпециальношть? Немышлимо!

— Вот как? — спросила я.— В чем же дело? Поясните нам, пожалуйста, в чем дело.

— Могу! Холод, шнег и ледяная вода, ревматизм и шобашья жизнь!

— Какая? — переспросила я, чувствуя, что в этом концерте мне должна принадлежать роль дирижера.

— Шобашья! — повторил Николай Семенович громко, почти вскрикнул.— Надеюшь, вы знаете такое животное — шобаку?

— Ну, можно ведь работать и на одном месте? Не обязательно путешествовать,— заступилась я за специальность гидролога.

— Шидеть на одном меште — на одной гидрологичешкой штанции — это ошень шкушно... А работать в экшпедициях — это невозможно, я уже шказал...

— Я буду работать только в экспедициях,— сказала Света, разглядывая корешки книг.— И нигде больше.

— Моя дорогая! — снова поднял голос Николай Семенович, на этот раз вложив в свои слова очень строгое и поучительное звучание.— Будь я начальником экшпедиции, я попрошу не взял бы ваш ш шобой. И только. Я оберегал бы дело, которое мне поручено, и молодую, еще не окрепшую жизнь.

«Ого! — подумала я.— Николай Семенович был когда-то начальником, не приходится в этом сомневаться... Когда он говорит строго, он даже меньше шамкает...»

Я взглянула на Светочку. Она сидела в глубоком кресле у окна, огорченная и сердитая... Что-то она ответит старику? Долго ждать не пришлось,— Света сказала:

— А я бы не стала спрашивать, хотят меня взять в экспедицию или не хотят, а поехала бы, и все. Когда я буду гидрологом, никто не будет вправе отказать мне.

Кажется, от меня ускользала роль дирижера. Я не успела даже пояснить Светлане в тактичной форме, что нельзя так разговаривать со взрослыми, тем более с такими взрослыми, которые ничего не хотят для нее, кроме добра, как Николай Семенович кивнул головой, откашлялся, сделал попытку расчесать рукой волосы на своей голове и проговорил:

— Не будем шшориться, моя дорогая... На крайний шлучай, есть ведь еще и теория гидрологии, займитесь теорией... Первая печатная книга, изданная в России, уже имела отношение к гидрологии... Наш великий ученый Александр Иванович Воейков установил, что реки — продукт климата, и с тех пор гидрология обрела научную основу... Нашему и вашему поколению гидрологов надлежит установить точные связи между осадками, стоком и испарением в природе... Это огромная задача, и тебе, детка, найдется, где приложить свои силы... Я вижу, ты хочешь знать кое-что о гидрологии. Изволь...

Через полчаса я знала, что река Амазонка несет больше воды, чем все вместе взятые реки Европы,— сто двадцать тысяч кубических метров в секунду, или три тысячи двести кубических километров в год, что она имеет более ста судоходных притоков, что в Норвегии есть река, в которую с каждого прилегающего квадратного километра суши стекает слой воды толщиной в шесть с половиной метров, что в Индии есть местечко Черрапунджи, где выпадает до двадцати трех метров осадков в год, а 14 июня 1876 года там выпал ливень, который дал слой воды более метра, что объем Куйбышевского водохранилища в сорок раз больше, чем объем всех построек Москвы, что есть реки, которые текут то в одну, то в другую сторону, что в Советском Союзе более ста пяти тысяч рек длиною свыше пятидесяти километров и все их нужно изучать.

Я слушала все это, теперь уже совершенно не замечая шамканья Николая Семеновича и боясь взглянуть на Свету. А когда я все-таки взглянула на нее, она вся сияла таким радостным вниманием, которого я, родная мать, никогда не видела на ее лице...

Я еще попыталась вмешаться в разговор.

— Скажите, пожалуйста, Николай Семенович,— спросила я,— из ваших знакомых гидрологов утонул кто-нибудь?

— Бывало! — махнул он рукой.— Бывало, школько угодно! Но самой значительной потерей я считаю гибель Дмитрия Илларионовича Кочерина! Утонул двадцати девяти лет в ничтожной крымской речушке! И знаете, на этой реке до сих пор нет даже населенного пункта его имени, в то время как Дмитрий Илларионович первый ввел расчетные модули стока, именно этот человек составил первую карту модулей! Пока я жив, я не смирюсь с этим! Мы поставим ему памятник!

— Скажите, пожалуйста, Николай Семенович, ну, а женщины тонули или они всегда выплывали?

Николай Семенович задумался, потом вышел из кабинета и тотчас вернулся с графинчиком и тремя рюмками.

— Шухое... Грузиншкое...— сказал он.— Пошти нарзан...— Он налил рюмки, и не успела я высказать свое отношение к этому факту, как они уже чокнулись со Светланой... У старика появился совсем бравый вид, и, опрокинув рюмку, он заговорил:

— У нас в отряде была одна женщина... Незабываемая женщина. И вот однажды лодка, в которой она плыла, перевернулась... Мужчины выбрались на камни, а она... Пена, грохот, а среди камней мелькают ее черные волосы... Ее не видно в круговороте, только волосы вдруг появятся то тут, то там... Я это очень часто вижу ночью. Просыпаюсь и все еще чувствую, как волосы врезаются мне вот в эту руку... Особое чувство, когда сон — это не мираж, а совершенно четкое переживание прошлого... И какого прошлого! Вот эта рука спасла ее! — Николай Семенович поднял рукав и обнажил костлявую, желтую руку, покрытую седыми редкими, но длинными волосами. — Честное слово, эта... Сухое грузинское — почти нарзан, не смущайся, детка... Когда мы откачали ее, мы — восемь бородатых мужчин — плакали и благодарили ее за то, что она осталась жива... А семеро благодарили меня за то, что я спас ее... Ешли хотите знать, у меня не было в жизни большей радости! — Он помолчал, вдруг протянул обнаженную костлявую руку и погладил Свету по голове, а потом спросил: — А почему бы, детка, и тебе не стать такой женщиной? Сухое грузинское — почти нарзан...

Когда мы вернулись со Светланой домой, было уже совсем поздно. Дверь открыл отец, снял с меня пальто и, выждав удобный момент, спросил:

— Ну, как твои успехи?

— Не знаю, не знаю...— ответила я.— Все было совершенно невероятно... Совершенно. У меня до сих пор кружится голова и дрожат колени.

* * *

Вот и еще год прошел... Не успела оглянуться, как он прошел. Сегодня получили первое письмо от Светланочки из Восточной Сибири. Она работает там на практике в гидрологической экспедиции. Очень, очень довольна...

Слава богу, кажется, я помогла девочке хорошо устроиться, выбрать специальность...

А Коля? Он уже в десятом классе! А Владик? А маленькая Сонечка? Вот так без конца: дети растут, и нужно каждого из них устраивать в жизни...

Новосибирск.

М. Ботвинник, В. Смыслов — победители турнира памяти А. Алехина

Турнир закончился «как по расписанию»: 11 гроссмейстеров «по занимаемой должности» расположились впереди мастеров, которые очень вежливо относились к гроссмейстерам.

Гроссмейстеры между собой также были исключительно вежливы. Они пропустили вперед тех, кто имеет высший титул: «Пожалуйста, товарищ Ботвинник, Вы — чемпион мира, пожалуйста, товарищ Смыслов, Вы — претендент на это звание. Ну, а затем Вы, товарищ Тайманов, Вы — чемпион СССР!» На четвертом месте по логике вещей полагалось бы быть Д. Бронштейну, экс-претенденту. Но он, «споткнувшись» в первом туре, несмотря на великолепный финиш, пропустил на это место превосходно игравшего югославского гроссмейстера С. Глигорича, а сам устроился на пятом.

Чемпион мира в этом турнире продемонстрировал прекрасную игру. Он проиграл лишь одну партию, последнюю, П. Кересу. В. Смыслов в последнем туре, играя с Г. Штальбергом, постарался: при доигрывании он буквально одной кристально-чистой техникой переиграл шведского гроссмейстера. То, что накануне казалось маловероятным, случилось. На «финишной ленте» претендент догнал чемпиона, разделив с ним победу в этом замечательном соревновании.

М. Ботвинник показал, что он попрежнему «главнокомандующий» в шахматном мире, а В. Смыслов,— что он попрежнему его грозный соперник.

Этот результат турнира делает еще интереснее предстоящий матч на первенство мира.

Сало ФЛОР

Из почты «Огонька»

Под небом Пензы

Многие садоводы-любители Пензы выращивают виноград. Здесь вызревают грозди «Черного сладкого», «Мадлен Анжевин», «Сеянца Маленгра», «Шасла» и других сортов.

Особенно больших успехов в разведении этой южной культуры добился Порфирий Федорович Савельев. В его садике больше десятка плодоносящих кустов винограда. С каждого куста он снимает ежегодно до пяти килограммов замечательных ягод.

Н. ПАВЛОВ

Пенза.

Карликовая яблоня

При закладке фруктового сада очень важно посадить между рядами обыкновенных деревьев карликовые. Они рано начинают плодоносить, давая каждый год полноценные урожаи. Посмотрите на карликовую яблоньку сорта Апорт в саду Сергея Ивановича Шмарыго. Ведь ей только третий год, а на ней уже больше десятка «взрослых» ароматных яблок с нежной розовато-красной кожурой.

В. КЛИЧАНОВСКИЙ

Темрюк,
Краснодарского края.

Сады на Алтае

Зима на Алтае сурова, а лето знойное. И все же с каждым годом здесь все больше и больше садов. Обильно плодоносят яблони, выведенные сибирскими и уральскими мичуринцами. В селе Старая Барда лучший сад у семидесятилетнего пенсионера И. А. Сизова. Очень разнообразны в саду ягодники: малина, крыжовник, смородина, крупноплодная земляника, облепиха, черноплодная рябина и другие. У И. А. Сизова бывает много гостей.

А. БОБРИКОВА

Село Калташ,
Алтайского края.

Пришел за советом молодой садовод из соседнего села Калташ.

Черешня в Уфе

10 лет назад из Млеевской опытной станции на Украине в Уфу было завезено однолетнее деревце черешни. А теперь в саду мичуринца А. П. Калашникова растет черешня одиннадцати сортов. Правда, эти деревья не обычные, а стелющейся формы, но с каждого из них садовод собирает урожай до тридцати килограммов ягод. Успешно трудится он и над выведением местного, башкирского сорта черешни. Ее сеянцы и гибриды в будущем году принесут первый урожай.

А. АХМЕРОВ
Фото Х. Вафина.

Уфа.

Забавные явления

В одном из учреждений Харькова происходили необычные явления с сотрудницей (назовем ее К.). Когда она, подойдя к металлическому шкафу, дотрагивалась до него рукой, раздавался характерный треск электрического разряда, а в пальцах появлялось неприятное ощущение. Другие сотрудники, прикасавшиеся к шкафу, ничего подобного не испытывали.

При ознакомлении с этими как будто загадочными обстоятельствами выяснилось: сотрудница К. получала электрический заряд от трения ее шелкового платья о фанерное сиденье стула, а подошвы из микропористой резины задерживали образовавшийся заряд.

Разгадка оказалась совсем несложной.

Н. СТЕПАНОВ

Харьков.

Кандидат физико-математических наук М. Н. Аленцев подтверждает правильность объяснения читателем причины электризации сотрудницы К. «Обычно,— говорит он,— такие явления мы не замечаем в быту, так как электрические заряды «стекают» по проводникам в землю. Подошвы из микропористой резины — хорошие изоляторы, но стоило сотруднице К. приблизиться к какому-нибудь заземленному предмету, как между нею и этим предметом возникал электрический разряд — своеобразная крошечная молния, которую в темноте можно даже увидеть».

Колхозному детскому саду подарили ослика. Маленького, но сильного, трудолюбивого и послушного. Ослик не только катал ребят, но и привозил молоко, хлеб, овощи, дрова. Ослик не отказывался ни от какой работы.

Все хвалили осла.

Но таким он бывал не всегда. С ним иногда случалось такое, что он становился упрямее всех ослов. Он не давался запрягаться, не хотел выходить из своей загородки. Брыкался. Нестерпимо кричал. И если его удавалось запрячь, то никакая сила не могла заставить ослика сдвинуться с места. И самым удивительным было то, что так себя ослик вел лишь по понедельникам.

Кому только не жаловались на осла! И зоотехнику. И ветеринарному врачу. И председателю колхоза. Все разводили руками. Никто не мог объяснить, почему именно в понедельник осел не хотел работать.

Много понедельников мучились с ослом и наконец узнали, в чем дело. Сторож сельского магазина сказал. Оказывается, ослик семь лет работал при магазине. Семь лет понедельник был для него выходным днем. И теперь он никак не хочет изменить своей привычки.

Евг. ПЕРМЯК

КИТАЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Большая река течет спокойно, умный человек не повышает голоса.

Нет реки, через которую нельзя было бы переправиться.

От гнева стареешь, от смеха молодеешь.

При удаче и кошка радуется, как тигр.

Человек после смерти оставляет имя, а леопард только шкуру.

Яйцо еще не цыпленок.

Большая кисть пишет большие иероглифы, большой человек делает большие дела.

Веером не защитишь поле от солнца.

Когда два дракона дерутся, черепахам, рыбам и крабам быть битыми.

Когда у друзей сердца едины, то и желтая глина станет золотом.

Даже самая высокая гора, и та не заслонит солнца.

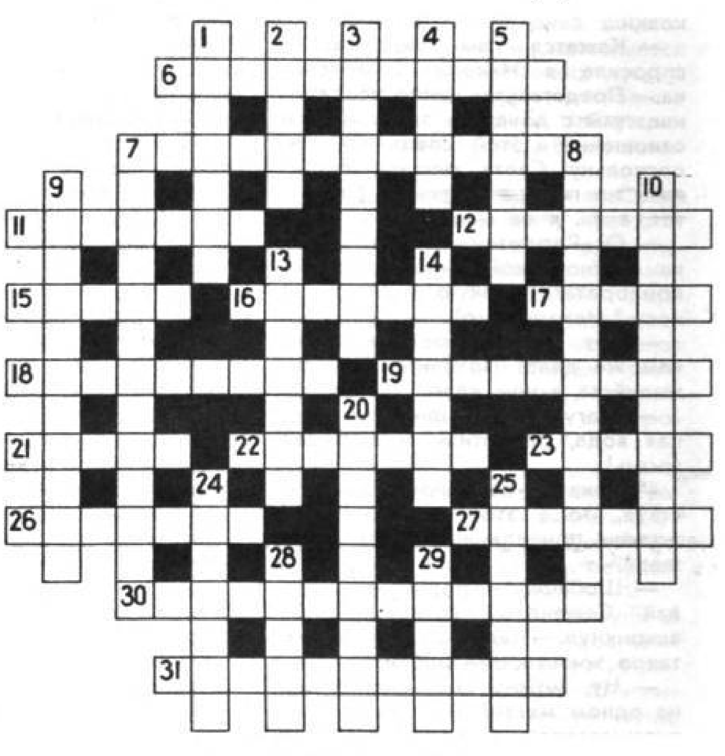
Не поднявшись на гору, не увидишь равнины.

На тысячу ли разносится звук, на десять тысяч — славное имя.

Дерево высотой в тысячу чжан, а листья все же падают около него.

Перевели с китайского М. Бородин, О. Старикова и Шан Юн-цин.

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Свойство атома. 7. Специалист по электрическому оборудованию. 11. Вид торговли. 12. Перелетная птица. 15. Горный перевал в Болгарии. 16. Напев. 17. Произведение Ф. М. Достоевского. 18. Арифметическое действие. 19. Спортсмен. 21. Вертикальный склон. 22. Часть пишущей машинки. 23. Пристань на Оке. 26. Кишечнополостное животное. 27. Препарат для предохранительных прививок. 30. Арабское государство. 31. Цирковой артист.

По вертикали:

1. Русский архитектор. 2. Медленный темп в музыке. 3. Отзвук. 4. Город в Таджикской ССР. 5. Раздел механики. 7. Представитель группы прогрессивных французских мыслителей XVIII века. 8. Перестройка, преобразование. 9. Наука о старинных монетах и медалях. 10. Участник массового шествия. 13. Русский живописец. 14. Местное наречие. 20. Основная тема музыкального произведения. 24. Вид яблони. 25. Музыкант. 28. Змея. 29. Тип предгорий в полупустынных областях Средней Азии.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 45

По горизонтали:

3. Содружество. 8. Искание. 9. Афоризм. 12. Рада. 13. Начинание. 14. Опыт. 15. Туркмены. 18. Тральщик. 20. Штурвальный. 23. Читальня. 24. Вокалист. 25. Камышит. 28. Рапс. 30. Кекс. 31. Новаторство. 32. Папировка.

По вертикали:

1. Сувенир. 2. Деканат. 4. Обаяние. 5. Вербена. 6. Вспашка. 7. Взморье. 10. Натуралист. 11. Рысистость. 16. Наушник. 17. Красоты. 19. Рангоут. 21. Карнай. 22. Пленка. 26. Маятник. 27. Швартов. 29. Столп. 30. Ковжа.

На вкладках этого номера четыре страницы репродукций картин румынских художников и четыре страницы цветных фотографий.

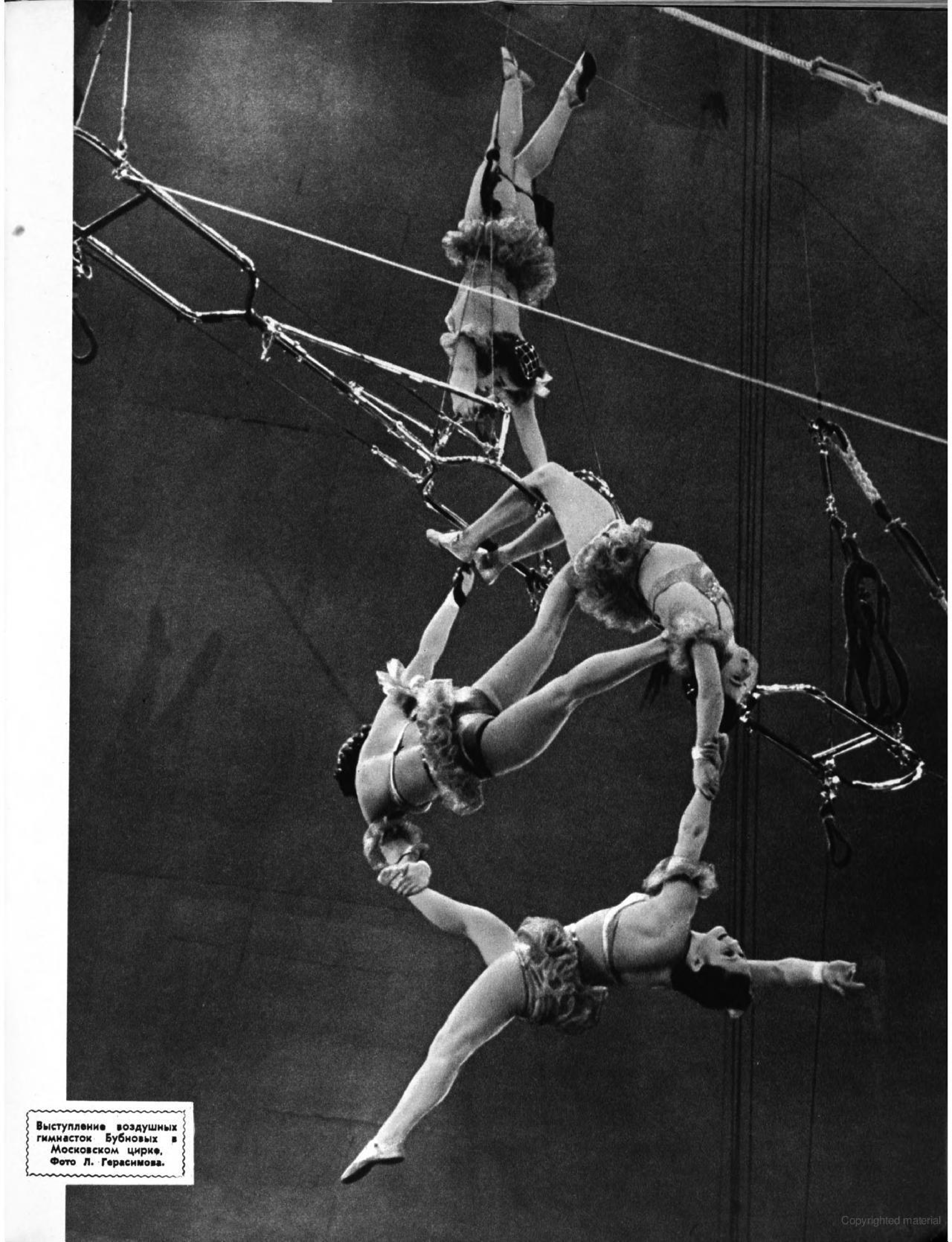
Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: В. Ф. БАРЫКИН, А. С. ВАРШАВСКИЙ, И. П. ГОРЕЛОВ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Л. А. КУДРЕВАТЫХ (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, Т. З. СЕМУШКИН, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61; Публицистики и очерка — Д 3-39-27; Информации — Д 3-39-07; Международного — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-83; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-65; Юмора и сатиры — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-38-08; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 12727. Подписано к печати 8/XI 1956 г. Формат бум. 70 × 108¼. 2.5 бум. л. — 6.85 печ. л. Тираж 1 000 000. Изд. № 988. Заказ № 2912.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Выступление воздушных гимнасток Бубновых в Московском цирке.
Фото Л. Герасимова.

Зеленый байховый чай имеет приятный вкус и тонкий аромат, прекрасно освежает и утоляет жажду.

В напитке из зеленого байхового чая содержатся ценные вещества: таннин, кофеин, витамины «С», «В» и «Р», которые благотворно действуют на организм человека, повышая его жизнедеятельность.